СГИ:СЭП

ISSN 3033-7909

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

ПРАВО

LAW

SOCIAL AND HUMANITARIAN RESEARCH:

SHR:SEL

2025. Том (Vol.) 1. № 1

16+

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: социология, экономика, право

2025. Том 1. № 1

Журнал является рецензируемым изданием
Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

Журнал зарегистрирован в комитете РФ по печати. **ISSN 3033-7909**
Свидетельство о регистрации **ЭЛ №ФС77-89985 от 05 сентября 2025 г.**

Адрес редакции:
119435, Москва, пр-т Вернадского, д. 88, комн. 446
Тел.: +7 (499) 438-18-45
E-mail: sep@mpgu.su. **Сайт журнала:** https://journal-sep.ru

Мнение редакционной коллегии
по материалам дискуссионного характера
может не совпадать с мнением авторов.

При полной или частичной
перепечатке материалов ссылка
на журнал «Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право» обязательна.

Подписано в печать 30.09.25
© МПГУ, 2025

SOCIAL AND HUMANITARIAN RESEARCH: Sociology, Economics, Law

2025. Vol. 1. № 1

The Journal is a peer-reviewed scientific publication
The journal is published 4 times per year

Founders of journal:
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Moscow State Pedagogical University”

Journal is registered in the State Press Committee of the Russian Federation.
Certificase of registration **EL No. FC77-89985 dated september 05, 2025**

Editorial office address: 119435, Moscow, Vernadsky Ave., 88, office 446.
Tel.: + 7 (499)438-18-45
E-mail: sep@mpgu.su
W ebsite:https://journal-sep.ru/

Editors’s views may differ from the author’s opinions.

In case of partial or complete reproduction of the journal materials, the reference to “Social and Humanitarian Research: Sociology, Economics, Law” is mandadory.

© MPGU, 2025

Мусарский Марк Михайлович (главный редактор), доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института социально-гуманитарного образования МПГУ; e-mail: mm.musarskij@mpgu.su

Глушков Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права МПГУ; e-mail: ai.glushkov@mpgu.su

Зотов Виталий Владимирович, доктор социологических наук, профессор Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук Московского физико-технического института (национального исследовательского университета); e-mail: om_zotova@mail.ru

Иванов Сергей Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой МПГУ; e-mail: syu.ivanov@mpgu.su

Кузнецова Валентина Петровна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры отраслевой экономики и финансов Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; e-mail: vpr11000@yandex.ru

Лихачев Михаил Олегович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента МПГУ; e-mail: mo.likhachev@mpgu.su

Ложкин Анатолий Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент, Почётный доктор наук Ассоциации исследователей российского общества – XXI, соучредитель и член Дирекции НФ Фонда региональных и общественных связей, Москва, Российская Федерация, e-mail: 1952lozhkin@mail.ru

Лоскутова Ирина Мироновна, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий лабораторией социальных технологий Института клинической психологии и социальной работы Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова; e-mail: loskutova07@yandex.ru

Минин Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор кафедры права МПГУ; e-mail: aya.minin@mpgu.su

Пашенцев Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; e-mail: dp-70@mail.ru

Платонова Елена Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и менеджмента МПГУ; e-mail: ed.platonova@mpgu.su

Пржиленская Ирина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии МПГУ; e-mail: ib.przhilenskaya@mpgu.su

Сельская Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент Открытого гуманитарно-экономического университета; e-mail: selskaya0719@mail.ru

Соловых Надежда Николаевна, кандидат экономических наук, профессор Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ; e-mail: solovyh2011@yandex.ru

Чвякин Владимир Алексеевич, доктор философских наук, кандидат медицинских наук, профессор кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой МПГУ; e-mail: 195805@mail.ru

Ширяева Светлана Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права МПГУ; e-mail: sv.shiryaeva@mpgu.su

Состав редакции:
Выпускающий редактор: *А.М. Королева*
Дизайн, верстка: *Ю.В. Диярова*

Musarsky Mark Mikhaylovich (Editor-in-Chief), Doctor of Economic Scienses, Professor, Scientific Adviser of Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University; e-mail: mm.musarskij@mpgu.su

Glushkov Alexander Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Law, Moscow Pedagogical State University; e-mail: ai.glushkov@mpgu.su

Zotov Vitaly Vladimirovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Educational and Scientific Center for Humanities and Social Sciences, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University); e-mail: om_zotova@mail.ru

Ivanov Sergey Yurievich, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Department of Theoretical and Special Sociology named after M.A. Budanova, Moscow Pedagogical State University; e-mail: syu.ivanov@mpgu.su

Kuznetsova Valentina Petrovna, Doctor of Economic Scienses, Accociate Professor, Professor, Department of Industrial Economics and Finance, Russian State Pedagogical University of A.I. Herzen; e-mail: vpr11000@yandex.ru

Likhachev Mikhail Olegovich, Doctor of Economic Scienses, Professor, Department of Economic Theory and Management, Moscow State Pedagogical University; e-mail: mo.likhachev@mpgu.su

Loskutova Irina Mironovna, Doctor of Social Sciences, Candidate of Philosofical Sciences, Head of the Laboratory of Social Technologies at the Institute of Clinical Psychology and Social Work, Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov; e-mail: loskutova07@yandex.ru

Lozhkin Anatoliy Grigorievich, Candidate of Historical Sciences, Accociate Professor, Honorary Doctor of Science of the Association of Researchers of Russian Society – XXI, Co-Founder and Member of The Directorate of The Regional and Public Relations NF Fund; e-mail: 1952lozhkin@mail.ru

Minin Anatoliy Yakovlevich, Doctor of Law, Professor, Department of Law, Moscow Pedagogical State University; e-mail: aya.minin@mpgu.su

Pashentsev Dmitriy Aleksandrovich, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Department of Law Theory and Interdisciplinary Studies of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; e-mail: dp-70@mail.ru

Platonova Elena Dmitrievna, Doctor of Economic Scienses, Professor, Head of the Department of Economic Theory and Management of the Moscow State Pedagogical University; e-mail: ed.platonova@mpgu.su

Przhilenskaya Irina Borisovna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Culturology, Moscow Pedagogical State University; e-mail: ib.przhilenskaya@mpgu.su

Selskaya Olga Vladimirovna, Candidate of Social Sciences, Accociate Professor, Open University of Humanities and Economics; e-mail: selskaya0719@mail.ru

Solovykh Nadezhda Nikolaevna, Candidate of Economic Scienses, Professor, Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: solovyh2011@yandex.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich, Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Theoretical and Special Sociology named after M.A. Budanova, Moscow State Pedagogical University; e-mail: 195805@mail.ru

Shiryaeva Svetlana Valentinovna, Candidate of Law, Accociate Professor, Head of the Department of Theory of Government and Rights, Moscow State Pedagogical University; e-mail: sv.shiryaeva@mpgu.su

Editorial staff:
Executive editor *A. Koroleva*
Design and layout: *Yu. Diyarova*

Журнал представляет современные работы российских ученых по следующим научным специальностям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика;
5.2.6. Менеджмент;
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;
5.1.4. Уголовно-правовые науки.

К читателю ... 6

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ (5.4.4)

Шилина С.А., Мельников С.Л., Гончарова И.А. Культурный код в эпоху цифровизации: социологическое исследование ... 8

Иванов С.Ю., Иванова Д.В. Образовательная дифференциация молодежи как атрибут стабильной занятости ... 17

МЕНЕДЖМЕНТ (5.2.6)

Лебедев А.Н. Стратегия и тактика управления структурой капитала коммерческих организаций ... 29

Николаев М.В., Лугов И.А. Цифровизация общего образования в Московской области: образовательные и социальные эффекты ... 37

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА (5.2.3)

Лихачев М.О. Санкционное давление на экономику России в 2022 г. в контексте концепции макроэкономического равновесия в открытой экономике ... 50

Демина В.В., Ван С. Методы повышения клиентской лояльности международной компании XIAOMI ... 64

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (5.1.1)

Соловьев А.А. Подходы к проблемам судейской этики в зарубежной доктрине: теоретико-правовой аспект ... 72

Шеяфетдинова Н.А. Виртуализация государственности и государствоподобные виртуальные образования ... 80

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (5.1.4)

Поликашина О.В. Кража автомобиля и кража имущества из этого автомобиля: разграничение единого продолжаемого преступления и совокупности преступлений ... 89

Глушков А.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности и основные направления их использования в уголовном судопроизводстве ... 96

The journal presents modern works by Russian scientists in the following scientific specialties:

5.4.4. Social structure, social institutions and processes;
5.2.3. Regional and sectoral economy;
5.2.6. Management;
5.1.1. Theoretical and historical legal sciences of law;
5.1.4. Criminal law sciences.

To the reader 6

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES (5.4.4)

Shilina S.A., Melnikov S.L., Goncharova I.A. Cultural code in the era of digitalization: a sociological study 8

Ivanov S.Y., Ivanova D.V. Educational differentiation of youth as attributes of stable employment 17

MANAGEMENT (5.2.6)

Lebedev A.N. Strategy and tactics of managing the capital structure of commercial organizations 29

Nikolaev M.V., Lugov I.A. Digitalization of general education in the Moscow region: educational and social effects 37

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY (5.2.3)

Likhachev M.O. Sanctions pressure on the Russian economy in 2022 in the context of the concept of macroeconomic equilibrium in an open economy 50

Demina V.V., Wang Xin. Methods of increasing customer loyalty at the international company XIAOMI 64

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES OF LAW (5.1.1)

Solovyev A.A. Approaches to the problems of judicial ethics in foreign doctrine: theoretical and legal aspect 72

Sheyafetdinova N.A. Virtualization of statehood and state-like virtual entities 80

CRIMINAL LAW SCIENCES (5.1.4)

Polikashina O.V. Theft of a car and theft of property from this car: differentiation of a single ongoing crime and a set of crimes 89

Glushkov O.V. The results of operational investigative activities and the main directions of their use in criminal proceedings 96

К ЧИТАТЕЛЮ / TO THE READER

Сетевой научно-образовательный журнал «Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право» создан в 2025 г. для публикаций результатов научно-исследовательской деятельности. Цель журнала – освещать современные тренды в отечественной социологии, экономике и юридических науках, дать развернутую картину исследований в заявленных направлениях науки в России, доносить до студентов, преподавателей, широкой общественности научно обоснованное понимание всех происходящих в социальной и гуманитарной сфере сложных и противоречивых событий, представлять современные работы российских ученых по следующим научным специальностям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика;
5.2.6. Менеджмент;
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;
5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Каждый раздел журнала будет информировать сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых ученых.

Цель раздела «Социология» – освещать современные тренды в отечественной социологии, дать развернутую картину социологических исследований в России, представлять современные работы российских ученых. Раздел будет информировать социологическое сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых ученых.

В числе приоритетных тем: проблемы теоретической социологии, прикладные социологические исследования социальной структуры, социальных институтов и общественных процессов, а также обзор исследовательского опыта в контексте происходящих социальных изменений.

Редакционная политика направлена на освещение наиболее острых вопросов развития отраслевой и региональной экономики, поскольку с учетом просторов нашей родины и наличия многоотраслевого народнохозяйственного комплекса от их решения зависит наращивания темпов инновационного развития экономики, повышения ее конкурентоспособности и обеспечение высоких стандартов образования.

Однако эти вопросы в принципе не могут быть решены без эффективной системы менеджмента организаций, выработки стратегии развития предприятий и организаций и подготовки высокопрофессиональных кадров управления.

Проблематика формирования и развития государства и права привлекает повышенное внимание в современной непростой геополитической ситуации. Дискуссионные вопросы, связанные с происхождением форм государства и правовых систем, теоретическими аспектами развития этих системообразующих феноменов, а также анализ наиболее актуальных политических и правовых учений представлены в разделе «Теоретико-исторические правовые науки».

В журнале также представлены статьи, посвященные исследованию современных тенденций уголовной политики, развития уголовного законодательства и практики его применения; анализу структуры и динамики преступности; выявлению особенностей отдельных видов преступности и их предупреждения; эффективности мер наказания и уголовно-исполнительного законотворчества – данной проблематике посвящен раздел «Уголовно-правовые науки».

Целевая аудитория журнала включает ученых, преподавателей вузов, практикующих специалистов, докторантов, аспирантов, соискателей и всех интересующихся вопросами социологии, экономики и права.

Приглашаем к сотрудничеству и выражаем уверенность, что наш журнал будет полезен в вашей исследовательской и практической деятельности.

Хотелось бы выразить слова признательности в адрес ректора МПГУ академика РАО, профессора А.В. Лубкова, директора Института социально-гуманитарного образования Д.А. Ростиславлева за поддержку и обеспечение возможности выхода журнала «Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право»: в настоящем формате.

Благодарю всех членов редакционного совета журнала за проделанную работу, а всем будущим авторам журнала желаю достижения новых научных высот, творческих успехов и актуальных материалов для нашего журнала!

Главный редактор журнала,
научный руководитель
Института социально-гуманитарного образования,
Московский педагогический государственный университет,
доктор экономических наук М.М. Мусарский

Editor-in-Chief,
Scientific Adviser of Institute
of Social and Humanitarian Education,
Moscow State Pedagogical University,
Doctor of Economic Scienses M.M. Musarsky

УДК 316.3
ББК 60.2561.2
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-01-08-16

КУЛЬТУРНЫЙ КОД В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

С.А. Шилина, С.Л. Мельников, И.А. Гончарова

Аннотация. *Обращение к проблеме культурного кода в эпоху стремительного внедрения информационных технологий практически во все сферы жизнедеятельности социума актуально, насущно и востребовано. Очень важны социологические исследования, констатирующие уровень духовной культуры, нравственности общества, выявляющие представления людей о своей идентичности, о встроенности в цепь преемственности поколений. На основе этих данных выявляются реперные точки современности, прогнозируются пути разрешения проблем. Отсюда проистекает цель статьи – проанализировать результаты социологического исследования, направленного на выявление состояния культурного кода россиян в эпоху цифровизации. Проблемы, связанные с данным вопросом, очень важны. Невозможно воспитать патриотизм в подрастающем поколении, если ценности молодых людей не будут находиться в пространстве интересов предшествующих поколений, если разрыв между потомками и отцами, и дедами будет проходить в сфере культуры. Результаты авторского социологического исследования продемонстрировали нарушение культурного кода. Разделы статьи: введение, постановка проблемы и анализ литературы, анализ результатов социологического исследования, вывод. Методом исследования стало включенное наблюдение. Авторы приходят к выводу о том, что разрыв культурного кода чреват многими негативными последствиями: отсутствием взаимопонимания между поколениями, утратой духовных ценностей, забвением русской культуры, которая делала наш народ великим и самобытным. Исправлению подобной ситуации может способствовать солидарность общества перед вызовами 2022–2023 гг.*

Ключевые слова: *культурный код, цифровизация, включенное наблюдение, связь поколений, управленческий дискурс.*

Для цитирования: *Шилина С.А., Мельников С.Л., Гончарова И.А.* Культурный код в эпоху цифровизации: социологическое исследование // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 1. С. 8–16. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-01-08-16

© Шилина С.А., Мельников С.Л., Гончарова И.А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

CULTURAL CODE IN THE ERA OF DIGITALIZATION: A SOCIOLOGICAL STUDY

S.A. Shilina, S.L. Melnikov, I.A. Goncharova

Abstract. *Addressing the problem of the cultural code in the era of the rapid introduction of information technology in almost all spheres of society is relevant, urgent and in demand. Sociological research is very important, stating the level of spiritual culture, the morality of society, revealing people's ideas about their identity, about being embedded in the chain of succession of generations. Based on these data, reference points of modernity are identified, ways of solving problems are predicted. Hence the purpose of the article is to analyze the results of a sociological study aimed at identifying the state of the cultural code of Russians in the era of digitalization. The issues related to this issue are very important. It is impossible to foster patriotism in the younger generation if the values of young people will not be in the space of the interests of previous generations, if the gap between descendants and fathers and grandfathers will take place in the sphere of culture. The results of the author's sociological research demonstrated a violation of the cultural code. Sections of the article: introduction, problem statement and literature analysis, analysis of the results of sociological research, conclusion. The included observation became the method of research. The authors conclude that the rupture of the cultural code is fraught with many negative consequences: the lack of mutual understanding between generations, the loss of spiritual values, the oblivion of Russian culture, which made our people great and original. The solidarity of society in the face of the challenges of 2022–2023 can contribute to the correction of such a situation.*

Keywords: cultural *code, digitalization, included observation, communication of generations, managerial discourse.*

Cite as: Shilina S.A., Melnikov S.L., Goncharova I.A. Cultural code in the era of digitalization: a sociological study. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo.* 2025, No. 1, pp. 8–16. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-01-08-16

Введение

Актуальность обращения к проблемам культурного кода россиян вызвана теми трансформациями, которые происходят в социуме в последнее время. Важность обращения к культурному коду как одной из составляющих единения нации в непростое время может быть подтверждено тем, что 09.11.2022 вышел Указ № 809 Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В числе прочего в этом документе целями и задачами государственной политики является сохранение культуры (п. 24) [12, с. 6]. Управленческий дискурс [1; 7] направлен на создание взаимопонимания, взаимосогласия между различными слоями нашего социума, в том числе между поколениями.

Постановка проблемы и анализ литературы

Эпоха цифровизации предъявила новые вызовы российскому социуму, обнажив пропасть между старшим поколением и последующими поколениями по такому водоразделу, как владение информационными технологиями. В нашем обществе есть те, кто не может даже включить компьютер в сеть, и те, кто владеет гаджетами буквально с того возраста, как научается произносить первые слова и делать первые шаги самостоятельно. Многие представители старшего поколения стремятся социализироваться в «цифровые поля социальных трансформаций» [3; 4; 5], и им это удается. Но культурную пропасть перешагнуть невозможно в силу того, что у молодого поколения нет того багажа знаний, который был у представителей тех поколений, получивших образование в советское время и у которых к окончанию школы было накоплено определенное количество сведений, создающих базу для дальнейшего как духовного, так и интеллектуального развития личности. Данный культурный багаж способствовал тесной связи между этим и предшествующими поколениями. Был один культурный код. Литература изучалась в советское время в тесной связи с историей, широко привлекались живопись, архитектура, музыка для погружения учеников в ту эпоху, о которой шла речь на уроке [13]. Сейчас, на поверхностный взгляд, больше возможностей для получения разносторонних знаний. Интернет способен «выдать» много информации «всякой и разной», но для этого нужно знать, что и как искать. Ищут, конечно, но не то, что повышает культурный уровень, а то, что удовлетворяет потребности представителей «общества потребления» [6; 8] (без тавтологии не обойтись). Разрыв наблюдается и в такой важной составляющей культуры, как язык [15; 16]. Как представляется, это связано с тем, что теперешние молодые люди не читают тех книг, которые стали классикой нашей литературы. Не хочется прибегать к стигматизации [9], но опыт подсказывает, что наше утверждение не лишено смысла. Без чтения не может быть создан тот словарный запас, который определяет высокий уровень культуры человека [17; 18]. Язык – развивающееся явление, нет беды в том, что одни слова и выражения уходят в пассивный запас, а другие, новые, появляются и обосновываются на правах активно употребляемых. Тревожит то, что исконно русскую лексику заменяют иностранные слова, которые не несут дополнительной смысловой нагрузки и, по большому счету, засоряют язык, углубляя культурную пропасть между поколениями. Казалось бы, средства массовой информации [14] в силу специфики своих функций могут способствовать нивелированию языкового разрыва, но и тут наблюдается такое явление, как утрата культуры речи.

Анализ результатов социологического исследования

Переход образования на дистант в период так называемой пандемии 2020–2021 гг. [11] наглядно продемонстрировал всю пагубность цифровизации для образования. Последствия виртуализации личности [10; 11] не очень благотворно сказались на молодом поколении. Об этом свидетельствуют, в числе прочего, и результаты социологического исследования, проведенного авторами статьи методом наблюдения. Исследование проводилось в течение ноября – декабря 2022 г. с обучающимися 11 класса общеобразовательных школ города Брянска (15 человек), студентами 1 и 3 курсов направления подготовки «Социология» и «Журналистика» Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (12 и 15 человек

соответственно), студентами 3 курса направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» Московского городского университета управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова (32 респондента), отдельными респондентами в возрасте от 30 лет и старше (8 респондентов).

Респондентам в ходе беседы о важности владения ораторским искусством говорилось о внешней непривлекательности (по отзывам современников поэта) А.С. Пушкина и о парадоксе: им восхищались, его боготворили в светском обществе, благодаря красноречию. Признанные красавицы влюблялись в поэта, о чем свидетельствует история его женитьбы. И предъявлялась репродукция знаменитого портрета кисти Александра Брюллова (рис. 1).

Рис. 1. Н.Н. Пушкина, урожденная Гончарова
Худ. А.П. Брюллов. 1831–1832 гг.

Мало кто из респондентов идентифицировал изображенного на портрете человека. Рассмотрим получившиеся результаты.

13,33 % от студентов 3 курса направления подготовки «Журналистика» Брянского госуниверситета имени академика И.Г. Петровского ответили верно.

Студенты 1 курса направления подготовки «Социология» Брянского госуниверситета имени академика И.Г. Петровского идентифицировали следующим образом: «Екатерина» (имея в виду Екатерину II) – 75 % от числа респондентов данной группы; 8,33 % – «Наташа Ростова», 16,66 % – «Елизавета» (имея в виду Елизавету Петровну – дочь Петра I). Интересный комментарий по поводу данных ответов дал респондент женского пола (34 года), по профессии врач (ответивший верно):

> Обидно … <что не узнают и считают человеком не Пушкинской эпохи> и без комментариев, так как, ну, если уж не знаешь, как кто выглядит, на стиль платьев можно хотя бы обратить внимание. Такие рукава-окорока как раз вошли в моду в 30-х гг. XIX в. (для создания эффекта пышности подкладывали мешочки ткани, набитые, ну, к примеру, шестью). И из-за контраста создавалось впечатление особенно узкой талии. Она, кстати, еще не вернулась со времен ампира на свое законное место, продолжает быть завышенной. А! Обратите внимание, что тут рукава выполнены из газа, это желание светских красавиц убить двух зайцев: и носить модные платья, и соблюдать этикет, а согласно ему вечернее платье должно быть непременно с коротким рукавом (поэтому такая вот хитрость, рукав и есть, и его нет). Хотя я, наверное, пошла слишком сложным путем.

Социолог (64 года), респондент мужского пола: «А.П. Керн». Наверное, знал, но забыл. Промелькнуло, что кто-то, связанный с А.С. Пушкиным.

3,13 % правильных ответов было в группе студентов 3 курса направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» Московского городского университета управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова.

Учащиеся 11 класса общеобразовательных школ города Брянска честно отвечали: «Не знаю», в отличие от студентов, которые пытались хоть как-то обозначить изображенного на репродукции человека.

Представителям поколений людей старше 30 лет репродукция предъявлялась без предварительной беседы, озвучивалась просьба идентифицировать человека. Как уже отмечалось, один респондент мужского пола (64 года) обозначил как «А.П. Керн», другой респондент женского пола (77 лет, пенсионерка, бывший воспитатель детского сада) отказался идентифицировать, заявив, что есть более важные для него проблемы, чем вспоминать, кто изображен на портрете. Остальные шесть респондентов ответили верно (мужчины в возрасте 30 и 43 лет (врач и предприниматель), женщины в возрасте 41 года (строитель), 34 (врач), 55 лет (педагог), 71 года (социолог)).

Сколько клеветы и осуждений вытерпела изображенная на портрете личность и при жизни, и после ухода в мир иной, но самое страшное – это забвение. В 20-х гг. XXI в. оказался невостребованным тот культурный багаж, чем владели двести лет русские люди, который давал ощущение неразрывной связи поколений.

Вывод

Итак, разрыв культурного кода чреват многими негативными последствиями: отсутствием взаимопонимания между поколениями, утратой духовных ценностей, забвением русской культуры, которая делала наш народ великим и самобытным. 2023 год в России объявлен Годом педагога и наставника, это очень важно. Именно педагоги и наставники призваны нести свет знаний подрастающему поколению, сохранять культурный код, выступающий в роли связующего элемента между многими поколениями. Культурный код способствует тому, что мы помним традиции и обычаи своих предков, что служат основой формирования важного чувства – патриотизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дискурсивные технологии управления: Учебник для магистратуры и бакалавриата по направлению подготовки «Социология» / Т.В. Епремян, Т.Е. Лифанова, Н.А. Стародубцева и др. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2022. 258 с.
2. Дискурс социальных проблем в образовательном пространстве в период пандемии коронавируса: опыт учащихся общеобразовательных школ / С.Л. Мельников, И.А. Гончарова, С.И. Демин, М.С. Морозов // Дискурс социальных проблем в социокультурном, образовательном, языковом пространстве в период пандемии коронавируса: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Брянск, 10 февраля 2021 г. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2021. С. 391–399.
3. *Ефимочкина Н.Б., Мамедов А.К.* Эволюция цифровых полей социальных трансформаций // Экономика. Социология. Право. 2021. № 4 (24). С. 73–85.

4. *Ефимочкина Н.Б., Мамедов А.К.* Цифровые поля социальных трансформаций мегаполиса // Экономика. Социология. Право. 2021. № 3 (23). С. 35–45.
5. *Епремян Т.В., Шилина С.А.* Дискурс социального пространства города в условиях цифровизации // Дискурс социальных проблем в социокультурном, образовательном, языковом пространстве в период пандемии коронавируса: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2021. С. 25–31.
6. *Коркия Э.Д., Мамедов А.К., Макарова Е.А.* Потребление как атрибут современной цивилизации: история и новые тренды // Гуманитарные, социально-экономические и общественный науки. 2020. № 7. С. 34–39.
7. *Лифанова Т.Е., Епремян Т.В., Шилина С.А.* Дискурсивные технологии в социальной работе: благотворительность и меценатство: Учебно-методическое пособие для бакалавриата по направлению подготовки 39.03.02 Социальная работа (Социальная работа в системе социальных служб). Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2022. 162 с.
8. *Мамедов А.К., Коркия Э.Д., Малашонок С.Г.* Новый взгляд на прежние маркеры социальной стратификации: образование в обществе потребления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 4. С. 777–788.
9. Мамедов А.К., Липай Т.П. Социальная стигматизация: генезис и детерминанты становления // Социологический альманах. 2011. № 2. С. 128–137.
10. *Мамедов А.К.* Личность в информационной матрице: незавершенный проект // Трансформация коммуникации в цифровую эпоху: Материалы научной онлайн-конференции с международным участием, посвященной всемирному дню почты: электронное издание сетевого распространения / под ред. А.К. Мамедова, И.Н. Чудновской. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 76–96.
11. *Мамедов А.К.* Социальные последствия виртуализации личности // Коммуникативное пространство современного мегаполиса: диалог программ: Материалы научной онлайн-конференции с международным участием / под ред. А.К. Мамедова, И.Н. Чудновской. М.: МАКС Пресс, 2019. 106 с.
12. Указ № 809 Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: (дата обращения: 02.01.2023).
13. *Шилин А.М., Шилина С.А.* Репрезентация лексемы «власть» в художественном тексте (по пьесе Л.Н. Толстого «Власть тьмы, или “Коготок увяз, всей птичке пропасть”») // Текст в культурном, языковом, социальном пространстве: Сборник научных статей / отв. ред. В.В. Никульцева. М.: МФЮА, 2021. С. 149–159.
14. *Шилин А.М., Левичева Е.В.* Основные категории телевизионного текста как медиатекста // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: Материалы IX Национальной научно-практической конференции, Брянск, 20 апреля 2022 г. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2022. С. 139–143.
15. *Шилина С.А., Шилин А.М.* Трансформация русского языка как составной части культуры в цифровую эпоху // Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина: XIII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2019»: Сборник материалов. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 1032–1036.
16. *Шилина С.А.* Социолингвистические аспекты русской языковой личности советской эпохи как отражение социокультурных процессов в дискурсе // Поливановские чтения. 2016. № 11. С. 289–296.

17. *Шилина С.А., Боброва С.А., Лученинова Е.С.* Формирование коммуникативной культуры в процессе внедрения инклюзивного образования в России // Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений. XV Международная научная конференция. Доклады и материалы: В 2 ч. / под общ. ред. И.М. Ильинского. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2019. Ч. 1. С. 226–234.
18. *Mamedov A.K.* Sociological Discourse of Culture: Experience in Interpretation / A.K. Mamedov, E.D. Korkiya, M.G. Volnistaya // Веснік Палескага дзяржаўнага універсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук: научно-практический журнал. 2020. № 2. С. 75–83.

REFERENCES

1. *Diskursivnye tekhnologii upravleniya: Uchebnik dlya magistratury i bakalavriata po napravleniyu podgotovki "Sotsiologiya"*. Eds.: T.V. Epremyan, T.E. Lifanova, N.A. Starodubtseva i dr. Bryansk: Bryanskii gosudarstvennyi universitet imeni akademika I.G. Petrovskogo, 2022. 258 p.
2. Diskurs sotsialnykh problem v obrazovatelnom prostranstve v period pandemii koronavirusa: opyt uchashchikhsya obshcheobrazovatelnykh shkol. Eds.: S.L. Melnikov, I.A. Goncharova, S.I. Demin, M.S. Morozov. *Diskurs sotsialnykh problem v sotsiokulturnom, obrazovatelnom, yazykovom prostranstve v period pandemii koronavirusa: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Bryansk, 10 Feb. 2021).* Bryansk: Bryanskii gosudarstvennyi universitet imeni akademika I.G. Petrovskogo, 2021, pp. 391–399.
3. Efimochkina N.B., Mamedov A.K. Evolyutsiya tsifrovykh polei sotsialnykh transformatsii. *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo.* 2021, No. 4 (24), pp. 73–85.
4. Efimochkina N.B., Mamedov A.K. Tsifrovye polya sotsialnykh transformatsii megapolisa. *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo.* 2021, No. 3 (23), pp. 35–45.
5. Epremyan T.V., Shilina S.A. Diskurs sotsialnogo prostranstva goroda v usloviyakh tsifrovizatsii. *Diskurs sotsialnykh problem v sotsiokulturnom, obrazovatelnom, yazykovom prostranstve v period pandemii koronavirusa: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Bryansk: Bryanskii gosudarstvennyi universitet imeni akademika I.G. Petrovskogo, 2021, pp. 25–31.
6. Korkiya E.D., Mamedov A.K., Makarova E.A. Potreblenie kak atribut sovremennoi tsivilizatsii: istoriya i novye trendy. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennyi nauki.* 2020, No. 7, pp. 34–39.
7. Lifanova T.E., Epremyan T.V., Shilina S.A. *Diskursivnye tekhnologii v sotsialnoi rabote: blagotvoritelnost i metsenatstvo: Uchebno-metodicheskoe posobie dlya bakalavriata po napravleniyu podgotovki 39.03.02 Sotsialnaya rabota (Sotsialnaya rabota v sisteme sotsialnykh sluzhb).* Bryansk: Bryanskii gosudarstvennyi universitet imeni akademika I.G. Petrovskogo, 2022. 162 p.
8. Mamedov A.K., Korkiya E.D., Malashonok S.G. Novyi vzglyad na prezhnie markery sotsialnoi stratifikatsii: obrazovanie v obshchestve potrebleniya. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. 2016, Vol. 16, No. 4, pp. 777–788.
9. Mamedov A.K., Lipai T.P. Sotsialnaya stigmatizatsiya: genezis i determinanty stanovleniya. *Sotsiologicheskii almanakh.* 2011, No. 2, pp. 128–137.
10. Mamedov A.K. Lichnost v informatsionnoi matritse: nezavershennyi proekt. *Transformatsiya kommunikatsii v tsifrovuyu epokhu: Materialy nauchnoi onlain-konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi vsemirnomu dnyu pochty: elektronnoe izdanie setevogo rasprostraneniya*. Eds.: A.K. Mamedova, I.N. Chudnovskoi. Moscow: MAKS Press, 2020, pp. 76–96.

11. Mamedov A.K. Sotsialnye posledstviya virtualizatsii lichnosti. *Kommunikativnoe prostranstvo sovremennogo megapolisa: dialog programm: Materialy nauchnoi onlain-konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Eds.: A.K. Mamedova, I.N. Chudnovskoi. Moscow: MAKS Press, 2019. 106 p.
12. Ukaz № 809 Prezidenta Rossiiskoi Federatsii "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiiskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostei". *Available at:* http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (accessed: 02.01.2023).
13. Shilin A.M., Shilina S.A. Reprezentatsiya leksemy "vlast" v khudozhestvennom tekste (po pese L.N. Tolstogo "Vlast tmy, ili "Kogotok uvyaz, vsei ptichke propast'"). *Tekst v kulturnom, yazykovom, sotsialnom prostranstve: Sbornik nauchnykh statei*. Eds.: V.V. Nikultseva. Moscow: MFYuA, 2021, pp. 149–159.
14. Shilin A.M., Levicheva E.V. Osnovnye kategorii televizionnogo teksta kak mediateksta. *Aktualnye problemy sovremennoi gumanitarnoi nauki: Materialy IX Natsionalnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Bryansk, 20 Apr. 2022)*. Bryansk: Bryanskii gosudarstvennyi universitet imeni akademika I.G. Petrovskogo, 2022, pp. 139–143.
15. Shilina S.A., Shilin A.M. Transformatsiya russkogo yazyka kak sostavnoi chasti kultury v tsifrovuyu epokhu. *Sotsialnaya stratifikatsiya v tsifrovuyu epokhu: k 130-letiyu so dnya rozhdeniya Pitirima Sorokina: XIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Sorokinskie chteniya – 2019": Sbornik materialov.* Moscow: MAKS Press, 2019, pp. 1032–1036.
16. Shilina S.A. Sotsiolingvisticheskie aspekty russkoi yazykovoi lichnosti sovetskoi epokhi kak otrazhenie sotsiokulturnykh protsessov v diskurse. *Polivanovskie chteniya.* 2016, No. 11, pp. 289–296.
17. Shilina S.A., Bobrova S.A., Lucheninova E.S. Formirovanie kommunikativnoi kultury v protsesse vnedreniya inklyuzivnogo obrazovaniya v Rossii. *Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: rol gumanitarnogo obrazovaniya v kontekste tekhnologicheskikh i sotsiokulturnykh izmenenii. XV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Doklady i materialy: V 2 ch.* Ed. I.M. Ilinskii. Moscow: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2019, vol. 1, pp. 226–234.
18. Mamedov A.K. Sociological Discourse of Culture: Experience in Interpretation. Eds.: A.K. Mamedov, E.D. Korkiya, M.G. Volnistaya. *Vesnik Paleskaga dzyarzhaŭnaga universiteta. Seryya gramadskikh i gumanitarnykh navuk: nauchno-prakticheskii zhurnal*. 2020, No. 2, pp. 75–83.

Сведения об авторах / About Authors:

Шилина Светлана Александровна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальной работы, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, e-mail: supershili2012@yandex.ru

Shilina Svetlana Alexandrovna, ScD in Sociology, Associate Professor, Professor, Sociology and Social Work Department, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, e-mail: supershili2012@yandex.ru

Мельников Сергей Леонидович, кандидат педагогических наук, профессор, первый проректор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, e-mail: 1prbgu@mail.ru

Melnikov Sergey Leonidovich, PnD in Pedagogical Sciences, Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, e-mail: 1prbgu@mail.ru

Гончарова Ирина Анатольевна, студент 2 курса направления подготовки «Государственное и муниципальное управление», Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова, e-mail: irina_goncharova2003@mail.ru

Goncharova Irina Anatolyevna, Bachelor, Specialization “State and municipal administration”, Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University, e-mail: irina_goncharova2003@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.02.2025 / The article was received on 07.02.2025

Статья принята к публикации 20.02.2025 / The article accepted for publication 20.02.2025

УДК 316.3
ББК 60.2561.2
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-01-17-28

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МОЛОДЕЖИ КАК АТРИБУТ СТАБИЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ

С.Ю. Иванов, Д.В. Иванова

Аннотация. *В статье рассматриваются ключевые направления, определяющие социальную дифференциацию, вызванную несоответствием рынка образовательных услуг и рынком труда. На основе данных социальной статистики и результатов социологических исследований рассматриваются причины, влияющие на формирование профессиональных траекторий молодежи. Особое внимание авторы уделили анализу института образования, который в современном обществе воспроизводит потребности экономической системы и закрепляет социальную дифференциацию, позволяет индивиду осуществить целостный выбор.*

Ключевые слова: *образование, рынок труда, молодежь, дифференциация, занятость.*

Для цитирования: *Иванов С.Ю, Иванова Д.В.* Образовательная дифференциация молодежи как атрибут стабильной занятости // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 1. С. 17–28. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-01-17-28

EDUCATIONAL DIFFERENTIATION OF YOUTH AS ATTRIBUTES OF STABLE EMPLOYMENT

S.Y. Ivanov, D.V. Ivanova

Abstract. *The article discusses the key areas that determine the social differentiation caused by the discrepancy between the educational services market and the labor market. Based on the data of social statistics and the results of sociological research, the reasons influencing the formation of professional trajectories of young people are considered.*

© Иванов С.Ю., Иванова Д.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

The authors paid special attention to the analysis of the institute of education, which in modern society reproduces the needs of the economic system and strengthens social differentiation, allows an individual to make a holistic choice.

Keywords: *education, labor market, youth, differentiation, employment.*

Cite as: Ivanov S.Y., Ivanova D.V. Educational differentiation of youth as attributes of stable employment. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo.* 2025, No. 1, pp. 17–28. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-01-17-28

В современном российском обществе образование играет определенную роль для личностного развития и профессионального роста. Социологи-функционалисты справедливо полагают, что образование работает для социализации индивидов с учетом запросов общества. Т. Парсонс рассматривает процесс образования в контексте выполнения следующих функций: экономическая; социального отбора; политического и социального контроля. Заметим, что приоритеты для будущего личностного развития закладываются еще со школьной скамьи. Образовательные учреждения на различных уровнях социального управления самым непосредственным образом участвуют в создании индивидуального человеческого капитала как совокупности знаний, навыков, культурных норм и ценностей, которые используются в той или иной социальной системе. По существу, они формируют у подрастающего поколения нормы поведения и определенный ценностный базис. Одна из ключевых задач образования заключается в подготовке человека труда для экономической системы, с учетом технологического уровня развития производственных мощностей, требуемых обществом. Образование в современном социуме выполняет роль канала социальной мобильности, обеспечивает воспроизводство человеческого капитала. Однако в условиях ограниченных ресурсов обостряется конкуренция в образовании. Успехи и неудачи в образовании во многом связываются с возможностью конкретного роста и требованиями рынка.

Существует целая система образовательных учреждений, благодаря которым молодой человек может получить необходимые знания для поступления в вуз, приема на работу и для дальнейшего продвижения по карьерной лестнице. Наличие широкого спектра образовательных услуг при ограниченных ресурсах зачастую формирует фиксированную конкуренцию на рынке образования и ограничивает спрос на образовательных услуги традиционных вузов.

При изобилии образовательных услуг и продуктов нельзя однозначно сказать, что современное поколение молодежи высокообразованно. Знания, как таковые, превращаются в «потребительский продукт». Избыток информации не всегда приводит к качественному приращению знаний. Зачастую разрыв в успеваемости молодежи, осваивающей новые знания, сегодня не только не уменьшается, но и увеличивается. Причины здесь самые разнообразные, начиная от социально-экономических и заканчивая личностными.

Современный «образовательный продукт» имеет широкие перспективы роста именно у молодежной целевой группы. Его дифференциация во многом связана с особенностями поведенческих траекторий молодого поколения и, в первую очередь, скорее, с поиском саморазвития, чем с формированием профессиональных

компетенций и выбором будущей профессии. На рынке образовательных услуг мы можем наблюдать следующую дифференциацию: услуги в системе профессионального образования (среднего, высшего и подготовки кадров высшей квалификации) и услуги по дополнительному образованию и обучению детей и взрослых. Причем второй тип услуг по популярности у молодежи часто перевешивает первый тип. В качестве примера приведем образовательную платформу Skillbox.ru. Это одна из ведущих в России образовательных платформ и немногие университеты могут похвастаться таким набором разных программ, курсов и направлений подготовки. На их официальном сайте отмечено 787 курсов: профессии, навыки, высшее образование и даже MBA. Большинство из них можно освоить с нуля, например, python-разработчик за 10 месяцев, бухгалтер – 6 месяцев, интернет-маркетолог – 12 месяцев, режиссер – 12 месяцев или, например, руководитель в ресторанном бизнесе – 9 месяцев. Если вы купите курс с трудоустройством, то компания обещает помочь найти работу или вернет деньги. Такой объем и такая разносторонность составляет серьезную конкуренцию любому вузу, не всегда гарантирующему трудоустройство, не дающего профессию максимум за год и не ведущего курс онлайн, подстраиваясь под ваши запросы и потребности. Да и цены вполне приемлемые, например, чтобы стать бухгалтером за 6 месяцев вы потратите всего 14 400 рублей, оплачивая в месяц 2 400 рублей. Хотите стать интернет-маркетологом, то придется заплатить больше, поскольку длительность курса 12 месяцев – 46 980 рублей (в месяц – 3 915 рублей). Такие цены несоизмеримы с большим конкурсом, сдачей ЕГЭ и оплатой, если не попали на бюджет не меньше 250 тыс. рублей в год. В условиях ужесточающегося социального неравенства, снижения потребительских возможностей у целевых групп, массовое высшее образование с каждым годом снижает свои конкурентные позиции на мобильном рынке образовательных услуг.

По существу, система образования ориентируется на формализованный поколенческий трансфер, интеграцию молодого человека в экономику. Рынок труда задает свои целевые ориентиры в подготовке подрастающего поколения, формировании человеческого капитала. В то же время он обеспечивает использование данного капитала. При этом эффект отдачи человеческого капитала, как подчеркивают Г. Беккер и В. Шульц, зависят от личностной активности и способности саморазвития каждого человека [1].

Безусловно, для общества потребления наиболее «контрастное» формирование человеческого капитала связано с особенностями поведения определенной социальной группы – молодежи [2].

В самом широком значении слова молодежь представляет собой особую социальную группу, которая обладает рядом специфических социально-демографических значимых черт. В их числе возрастные рамки молодежи, согласно действующей нормативно-правовой базе, очерчены весьма нестрого и варьируются в фиксированных пределах с 14 до 35 лет. В то же время дефиницией для данной группы выступает накопленный капитал, а также возможности, которыми обладают различные социальные группы молодежи. На протяжении всей сознательной жизни молодой человек должен принимать самые разнообразные решения, в том числе при выборе учебного заведения, места будущей работы.

В процессе социализации молодежи институты образования задают свои траектории личностного развития. Иными словами, образование сегодня выполняет роль компенсаторного механизма, защищая молодых от возможных социальных рисков.

Однако и данная функция не всегда реализуется в полной мере и отдается на откуп региональным социальным программам.

С каждым годом образовательный процесс сталкивается со все более сложной задачей для подрастающего поколения молодых специалистов. К тому же сама система образования не стоит на месте, а изменяется. Тем не менее, разрыв между требованиями организаций-работодателей и вузов не сокращается.

На какие вызовы система образования должна давать ответы? Во-первых, это несокращающаяся молодежная безработица и низкий уровень оплаты труда молодых специалистов. Согласно данным ООН, в период с 2021 по 2030 гг. численность молодежи вырастет более чем на 78 млн человек. Почти половина этого прироста приходится на страны с низким уровнем дохода. Данные официальной статистики свидетельствуют о том, что достаточно высокой остается доля молодых людей, не имеющих работы, образования или профессиональной подготовки. Их численность сегодня остается высокой и составляет 30 % молодых женщин и 13 % молодых мужчин во всем мире. Для удовлетворения потребностей молодежи в трудоустройстве в ближайшие 15 лет странам необходимо создать как минимум 600 млн рабочих мест [9].

Во-вторых, системы национального образования и обучения должны ответить на современные социальные вызовы и уменьшать возможные риски. Ориентируясь на потребности рынка труда, современные образовательные учреждения разрабатывают свои стратегии адаптации, совершенствуют методы социального взаимодействия с обучающимися. Эти стратегии во многом должны ориентироваться на неоконсервативный подход и предполагать свободу выбора, аккумулировать сложные социально-экономические условия, служить ответом на увеличивающуюся конкуренцию, вызванную отсутствием достаточного финансирования, недостатком кадрового обеспечения, неразвитой учебно-методической базой и др. Учебные заведения предлагают и разрабатывают определенные методы работы, призванные сформировать современного «потребителя знаний», обеспечивающего осознанный профессиональный выбор.

Анализ складывающейся практики позволяет выделить несколько направлений, по которым развиваются учебные заведения: информационное, технологическое и организационное. Для каждого из представленных направлений следует выделить определенную последовательность предпринимаемых действий. Так, информационное направление ориентируется на разработку новых программ, подготовку новых знаний, конкретном опыте. Все это позволяет компенсировать потребности рынка труда в образовательных услугах. Технологическое направление делает ориентир на образование, связанное с изменение методик преподавания, личностно-профессиональных качеств обучающихся. Наконец, организационное направление обусловлено преобразованием структуры учебного процесса, реорганизацией управления. Одна из ключевых задач видится инновационная практика управления, получение элитарного образования, которое увеличивает социальную дифференциацию.

Вместе с тем потребности российской экономики фиксируют аспект повышения доступности образования для молодежи. Данный процесс предполагает повышение стремления молодежи получить образование или повысить квалификацию, например, в другом регионе. На этом фоне растет конкуренция и изменяются установки молодежи на получение образования. По сути, речь идет об «образовательном серфинге» для молодежи. Ценность специализированного уникального образования

уступают место ценности доступного образования, а также образования, которое обеспечивает как стабильную занятость, так и покрывает формируемый спрос на перспективу. Социально-экономические условия позволяют сегодня подтвердить данную аксиому. При этом заработная плата не всегда отражает социально значимые запросы и предваряемое качество образования.

Отмечаемая тенденция у нас в стране не может не сказаться на политике образовательных учреждений по формированию человеческого капитала, представленного в виде наколенных профессиональных знаний, умений и навыков, получаемых в процессе образования и повышения квалификации. Погоня за целевыми рынками и достойными зарплатами не всегда отражает реальные возможности институциональных структур обеспечивать данный тренд. Достаточно рассмотреть изменившийся спрос и предложения на рынке труда. Наиболее отчетливые изменения в уровне занятости можно контрастно проследить в пограничные периоды развития социума. Так, за пандемийный период 2019–2020 гг. (январь – ноябрь) на российском рынке труда фиксируются структурные изменения занятости: существенное сокращение спроса отмечалось среди работников сферы обслуживания и торговли, в том числе: в банковской сфере (–20 %), в туристическом, гостиничном и ресторанном бизнесе (–19 %), в индустрии развлечений и сфере искусств (–15 %). Зато значительно вырос спрос на работников госслужбы (+196 %), медицины (+39 %), строительства и недвижимости (+19 %) [4; 5]. Более того, основной удар пришелся на специалистов среднего уровня квалификации, зато повысился спрос на специалистов высокого уровня квалификации. Речь здесь идет об «эффекте маятника», центровку колебаний которому задают социально востребованные сектора занятости. Существенно выросла и удаленная занятость.

Интенсивное развитие цифровой экономики задает тон сегодняшним инновациям. В значительной степени оно предполагает формирование новой технологической основы как для экономической, так и для социальной сферы.

Изменения самым непосредственным образом коснулись и образования. Рынок образовательных услуг в силу своей инерционности с переменным успехом реагировал на сужения спроса по ряду видов экономической деятельности. Вместе с тем акцент делается на передовые инновационные кластеры, связанные с подготовкой высококвалифицированных IT-специалистов.

Ориентир подрастающего поколения на получение наиболее востребованного образования вполне очевиден, однако его формат несколько отличается от прогнозируемой социально-экономической ситуации. Скорее, речь идет о доступном образовании для значимой доли молодежи.

Многомерная модель спроса и предложения на рынке труда предопределяется целой группой факторов, зависящих как от ожиданий индивида, так и от возможностей системы образования, технологических изменений в производительном труде и т. д. Выбирая профильное образование, молодой человек руководствуется необходимостью обеспечить свою будущую конкурентную позицию на рынке труда. В институциональном формате оно подкрепляется системой формальных документов (сертификатов, дипломов, свидетельств), подтверждающих сформированные компетенции. Все это определяет выход на новые уровни профессиональной стратификационной системы, достойные условия и обновленное содержание вида профессиональной деятельности, наконец, границы между профессиями и специальностями.

Сегодня речь идет о технологичном образовании. При этом технологические процессы становятся все более сложными и предъявляют повышенные требования к уровню образования занятых работников. Технологичность знаний измеряется временем, затраченным на образование, в том числе на повышение квалификации или профессиональную переподготовку. Тем не менее нельзя упускать из рассмотрения, что именно накопленный человеческий капитал является главным активом расширенного воспроизводства и фактором, закрепляющим социальную дифференциацию. В то же время реальность такова, что получаемые индивидом в цифровом обществе компетенции быстро устаревают.

Безусловно, состав человеческого капитала для разных социальных групп молодежи существенно отличается. Индивиды с самого рождения имеют разные способности и таланты и не всегда способны в будущем выполнять любую работу. Ученые (Л. Туроу, Г. Беккер, И. Ильинский) выделяют такие элементы капитала, как: образование, профессиональная подготовка, предпринимательские качества, потребительские ожидания, производительные качества, социокультурный нормы и т. д. Все зависит от оснований для классификации. Акцент видится в том, что в цифровом обществе нередко приходится определять технологическое накопление капитала, которое не всегда приводит к реальному результату и деятельностному активу. Принцип перехода количественного измерения в качественное здесь как никогда работает наиболее четко. Однако такой переход ограничен. Предоставляемое образование сегодня ориентируется на разнообразные потребности выпускников, которые могут носить ситуативный характер.

В эпоху потребления как таковой формат получаемой образовательной услуги привязан к конкретной сфере и виду деятельности, но не к «стандартному приобретению тех или иных услуг». По существу, образовательный продукт оказывается усеченным требованиями конкретной ситуации по принципу «сразу и все».

Традиционный сегмент «образовательного серфинга» навряд ли может в полной мере удовлетворить современные потребительские ожидания молодежи. Адаптация к рыночным условиям предполагает совмещение учебы и работы, ограничения по свободному времени, которые еще в недавнем прошлом невозможно было допустить как типичной практики. В дополнение к росту молодежной вторичной занятости сегодня наблюдается рост числа тех, кто осваивают цифровые профессии – области получения новых знаний и приложения труда. Вектор эффективной вторичной занятости компенсирует поздний выход молодежи на рынок труда вследствие учебы.

Вместе с тем молодежная занятость все меньше оказывается стабильной. Молодые люди становятся менее защищенными от безработицы и рыночной неопределенности. Наблюдаемый разрыв в рыночной дифференциации компенсируется ростом потребности в повышении деловой активности. Молодежь встречается с риском безработицы, вызванной сменой технологического уклада, девальвацией получаемых знаний или их быстрым устареванием. Далеко не всегда молодые люди оказываются готовыми к данным социальным рискам. Неудачи кроются в неспособности элементов образования действовать согласованно с потребностями экономической системы. Образование теряет рамки реформаторского и эгалитарного. Неблагополучие системы, как считают социологи Дж.Л. Томпсон, Дж.Д. Пристли, создает неблагополучие ученика или способствует ему [7].

«Потребительская» мотивация молодых людей предусматривает согласование потребностей и возможностей достижения желаемого результата, исходя

из предоставляемых социумом возможностей. Если проводить аналогию, то можно вспомнить слова известного социолога Ф. Трентманна, который рассматривает современное общество потребления: «Потребность в автомашинах обусловливается наличием дорог» [8]. Другое дело, какого качества эти дороги и какие машины по ним передвигаются.

Фиксируемые изменения объясняют и зарплатную дифференциацию, и размывание трудовой мотивации у молодых по ряду профессий. В странах с переходной экономикой наблюдается существенная зависимость оплаты труда от уровня полученного молодежью образования. Как правило, знаниевый капитал позволяет подняться молодежи на более высокие децильные ступеньки по доходу. Однако у нас в стране по-прежнему много тех выпускников вуза, которые принадлежат к категории малооплачиваем работников. Не всегда затраты окупают вложения. Сама же идея высокого вознаграждения, зависимого от длительного обучения, критикуется. Так, некоторые высокооплачиваемые профессии молодежь может освоить за более короткий срок. Причем многие молодые люди выбирают низкооплачиваемую работу в силу призвания и личностного интереса. Да и к тому же идею о том, что некоторые профессии более функционально значимы и актуальны, обосновать достаточно сложно в условиях дефицита ресурсов.

Интерес представляет исследование ВШЭ «Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы» (2022 г.). Исследование показало, что зарплата самым непосредственным образом предопределяет статусные позиции выпускников, запросы национальной экономики. Выше всего наблюдаются зарплаты у тех выпускников, кто трудоустроился в секторе добычи полезных ископаемых (108,5 тыс. руб.), сферах информации и связи (86,3 тыс. руб.), финансов и страхования (77,7 тыс. руб.). Все данные сферы довольно небольшие и вместе объединяют 17,6% выпускников 2018 года [3].

Впрочем, отрасли, в которых к концу 2021 г. работала половина выпускников 2018 года, – преимущественно низкооплачиваемые: образование, наука, обрабатывающие производства и торговля. Для сравнения выпускники-педагоги зарабатывают в среднем 71,6 тыс. руб., гуманитарии – 78,8 тыс. руб.

Авторы исследования отмечают, что если в сфере обрабатывающих производств задействованы прежде всего инженеры и выпускники с техническим образованием, то работу в торговле находят себе все, независимо от направлений обучения. Средняя зарплата здесь составляет 49,4 тыс. руб. Вполне очевидно, что текучесть кадров в сфере торговли высокая. Приоритеты молодежи видятся в обеспечении стабильной занятости.

Нельзя исключать проблемы, связанные с заниженной карьерной мобильностью, невысокой образовательной мотивацией молодежи. Образование, по сути, не всегда обеспечивает и гарантирует трансфер рыночных эффектов мобильности. Речь идет как о востребованности знаний, так и о социальных ограничивающих барьерах. В то же время особый аспект связан с реализуемыми государством мерами по сбалансированному регулированию рынка труда.

Итогом является несоответствие между спросом и предложением на рынке труда. Это приводит как к безработице, так и к недоиспользованию трудовых ресурсов. Рост безработицы среди молодежи остается одной из ключевых проблем для ряда стран и еще одним фактором для дифференциации. Интерес представляют данные исследования МОТ «Глобальные тенденции занятости молодежи

в 2020 году: технология и рабочие места завтрашнего дня» [10]. В представленном исследовании показано, что с 2017 г. в мире фиксируется значительная доля тех, кто не задействован на рынке труда. Так, сегодня насчитывается около 188 млн безработных, 165 млн человек, готовых заниматься оплачиваемым трудом более продолжительное время и 120 млн человек, прекративших активные поиски работы или лишенных доступа к рынку труда по иной причине. Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что из 1,3 млрд молодых людей 267 млн не учатся, не работают и не приобретают профессиональных навыков. И эта доля, начиная с 2017 г., имела тенденцию к увеличению. Как можно заметить, закрепляемое неравенство в образовании может приводить к отчуждению труда, особенно для социально уязвимых групп молодежи.

Несмотря на умеренную безработицу, в целом по стране уровень молодежной безработицы в РФ высокий. Согласно данным ФСГС, среди молодых людей в возрасте 20–24 лет в конце 2019 г. уровень безработицы составил 15,1 %, это в 3,2 раза выше общего уровня безработицы, а среди молодежи 15–19 лет – 22,1 % (в 4,7 раз выше). В региональном разрезе доля безработной молодежи колеблется в широких пределах от 30 % до 60 %, причем большую долю из них составляют выпускники высших учебных заведений [6].

В то же время среди трудоустроенных молодых людей велика доля тех, кто работает не по специальности. Некоторые исследователи резонно приходят к выводу о том, что система профессиональной подготовки не отвечает потребностям современного рынка труда [10]. Однако не следует забывать, что данная проблема стабильно фиксируется уже для нескольких поколений молодежи.

Не секрет, что в условиях структурных трансформаций экономики доля молодых людей с высшим образованием в составе трудовых ресурсов растет куда большими темпами, чем усеченный спрос на работников с дипломами. Все это приводит к снижению оплаты их труда по ряду видов экономической деятельности. Недостаток рабочих мест для молодежи говорит о невостребованности их трудового потенциала, диспропорциях в существующих традиционных системах подготовки кадров, отсутствии налаженного диалога представителей органов власти, работников и работодателей.

Очевидно, что разрыв между полученными молодыми людьми узкоспециализированными навыками и общеобразовательными знаниями увеличивается. Переход от многопрофильного к узкопрофессиональному образованию не уменьшил риск молодежной безработицы.

В этой связи вполне очевиден приоритет мобильной занятости и заполнения ниши дополнительного образования на все случаи жизни. Ценности образования включают континуум обеспечения стабильной занятости.

Какой же выход? Мобильное образование. Можно ли получать дополнительное профессиональное образование по другому направлению? Да можно, но вопрос видится в личностной мобильности и востребованном образовательном потенциале молодого человека.

Анализ работы учреждений дополнительного образования за последние несколько лет свидетельствует о достижении позитивных результатов по таким направлениям деятельности, как: сохранение и расширение сети организаций дополнительного образования, увеличение охвата молодежи дополнительным образованием, создание условий в организациях для формирования вторичных компетенций. Система

дополнительного образования молодежи обеспечивает оптимальные условия для включения их в соответствующую профессиональную деятельность, направленную на успешную трудовую адаптацию. В какой-то степени она позволяет снять определенные барьеры для социальной дифференциации и обеспечить необходимую профессиональную адаптацию.

Еще один важный канал мобильности для молодежи – профессиональная деятельность. Однако уровень возможной активности молодежи из разных статусных групп отличается.

Трансформации российской экономики также приводит к развитию новых форм молодежной занятости. Это вызвано необходимостью адаптации трудоспособной молодежи, а также обращением к эффективной и рациональной занятости. Исследования Европейского фонда по улучшению условий жизни и труда фиксируют ряд тенденций в области занятости в новом тысячелетии: значительное увеличение временно занятых; увеличение доли молодых работников, заключающих временные контракты; рост числа самозанятых и работающих неполный рабочий день [11]. В определенной степени принимая решения о месте работы, молодые кандидаты ориентируются на свои выигрыши. Нередко молодые люди «перемещаются» на те позиции, где возможные «общественные блага и льготы» будут значительно больше или же иметь устойчивый характер.

Несмотря на наличие определенных преимуществ от появления новых форм занятости (фриланс, совместное использование работы, временное управление, случайная работа, удаленная работа на основе ИКТ, работа на основе ваучеров, портфельная работа, проектная занятость, работа в платформах, аутстаффинг, временный контракт и т. д.), существуют и определенные социальные риски. Часть из них обусловлены тем, что новые формы занятости развиваются быстрее, чем нормативно-правовая база, а это зачастую приводит к снижению уровня социальной защиты молодых. Не секрет, что новые рабочие места создаются гораздо медленнее, чем происходит высвобождение работников за счет внедрения и использования для совместной работы современных цифровых технологий.

Несомненно, причин, по которым молодые люди выбирают нестандартные формы занятости, достаточно много. Одни ищут возможность дополнительного источника дохода. Другие желают работать на свое материальное благополучие, ценят более высокий уровень личной автономии и независимости и т. д. К тому же так можно зарабатывать больше, чем работая в условиях «традиционных» социально-трудовых отношений. Третьи не могут работать полный рабочий день в силу личных, семейных обстоятельств и выбирают гибкий график работы по различным обстоятельствам. Формируемые новые виды занятости молодежи позволяют самостоятельно определять траектории профессионального развития. В то же время некоторые вынуждены работать в неформальном секторе экономике, т. к. в формальном секторе они не могут найти себе достойную работу, а работодатели часто желают снять с себя социальную ответственность за молодых специалистов.

Устойчивый рост молодежной занятости возможен только при условии ограничения неравенства, существующего на рынке труда, и пробелов в обеспечении молодежи достойной работой и факторов, препятствующих развитию многообразного человеческого потенциала.

Иначе говоря, гарантировать удовлетворение потребностей регионального рынка труда в условиях риска и неопределенности, а также в конкретных специалистах

не всегда получается. Молодежь все равно устремляется туда, где «выше» будет спрос на труд и возможность удовлетворить их социально значимые запросы. Тем не менее сбалансированность регионального образования и регионального рынка труда все-таки необходимо обеспечивать.

Проблема видится в том, что принятие решения – куда пойти учиться и по какой специальности – исходит прежде всего из индивидуальных интересов и предпочтений молодого человека. Причем, как было подчеркнуто, они могут находиться в оппозиции к потребностям рынка труда. Система образования и рынок труда, по существу, подталкивают молодежь к принятию решений в аспекте «здесь и сейчас». Однако возникающие диспропорции в этой связи проявляются в том, что те или иные направления образования развиваются в регионах, где для будущих молодых специалистов нет никаких перспектив.

Справедливости ради заметим, что система вузовского образования в ряде европейских стран ориентируется на продолженный характер, когда человек подходит к выбору второго уровня образования в более зрелом и осознанном возрасте. Очевидно, что фазы выбора, как и целевые ориентиры, совершенно разные для разных целевых групп: тех, кто не прерывал процесс обучения и тех, кто задумывается о совершенствовании своих профессиональных компетенций в более зрелом возрасте.

Обратимся к результатам опроса «Абитуриент – 2023», проведенного лабораторией социальных технологий кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой. В качестве респондентов выступали абитуриенты средних профессиональных и средних общеобразовательных учреждений. Всего было опрошено 130 абитуриентов. На вопрос о том, чем обусловлен ваш выбор направления подготовки/образовательной программы, по которому вы собираетесь обучаться мнение респондентов разделилось. Наибольшую долю респондентов, представляли те, кто отметил интерес к выбранной специальности (39 %, против 24 % в апреле 2022 г.). 16 % выбрали ответ «выбранная профессия – это мое призвание» (20 % – апрель 2022 г.). Востребованность на рынке труда отметили только 5 % респондентов, еще 6 % рассчитывают на конкретное место работы, 7 % отметили престиж профессии (соответственно в апреле 2022 г. – 4 %, 5 %, 5 %). Как можно заметить, изменения в ответах за последние три года не столь значительные. Среди основных целей прихода на день открытых дверей респонденты отметили необходимость получения информации об особенностях приема в университет (38 %), об образовательном процессе и особенностях конкретных программ (15 %). Еще 10 % определили свой интерес в получении информации о новых образовательных программах.

Таким образом, будущие студенты изначально задумываются прежде всего о своем индивидуальном выборе, который закладывает определенный дифференцирующий барьер.

Новый образовательный трекинг для современного человека связан, скорее, с «обслуживанием» интересов и потребностей экономической системы. Нет оснований полагать, что получаемое дополнительное образование даст возможность получить молодым людям работу на полную ставку. Сегодня приходится наблюдать укрепляющийся переход образования на рельсы бизнеса, который ориентируется на вполне конкретный рынок и социальные риски. Речь идет о размывании социальной ответственности работодателей при доминантной роли личностного потенциала. Обычно путь к профессиональной мобильности закладывается еще в школе. Наблюдаемые изменения в структуре занятости и профессиональной мобильности

вовсе не исчезают, а маскируются социально-статусными признакам социально-демографическими особенностями исследуемых групп. Для представителей молодежи изменяются жизненные условия, однако барьеры, сдерживающие их социальную мобильность, остаются.

Социум в условиях риска предъявляет повышенные требования к человеческому капиталу, что, безусловно, не может не сказаться на увеличивающейся социальной дифференциации. На рынке труда все больше требуются специалисты с технологичным образованием. Однако технологичность не обозначает универсальность. Планы молодежи, представляющие различные статусные группы, не всегда схожи. Наблюдаемая на рынке дифференциация спроса и предложения, скорее, будет ориентироваться на накопленный молодым человеком капитал и личностную способность его использовать. Последнее обстоятельство определяет долгосрочную тенденцию в получении человеком стабильного дохода от его использования накопленного капитала. Разный вклад молодого человека в формируемый капитал будет приводить к разным результатам и определять различные жизненные стратегии его профессионального развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беккер Г.С.* Человеческое поведение: Экономический подход. Избранные труды по экономической теории / пер. с англ.; сост., научн. ред. Р.А. Капелюшников; предисл. М.И. Левин. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 670 с.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 783 с.
3. Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы: доклады XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Н.К. Емелина, К.В. Рожкова, С.Ю. Рощин, С.А. Солнцев, П.В. Травкин. М.: ИД ВШЭ, 2022. 160 с.
4. *Кашепов А.В., Афонина К.В., Головачев Н.В.* Кризис рынка труда в 2020–2021 гг. и структурные изменения // Экономика и социум. 2020. № 1 (38). С. 33–44.
5. *Кашепов А.В.* Структура занятости в экономике по видам деятельности и основным профессиональным группам // Социально-трудовые исследования. 2020. № 1 (38). С. 19–30.
6. *Соловьева Д.А., Семина Л.А.* Проблема занятости молодежи в России // Актуальные исследования. 2021. № 18 (45). С. 73–76.
7. *Томпсон Дж.Л., Пристли Дж. Д.* Социология: Вводный курс. М.: АСТ, 1998. 491 с.
8. *Трентманн Ф.* Эволюция потребления. М.: Бомбора, 2019. 569 с.
9. ООН: Преобразование навыков молодежи для будущего. URL: https://www.un.org/ru/observances/world-youth-skills-day (дата обращения: 11.01.2023).
10. Global Employment Trends for Youth 2020: Technology and the future of jobs. URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_737648/lang--en/index.htm (дата обращения: 11.01.2023).
11. New forms of employment, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2015. URL: https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2015/new-forms-of-employment (дата обращения: 11.01.2023).

REFERENCES

1. Bekker G.S. *Chelovecheskoe povedenie: Ekonomicheskii podkhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoi teorii*. Transl. from English, ed. R.A. Kapelyushnikov. Moscow: GU VShE, 2003. 670 p.
2. Bell D. *Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya.* Moscow: Academia, 2004. 783 p.
3. *Vypuskniki vysshego obrazovaniya na rossiiskom rynke truda: trendy i vyzovy: doklady XXIII Yasinskoi (Aprelskoi) mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 2022 g.* Eds.: N.K. Emelina, K.V. Rozhkova, S.Yu. Roshchin, S.A. Solntsev, P.V. Travkin. Moscow: ID VShE, 2022. 160 p.
4. Kashepov A.V., Afonina K.V., Golovachev N.V. Krizis rynka truda v 2020–2021 gg. i strukturnye izmeneniya. *Ekonomika i sotsium*. 2020, No. 1 (38), pp. 33–44.
5. Kashepov A.V. Struktura zanyatosti v ekonomike po vidam deyatelnosti i osnovnym professionalnym gruppam. *Sotsialno-trudovye issledovaniya*. 2020, No. 1 (38), pp. 19–30.
6. Soloveva D.A., Semina L.A. Problema zanyatosti molodezhi v Rossii. *Aktualnye issledovaniya*. 2021, No. 18 (45), pp. 73–76.
7. Tompson Dzh.L., Pristli Dzh. D. *Sotsiologiya: Vvodnyi kurs*. Moscow: AST, 1998. 491 p.
8. Trentmann F. *Evolyutsiya potrebleniya.* Moscow: Bombora, 2019. 569 p.
9. OON: Preobrazovanie navykov molodezhi dlya budushchego. *Available at:* https://www.un.org/ru/observances/world-youth-skills-day (accessed: 11.01.2023).
10. Global Employment Trends for Youth 2020: Technology and the future of jobs. *Available at:* https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_737648/lang--en/index.htm (accessed: 11.01.2023).
11. New forms of employment, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2015. *Available at:* https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2015/new-forms-of-employment (accessed: 11.01.2023).

Сведения об авторах / About Authors:

Иванов Сергей Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет, e-mail: syu.ivanov@mpgu.su

Ivanov Sergey Yurievich, ScD in Social Sciences, Full Professor, Head, Theoretical and Special Sociology named after M.A. Budanova Department, Moscow Pedagogical State University, e-mail: syu.ivanov@mpgu.su

Иванова Дарья Вячеславовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой, Московский педагогический государственный университет, e-mail: soc-lab@yandex.ru

Ivanova Daria Vyacheslavovna, PhD in Social Sciences, Associate Professor, Theoretical and Special Sociology named after M.A. Budanova Department, Moscow Pedagogical State University, e-mail: soc-lab@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.02.2025 / The article was received on 07.02.2025

Статья принята к публикации 20.02.2025 / The article accepted for publication 20.02.2025

УДК 338.24
ББК 65.29
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-01-29-36

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ СТРУКТУРОЙ КАПИТАЛА КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

А.Н. Лебедев

Аннотация. *Степень неопределенности в экономике в последние годы возрастает. Это обусловлено, в первую очередь, геополитическими факторами, а также сопряженными с ними инфляционными и логистическими процессами. Коммерческие организации в таких условиях вынуждены адаптироваться к изменениям внешней среды. Структурные сдвиги в спросе покупателей, в цепочках поставок неминуемо отражаются в предложении товаров. Усиливающаяся ограниченность платежеспособного спроса приводит к трудностям со сбытом продукции. Происходят структурные сдвиги в продажах, активах, пассивах коммерческих организаций. Заметно повышаются операционные и финансовые, особенно кредитные, риски предпринимателей. Негативная динамика фондовых рынков, в том числе многих развивающихся стран, приводит к возникновению дополнительных трудностей с акционерным капиталом. Снижается степень доверия в деловой среде, соответственно ужесточаются условия предоставления коммерческих кредитов. Структура капитала многих коммерческих организаций в таких условиях существенно меняется. Это влечет за собой увеличение разрывов между фактической и желаемой структурой капитала. В статье рассмотрены актуальные направления развития стратегии и тактики управления структурой капитала организаций. Предложен и обоснован алгоритм анализа разрывов, нацеленный на оптимизацию структуры капитала в среднесрочной перспективе.*

Ключевые слова: *капитал, структура, стратегия управления, тактика управления, анализ разрывов.*

Для цитирования: *Лебедев А.Н. Стратегия и тактика управления структурой капитала коммерческих организаций //* Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 1. С. 29–36. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-01-29-36

© Лебедев А.Н., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

STRATEGY AND TACTICS OF MANAGING THE CAPITAL STRUCTURE OF COMMERCIAL ORGANIZATIONS

A.N. Lebedev

Abstract. *The degree of uncertainty in the economy has been increasing in recent years. This is due, first of all, to geopolitical factors, as well as associated inflationary and logistics processes. Commercial organizations in such conditions are forced to adapt to changes in the external environment. Structural shifts in customer demand and supply chains are inevitably reflected in the supply of goods. The increasing limitation of effective demand leads to difficulties in selling products. Structural changes are taking place in sales, assets, and liabilities of commercial organizations. The operational and financial, especially credit, risks of entrepreneurs are noticeably increasing. Negative performance of stock markets, including in many developing countries, leads to additional difficulties with equity capital. The degree of confidence in the business environment is decreasing, and the conditions for granting commercial loans are correspondingly becoming more stringent. The capital structure of many commercial organizations in such conditions changes significantly. This entails widening gaps between the actual and desired capital structure. The article discusses current trends in the development of strategy and tactics for managing the capital structure of organizations. An algorithm for gap analysis aimed at optimizing the capital structure in the medium term is proposed and justified.*

Keywords: *capital, structure, management strategy, management tactics, gap analysis.*

Cite as: *Lebedev A.N. Strategy and tactics of managing the capital structure of commercial organizations. Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo.* 2025, No. 1, pp. 29–36. 10.31862/3033-7909-2025-01-29-36

Введение

Структура капитала компании во многом обеспечивает ее финансовую гибкость. Оптимизируя структуру капитала, организации могут минимизировать стоимость капитала, использовать разные возможности по привлечению необходимых средств для расширения бизнеса [1]. Это непосредственно связано с управлением рисками. Сбалансированная структура капитала способствует минимизации финансовых рисков, особенно при работе с кредитами. Достижение рационального сочетания заемного и акционерного финансирования могут минимизировать потенциальные потери. Одновременно структура капитала компании посылает заинтересованным сторонам (стейкхолдерам организации) сигналы о состоянии бизнеса и его способности выполнять обязательства.

Структура капитала характеризует соотношение различных источников финансирования коммерческих организаций. Большинство из них финансируются за счет сочетания заемных и собственных средств, включая часть краткосрочной

задолженности, часть долгосрочной задолженности, доли обыкновенных и привилегированных акций – вариативно, в разных пропорциях.

При определении усредненной стоимости капитала принято «взвешивать» стоимость каждого компонента структуры капитала по отношению к общей сумме. При этом основной индикатор – средневзвешенная стоимость капитала (далее – WACC). Он характеризует стоимость привлечения каждого рубля финансирования, на базе ставок по кредиту – для заемного капитала, и размеру выплаченных дивидендов – для собственного капитала [2].

Показатели средневзвешенной стоимости капитала имеют и другую сферу применения – для расчета чистой приведенной стоимости (далее – NPV) в процессе отбора инвестиционных корпоративных проектов. Сравнительно низкое значение индикатора WACC приведет к более высокому NPV, и наоборот. В финансовом менеджменте давно бытует постулат – отбирать следует только те проекты инвестиций, доходность по которым превышает среднюю стоимость капитала компании [4].

Оперативное управление капиталом менеджеры осуществляют повседневно. Тактика управления структурой капитала ориентирована в большей степени на операционные потребности организации в рамках краткосрочного периода (горизонт планирования – до года). Менеджмент вынужденно реагирует на компоненты структуры капитала, исходя из темпов изменения цены источника, условий предоставления финансирования, достигнутого уровня финансовой устойчивости организации.

В относительно стабильных условиях среды, при «нормальной» степени ее турбулентности, организации имеют потребность и возможность реализации стратегического подхода к управлению капиталом – с горизонтом планирования в 10–15 лет.

Однако с повышением степени неопределенности внешней среды, по мере возрастания ее сложности и подвижности, многие ранее выработанные и утвержденные стратегии организаций теряют свою актуальность. Современная экономика требует новых походов к сочетанию стратегии и тактики управления капиталом коммерческих организаций, опираясь на его структуру.

Результаты и дискуссия

Для финансирования инвестиций, роста бизнеса, рекапитализации организации нередко вынуждены ограничиваться внутренними денежными потоками, или использовать внешние источники финансирования. При этом для бизнеса, инвестора важен баланс между риском и вознаграждением.

Стратегия и тактика оптимизации структуры капитала важна для поддержки краткосрочных, среднесрочных, долгосрочных планов, но требует постоянных корректировок [7]. Вдумчивое балансирование риска (дополнительного кредитного плеча) с вознаграждением (более быстрый рост по сравнению с конкурентами) может предоставить больше возможностей для повышения рентабельности операционной деятельности организации и инвестиций.

Изучение преимуществ и недостатков различных типов капитала в сочетании с пониманием потенциальной их доступности, при различных сценариях развития событий, позволяет повысить результативность стратегического планирования, а также реагировать на возникающие угрозы и возможности.

При этом целесообразно ранжировать все источники финансирования по приоритету окупаемости средств, когда капитал с более высоким приоритетом окупаемости имеет меньший риск [9]. Капитал с относительно низким приоритетом окупаемости имеет более высокий риск. Важно учитывать ожидания доходности со стороны инвестора и соответствующие затраты организации – не только явные, но и имплицитные.

Автор статьи предлагает следующую дефиницию: оптимальная структура капитала – такое сочетание источников финансирования, которое не создает дефицита или избытка капитала для существующих (среднеквартальных) объемов деятельности организации, и при этом обеспечивает наименьшую средневзвешенную стоимость капитала.

Такое определение имеет прикладное значение, так как позволяет сформировать систему ограничений (диапазон совокупного размера капитала между состоянием относительного дефицита и избытка), и критериальный показатель оценки оптимальности (минимизация уровня индикатора WACC). Это позволило нам разработать соответствующий алгоритм анализа разрывов, рассмотренный ниже.

Текущее управление капиталом, структурными сдвигами, включает мониторинг и принятие оперативных управленческих решений по поводу выбора альтернатив – по внутренней структуре собственного и заемного капитала.

Тактика управления включает такие вопросы, как использование открытых кредитных линий, применение операционного и финансового левериджа (в их взаимосвязи). Важно точно рассчитать, какой уровень кредитного «плеча» может взять на себя организация с точки зрения критерия «риск/вознаграждение».

Особую важность при этом имеет операционный, финансовый рычаг, цикличность (оборачиваемость), концентрация [10]. Операционный рычаг зависит от соотношения постоянных и переменных затрат организации (в каждой из применяемых ею бизнес-моделей). Чем выше доля постоянных затрат, тем выше операционный риск. Сочетание высоких постоянных затрат с высоким уровнем кредитного плеча (финансовый леверидж) увеличивает риск. Цикличность и оборачиваемость важны с точки зрения фактора времени и колебаний. Чем выше скорость оборота капитала, тем ниже потребность в его наращивании для операционной деятельности организации. Сочетание сильно изменчивой прибыли с высоким кредитным плечом увеличивает риск. Концентрация важна для выявления рыночных сегментов (продуктов, проектов), приносящих организации максимальный и минимальный доход. Сочетание высоко концентрированных бизнес-единиц с высоким уровнем левериджа увеличивает риск.

Проблемы оптимизации структуры капитала организаций глубоко исследовали отечественные исследователи Е.О. Корнилова [1], К.А. Овчинникова [2], В.Б. Фролова [3], А.П. Градов [4] и другие.

Проблемы стратегического управления капиталом рассматривали в том числе F.R. David [6], R.M. Grant [7], C.W. Hill [8], G.R. Jones [8], J.A. Pearce [9], R.B.Robinson [9], R.L. Lynch [10], M.A. Hitt [11], R.D. Ireland [11], R.E. Hoskisson [11].

В.Б. Фролова обоснованно утверждает: «...предприятия с растущим объемом реализации, но имеющие низкий коэффициент операционного левериджа, могут в гораздо большей степени (при прочих равных) увеличивать коэффициент финансового левериджа» [3].

Структуру капитала компании целесообразно оптимизировать так, чтобы она соответствовала долгосрочному видению бизнеса, а также позволяла компании воспользоваться инвестиционными возможностями, которые могут возникнуть через N лет [11]. Стратегия развития капитала (и соответствующие структурные сдвиги) должна позволять использовать разные (альтернативные) возможности заимствования, и при этом обеспечивать гибкость структуры капитала. Иерархия источников капитала должна быть основана на приоритете окупаемости.

Применительно к долгосрочным источникам капитала особую важность имеют стратегические приоритеты организации и финансовая политика руководства. Применительно к краткосрочным источникам капитала наиболее важное значение имеет тактика взаимодействия с контрагентами.

Стратегический аспект управления капиталом затрагивает такие вопросы, как проведение первичного (далее – IPO) и вторичного размещения акций (далее – SPO), или напротив – осуществление обратного выкупа акций с рынка (так называемый «бай-бэк») привлечение долгосрочного заемного финансирования (эмиссия долгосрочных корпоративных облигаций).

В первую очередь это требует интеграции финансовой политики (от консервативной до агрессивной) с корпоративной (портфельной) стратегией организации, бизнес-стратегиями в каждом рыночном сегменте, и конкурентной стратегией.

В этой сфере важно правильно определить полномочия совета директоров, исполнительной дирекции (правления), структурных подразделений, наделив их соответствующими полномочиями и ответственностью в рамках их компетенций.

Важно учитывать наличие прямой и обратной связи: с одной стороны, стратегии организации оказывают влияние на структуру капитала; с другой – достигнутая и потенциальная структура капитала должна быть учтена при разработке корпоративной стратегии.

Чем выше турбулентность среды, тем менее устойчивы корпоративные стратегии, соответственно выше роль тактики управления. В таких условиях автор статьи считает необходимым применять технологию гэп-анализа (анализа разрывов).

Анализ разрывов целесообразно использовать в качестве отправной точки для плана действий по оптимизации структуры капитала. Его результаты могут иллюстрировать отклонение фактической структуры капитала, в сопоставлении с оптимальной (рис. 1).

Рекомендуемый алгоритм базируется на исходных данных, среди которых – фактическое соотношение заемного / собственного капитала, и значение индикатора WACC по всем стратегическим бизнес-единицам (СБЕ) организации.

Разрыв определен нами как дистанция между желаемым (целевым) и фактическим состоянием системы в двух обособленных расчетах:

1) достаточность капитала для соответствующего масштаба операционной деятельности;
2) средневзвешенная стоимость капитала организации в целом.

Подобный алгоритм соответствует определению: оптимальная структура капитала – такое сочетание источников финансирования, которое не создает дефицита или избытка капитала для существующих (среднеквартальных) объемов деятельности организации, и при этом обеспечивает наименьшую средневзвешенную стоимость капитала.

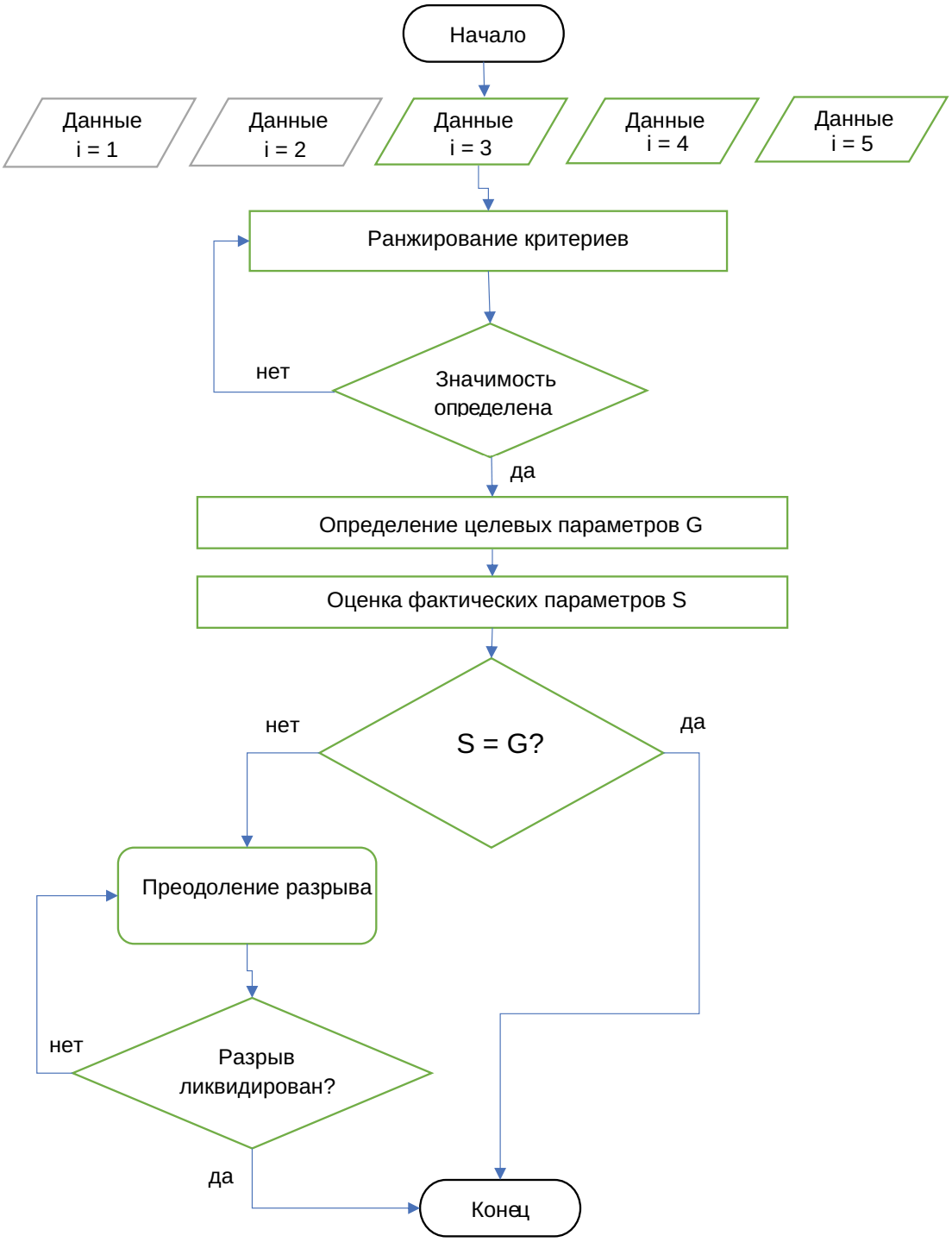

Рис. 1. Алгоритм анализа разрывов в управлении структурой капитала организации (разработано автором)

Вывод

Предложенный методический подход позволяет сформировать систему ограничений в форме диапазона размера совокупного капитала, между состоянием относительного дефицита и избытка, и критериальный показатель оценки оптимальности (минимизация уровня индикатора WACC).

Практическое использование предложенного алгоритма позволяет менеджерам организации выявить несоответствие между целевыми и фактическими параметрами и практически применить иные инструменты управления (сценарии, «дерево целей», и др.) для минимизации обнаруженных разрывов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Корнилова Е.О.* Современные подходы к оптимизации структуры капитала // Вектор экономики: электронный научный журнал. 2019. № 2. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2021/2/financeandcredit/Kornilova.pdf (дата обращения: 26.10.2022).
2. *Овчинникова К.А.* Планирование структуры капитала корпораций // Академический вестник. 2014. № 1 (27). С. 324–327.
3. *Остякова А.А.* Сущность капитала предприятия и источники его формирования // Экономика и социум. 2021. № 2 (57). С. 236–239.
4. *Фролова В.Б.* Оптимизация структуры капитала // Вестник МГУП. 2011. № 2. С. 407–412.
5. Экономическая стратегия фирмы / Под ред. А.П. Градова. 3-е изд., испр. СПб.: Спец-Лит, 2022. 414 с.
6. David F.R. Strategic Management: Concepts. NJ: Prentice Hall, 2002. 368 p.
7. *Grant R.M.* Contemporary strategy analysis. 5th Ed. Oxford, UK: Blackwell Publishing, 2005. 564 p.
8. *Hill C.W., Jones G.R.* Strategic Management Theory: An Integrated Approach. 8th Ed. Boston, US: College Permissions, 2008. 368 p.
9. *Pearce J.A., Robinson R.B.* Strategic Management. Homewood: McGraw-Hill Education, 2004. 880 p.
10. *Lynch R.L.* Corporate strategy. New Jersey: Prentice Hall, 2006. 512 p.
11. *Hitt M.A., Ireland R.D., Hoskisson R.E.* Strategic Management: Concepts and Cases: Competitiveness and Globalization. Mason, Ohio: South-Western Cengage Learning, 2000. 952 p.

REFERENCEES

1. Kornilova E.O. Sovremennye podkhody k optimizatsii struktury kapitala. *Vektor ekonomiki: electronic scientific journal*. 2019, No. 2. Available at: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2021/2/financeandcredit/Kornilova.pdf (accessed: 26.10.2022).
2. Ovchinnikova K.A. Planirovanie struktury kapitala korporatsii. *Akademicheskii vestnik*. 2014, No. 1 (27), pp. 324–327.
3. Ostiakova A.A. Sushchnost kapitala predpriiatiia i istochniki ego formirovaniia. *Ekonomika i sotsium.* 2021, No. 2 (57), pp. 236–239.
4. Frolova V.B. Optimizatsiia struktury kapitala. *Vestnik MGUP*. 2011, No. 2, pp. 407–412.
5. *Ekonomicheskaia strategiia firmy*. Ed. by A.P. Gradov. Saint-Petersburg: Spets-Lit, 2022. 414 p.
6. David F.R. *Strategic Management: Concepts.* NJ: Prentice Hall, 2002. 368 p.
7. Grant R.M. *Contemporary strategy analysis.* Oxford, UK: Blackwell Publishing, 2005. 564 p.

8. Hill C.W., Jones G.R. *Strategic Management Theory: An Integrated Approach*. Boston, US: College Permissions, 2008. 368 p.
9. Pearce J.A., Robinson R.B. *Strategic Management*. Homewood: McGraw-Hill Education, 2004. 880 p.
10. Lynch R.L. *Corporate strategy.* New Jersey: Prentice Hall, 2006. 512 p.
11. Hitt M.A., Ireland R.D., Hoskisson R.E. *Strategic Management: Concepts and Cases: Competitiveness and Globalization*. Mason, Ohio: South-Western Cengage Learning, 2000. 952 p.

Сведения об авторе / About Author:

Лебедев Александр Николаевич, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента, Московский педагогический государственный университет, e-mail: an.lebedev@mpgu.su

Lebedev Aleksandr Nikolaevich, ScD in Economic Scienses, Full Professor, Economic Theory and Management Department, Moscow Pedagogical State University, e-mail: an.lebedev@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 10.02.2025/The article was received on 10.02.2025

Статья принята к публикации 24.02.2025/The article accepted for publication 24.02.2025

УДК 334.025
ББК 60.82
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-01-37-49

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ

М.В. Николаев, И.А. Лугов

Аннотация. *Введение. Развитие цифровизации образования и повышение уровня владения «цифровыми компетенциями» обучающихся и учителей стали важнейшим направлением в управлении деятельностью общеобразовательных организаций. В статье рассматривается процесс формирования и развития «цифровых классов» в общеобразовательных организациях Московской области, производится оценка основных достижений и образовательных результатов.*

Цель статьи – исследование процесса цифровизации деятельности общеобразовательных организаций Московской области и результатов функционирования «цифровых классов» в системе общего образования региона.

Материалы и методы. Основными методами исследования являются анализ литературы, посвященной вопросам цифровизации образования на уровне среднего общего образования. Используется метод сравнительного анализа статистических данных, полученных по результатам проведения ЕГЭ в Московской области в период 2024–2025 гг. Проводится анализ результатов регионального проекта Московской области «Цифровые классы Подмосковья».

Результаты. Исследование позволило определить основные достигнутые на настоящий момент результаты и эффекты деятельности общеобразовательных организаций региона, полученные в ходе реализации регионального проекта Московской области «Цифровые кассы Подмосковья».

Обсуждение. Цифровизация системы общего образования и развитие цифровых классов в Московской области в целом соответствуют общемировым трендам и тенденциям развития сферы образования. Цифровизация образовательного процесса и управления в современной школе является сложной и многоплановой управленческой задачей. Результаты проведения государственной итоговой аттестации среди обучающихся в «цифровых классах» в целом имеют положительную динамику.

Заключение. Мероприятия по развитию цифровизации системы общего образования региона и по подготовке общеобразовательных организаций к участию в проекте «Цифровые классы Подмосковья», внедрению «смешанного обучения» и созданию современной цифровой образовательной среды для обучающихся, показали свою

© Николаев М.В., Лугов И.А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

эффективность и определили основные направления совершенствования управления деятельностью общеобразовательной организацией в Московской области.

Ключевые слова: *общеобразовательная организация, цифровая трансформация образования, цифровая образовательная среда, цифровые образовательные сервисы, цифровой образовательный контент, смешанное обучение, качество образования, образовательные результаты, управление, проект.*

Для цитирования: *Николаев М.В., Лугов И.А.* Цифровизация общего образования в Московской области: образовательные и социальные эффекты // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 1. С. 37–49. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-01-37-49

DIGITALIZATION OF GENERAL EDUCATION IN THE MOSCOW REGION: EDUCATIONAL AND SOCIAL EFFECTS

M.V. Nikolaev, I.A. Lugov

Abstract. *Introduction. The development of the digitalization of education and the improvement of the level of proficiency in the «digital competencies» of students and teachers have become the most important direction in managing the activities of educational organizations. The article examines the process of formation and development of «digital classes» in educational institutions of the Moscow region, evaluates the main achievements and educational results.*

The purpose of the article is to study the process of digitalization of the activities of educational organizations in the Moscow region and the results of the functioning of «digital classes» in the general education system of the region.

Materials and methods. The main research methods are the analysis of literature on the issues of digitalization of education at the secondary general education level. The method of comparative analysis of statistical data obtained from the results of the Unified State Exam in the Moscow region in the period 2024-2025 is used. The analysis of the results of the regional project of the Moscow region «Digital classrooms of the Moscow region» is carried out.

Results. The study made it possible to identify the main results achieved so far and the effects of the activities of educational organizations in the region, obtained during the implementation of the regional project of the Moscow region «Digital cash registers of the Moscow region».

Discussion. The digitalization of the general education system and the development of digital classrooms in the Moscow Region generally correspond to global trends and trends in the development of education. Digitalization of the educational process and management in a modern school is a complex and multifaceted management task.

The results of the state final certification among students in the «digital classes» generally have a positive trend.

Conclusion. Measures to develop the digitalization of the region's general education system and to prepare educational institutions for participation in the Digital Classrooms of the Moscow Region project, the introduction of «blended learning» and the creation of a modern digital educational environment for students have shown their effectiveness and identified the main directions for improving the management of educational institutions in the Moscow region.

Keywords: *general education organization, digital transformation of education, digital educational environment, digital educational services, digital educational content, blended learning, quality of education, educational outcomes, management, project.*

Cite as: Nikolaev M.V., Lugov I.A. Digitalization of general education in the Moscow region: educational and social effects. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo.* 2025, No. 1, pp. 37–49. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-01-37-49

Введение

Система образования Московской области претерпевает значительные изменения. Происходящие изменения носят целенаправленный характер и соотносятся с объективными процессами цифровизации всех сфер жизни российского общества. Меняются стратегические ориентиры развития государства, изменяются и приоритеты государственной политики.

Одним из стратегических приоритетов стала задача цифровизации, цифровой трансформации сферы российского образования. Процессы цифровизации сферы образования осуществляются на всех уровнях системы образования (федеральный, региональный, муниципальный) и на всех уровнях образования.

Актуальность исследования обосновывается развивающимися тенденциями роста запроса населения на получение образования на основе применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, организацию образовательного процесса в смешанной (гибридной) форме.

Рост запроса со стороны обучающихся на образовательный процесс с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, предъявляемого к современной школе, является не только возможностью для ее развития, но и большим вызовом.

Система образования, отдельные образовательные организации, администрация и трудовые коллективы образовательных организаций должны обеспечить создание качественной и эффективной информационной, правовой среды, высокий уровень организационно-технической и учебно-методической работы, эффективную работу системы мониторинга образовательных результатов, наконец, наличие современной материально-технической базы, необходимой для организации смешанного обучения.

При правильной организации, реализация смешанного обучения в формате «цифровой класс» позволяет снизить нагрузку на обучающегося, увеличить время на подготовку по профильным для обучающегося предметам, а также способствует повышению образовательных результатов обучающихся.

Материалы и методы

Современный этап развития экономики и общества, техники и технологий определяет необходимость освоения каждым человеком цифровых компетенций и навыков эффективной деятельности в современной цифровой среде. В сфере образования воздействием процесса цифровой трансформации охвачены все аспекты деятельности основных участников образовательного процесса: ученика, учителя, родителя, а также деятельность всех субъектов системы управления образованием. Несмотря на объективность и необратимость процесса цифровой трансформации образования, данная тема продолжает оставаться дискуссионной. Многочисленные российские и зарубежные исследования вопроса цифровой трансформации образования подтверждают наличие широкой дискуссии и разных подходов к формированию цифровой образовательной среды, внедрению цифровых технологий в образовательный процесс, а также по внедрению смешанного обучения [3].

По прогнозам, в следующем десятилетии масштабы электронного обучения вырастут в пятнадцать раз и составят 30% от всех образовательных услуг [6]. По мнению российских авторов Л.М. Мануйловой и А.С. Максимова, глубокая информатизация, сопровождающая процесс цифровизации образования, способствует повышению гибкости образования, его доступности и индивидуализации [8].

При этом обеспечиваются возможности командной и групповой работы, которые чрезвычайно востребованы и важны для современных учеников. Современные «цифровые ученики» предпочитают командную работу и участие в социальном взаимодействии [1]. Процесс цифровизации приводит к изменению всех видов образовательного контента и переводу его на цифровой язык [12].

«Цифровизация образования – это общая концепция, описывающая идею процесса перехода на электронную систему обучения, означает использование различных программ, приложений и других ресурсов, основанных на информационных технологиях» [4].

Процесс цифровизации образования является одним из стратегических направлений развития российского образования.

В 2017 г. в Постановлении Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие образования”» [11] была определена национальная цель «цифровая трансформация» – обеспечение реализации цифровой трансформации системы образования, обеспечение онлайн-сервисами образовательных организаций, реализующих программы дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего и профессионального образования.

Дальнейшее развитие процесс реализации цифровой трансформации системы образования получил в рамках исполнения Распоряжения Правительства РФ от 02.12.2021 № 3427-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации» [12], которое в настоящее время заменено новым документом, определяющим стратегические цели и задачи цифровой трансформации образования на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства РФ от 18.10.2023 № 2894-р «Стратегическое направление в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации» [15].

Последнее Распоряжение Правительства РФ обеспечило уточнение цели цифровой трансформации образования. Цель – достижение высокой степени «цифровой зрелости» сферы образования на базе единого, качественного, безопасного образовательного пространства, построенного с учетом предоставления равного доступа к качественному верифицированному цифровому образовательному контенту и цифровым образовательным сервисам на всей территории Российской Федерации для всех категорий участников образовательных отношений [15].

Основное исследование

Результаты

Региональная концепция и модель работы «цифровых классов» в Московской области основана на сохранении формы обучения – очная форма обучения, дополненная широким применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, а также на изменении режима обучения школьников [2; 9].

В основу региональной модели «Цифровой класс» для обучающихся 10-х и 11-х классов были взяты три параметра: «результаты и эффекты», «процесс», «условия». Информация по региональной модели «Цифровые классы Подмосковья» представлена в *Таблице 1*.

Таблица 1

Региональная модель «Цифровые классы Подмосковья»

Результаты и эффекты	Процесс	Условия
Положительная динамика успеваемости школьников в цифровых классах по результатам внешних оценочных процедур и ВСОКО (анализ на официальном сайте)	Режим обучения в 11-х классах (3 дня в образовательной организации + 2 дня с использованием электронного обучения и дистанционных образовательных технологий (далее – ЭО и ДОТ))	На официальном сайте представлена информация о создании цифровых классов под реальный запрос родителей и старшеклассников (результаты опросов, решений по итогам встреч и родительских собраний, статистика количества заявлений от родителей и законных представителей детей о переходе на индивидуальный учебный план и согласий на использование ЭО и ДОТ в текущем учебном году)

Продолжение табл. 1

Результаты и эффекты	Процесс	Условия
Положительная динамика доли детей в цифровом классе, участвующих в олимпиадном движении и конкурсах из перечня Министерства просвещения (анализ на официальном сайте)	Режим обучения в 10-х классах (4 дня в образовательной организации + 1 день с использованием ЭО и ДОТ)	В локальных актах на официальном сайте отражено использование ЭО и ДОТ (устав, положение об организации образовательной деятельности с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, и др.)
Доля родителей и детей в цифровом классе, готовых рекомендовать цифровые классы родственниками и знакомым (не менее 60%)	Выбор дистанционных дней для цифровых классов (синхронно/асинхронно) обеспечивает привлечение «сильных» учителей-предметников	100% педагогических кадров, участвующих в реализации образовательной программы в цифровом классе, повысили квалификацию по тематике использования ЭО и ДОТ, цифровой дидактике
Эффект досрочного освоения школьниками образовательной программы по непрофильным предметам (базовый уровень)	Обеспечена возможность одновременного проведения занятий для нескольких групп занимающихся очно и с использованием дистанционных образовательных технологий	Определено модельное расписание, фиксирующее перечень предметов, изучаемых с применением ЭО и ДОТ, и учитывающее особенности индивидуальных учебных планов
–	Не менее 1 предмета ведется с использованием электронного обучения (на платформе)	Не менее 1 кабинета оборудовано специализированным рабочим местом учителя для ведения уроков с использованием дистанционных образовательных технологий

Окончание табл. 1

Результаты и эффекты	Процесс	Условия
–	–	Назначено не менее 2 ответственных для организации образовательного процесса с использованием ЭО и ДОТ (функционал: административная (диспетчерская), методическая, психолого-педагогическая, техническая поддержка)
–	–	Наличие использования школьниками в цифровом классе не менее 1 образовательной цифровой платформы, соответствующей требованиям, предъявляемым Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»

Источник: составлено авторами на основе анализа данных результатов научно-исследовательской работы

В период с 01.09.2024 по 30.06.2025 на основании приказов регионального оператора Московской области ГАОУ КУРО в проект вошли 186 общеобразовательных организаций. В 120 общеобразовательных организациях в 2024–2025 учебном году были созданы цифровые классы в 11-м классе.

Количество цифровых 11-х классов в 2024–2025 учебном году выросло до 271 единиц. Численность обучающихся цифровых 11-х классов в 2024–2025 учебном году по сравнению с 2023–2024 учебным выросла более чем в 2,5 раза и достигла 6607 человек.

Анализ данных результатов ЕГЭ выпускников цифровых классов 2025 г. показал, что обучавшиеся в цифровых классах в целом более успешно справились с прохождением ЕГЭ, чем обучающиеся в традиционных классах.

Внедрение в учебный процесс региональной модели цифровых классов, основанной на возможности изучения непрофильных для ученика предметов в дистанционном формате по отдельным учебным дням (для 10-х кл.: 4 + 1; для 11-х кл.: 3 + 2), оказало положительное влияние на динамику среднего балла ЕГЭ по предметам ЕГЭ (обязательным и наиболее выбираемым): см. *Таблицу 2*.

Таблица 2

Сравнительные данные по среднему баллу ЕГЭ по отдельным предметам 2025 г., средний балл

Предметы	ЦКП	МО	РФ
Английский язык	66,1	65,4	64,1
Биология	56,7	55,4	54,5
География	58,9	54,4	54,4
Информатика	58,1	54,4	55,9
История	61,7	57,7	55,9
Литература	70,6	67,6	61,9
Математика профильная	65,6	63,4	62,1
Обществознание	57,3	54,4	53,6
Русский язык	63,7	62,5	60,7
Физика	63,4	64,6	61,8
Химия	64,9	62,3	58,2
Математика базовая	4,1	–	–

Источник: составлено авторами на основе анализа данных результатов научно-исследовательской работы

По всем указанным в *Таблице 2* учебным предметам результаты ЕГЭ выпускников цифровых классов превысили средний показатель по региону и по Российской Федерации, кроме учебного предмета «Физика».

Одним из показателей эффективности и успешности ведомственного проекта «Цифровые классы Подмосковья» является наличие положительной динамики доли выпускников школ с «цифровыми классами», набравших на ЕГЭ 85+ баллов. По данному показателю зафиксированы следующие результаты реализации проекта в 2024–2025 учебном году: 1260 учеников из 11-х цифровых классов сдали ЕГЭ 2025 с результатом по предмету 85+. Доля таких выпускников по отношению к общей численности выпускников цифровых классов составила 19,07%. Общее количество выпускников цифровых классов, сдавших

ЕГЭ 2025 на оценку 100 баллов, составило 128 человек, т. е. 1,94% от общей численности выпускников цифровых классов. Динамика данного показателя в цифровых классах показывает незначительное снижение количества выпускников 11-х классов, сдавших ЕГЭ 2025 года на 100 баллов, относительно данных 2024 г. Количество выпускников цифровых классов, получивших по ЕГЭ 100 баллов в 2024 г., составило 54 человека, но доля выпускников, получивших 100 баллов по ЕГЭ, по отношению к общей численности обучавшихся в цифровых 11-х классах в 2023–2024 учебном году (2485 человек) была выше – 2,17%. Количество выпускников цифровых классов, получивших по ЕГЭ 2025 220+ баллов, составило 1769 человек, или 26,77% от общей численности обучавшихся в цифровых 11-х классах. Количество выпускников цифровых классов, получивших по ЕГЭ 2025 250+ баллов, составило 617 человек, или 9,34% от общей численности обучавшихся в цифровых 11-х классах.

Таким образом, общеобразовательные организации, участвовавшие в региональном проекте и внедрившие смешанное (гибридное обучение) в старших классах, смогли обеспечить рост образовательных результатов, отраженный в достижениях обучающихся (выпускников) в ходе проведения ЕГЭ 2024 и 2025 гг.

Обсуждение

Региональный проект «Цифровые классы Подмосковья» реализуется образовательными организациями только при наличии соответствующего запроса со стороны обучающихся и/или их родителей (законных представителей).

В связи с этим интересно рассмотреть значение планового показателя проекта «Доля обучающихся “цифровых классов” и их родителей, готовых рекомендовать цифровые классы», т.е. долю участников проекта, полностью удовлетворенных как сами образовательным процессом, так и его результатами. Приемлемое значение данного показателя было определено для региона на уровне не менее 60% от общего числа родителей и обучающихся.

В результате проведения серии опросов обучающихся цифровых классов и родителей обучающихся были получены следующие данные (см. *Таблицу 3*).

Таблица 3

Уровень удовлетворенности цифровыми классами в 2024–2025 учебном году

Показатель	Значение
Уровень удовлетворенности учеников ЦК (индекс лояльности)	96,4% (от общего числа опрошенных выпускников)
Уровень удовлетворенности родителей	91,0% (от общего числа опрошенных родителей)

Источник: составлено авторами на основе анализа данных результатов научно-исследовательской работы

В 2023–2024 учебном году уровень удовлетворенности был несколько меньше: 80,7% обучающихся цифровых классов выразили готовность рекомендовать обучение в цифровых классах своим родственникам и знакомым. И только 86,7% из числа опрошенных родителей обучающихся подтвердили высокую удовлетворенность организацией режима обучения в цифровых классах. Также необходимо отметить отсутствие официальных жалоб со стороны родителей на условия и процесс обучения в цифровых классах.

Заключение

Цифровая трансформация общего образования Московской области осуществляется опережающими темпами. Все общеобразовательные организации Московской области включены в федеральную государственную информационную систему «Моя школа», включая ее проекты: «Библиотека цифрового образовательного контента», «Цифровой помощник ученика», «Цифровой помощник родителя», «Цифровое портфолио ученика», «Цифровой помощник учителя», в том числе в проект «Система управления в образовательной организации».

Одновременно общеобразовательные организации региона осуществляют успешную реализацию внедрения смешанного (гибридного) обучения в рамках регионального проекта «Цифровые классы Подмосковья». Образовательный процесс в цифровых классах характеризуется высокой эффективностью, что подтверждается данными об образовательных результатах и эффектах выпускных экзаменов учащихся 11-х классов. Режим работы цифровых классов – смешанное обучение – создает новые условия для получения социальных эффектов, таких как рост физического и психического здоровья обучающихся старших классов; обеспечение здоровьесбережения учеников; удовлетворенность среди родителей образовательным процессом и условиями его реализации [7; 11].

Создание цифрового класса в общеобразовательной организации требует значительных усилий и подготовки со стороны администрации и педагогического коллектива школы.

Наиболее важным аспектом подготовки к созданию цифровых классов является информационная работа с родителями обучающихся, эффективная управленческая работа управляющей команды школы и своевременная подготовка всех необходимых локально-нормативных актов. Педагогический коллектив школы должен быть подготовлен к работе в условиях применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, работе с индивидуальными учебными планами (ИУП) и условиям смешанного (гибридного) обучения [5; 10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Восковская А.С., Карпова Т.А.* Применение инновационных стратегий обучения в условиях цифровизации современного образования // Наука и образование: новое время. 2019. № 1 (30). С. 738–746.
2. *Драндров Д.А., Драндров Г.Л.* Смешанное обучение в основной школе состояние проблемы и педагогические условия ее решения // Современные наукоемкие технологии. 2023. № 9. С. 195–201.

3. *Заир-Бек Е.С., Лучников В.А.* Современные стратегии смешанного и гибридного обучения в теории и практике школьного образования // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. 2025. № 3. С. 23–35.
4. *Захарова М.А., Мезинов В.Н., Нехороших Н.А.* Формирование готовности учителя к деятельности в условиях цифровизации образования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2024. Т. 13, № 1 (46). С. 42–46.
5. *Колышкин А.В., Конюховский П.В., Яковлева Т.В.* Смешанные образовательные технологии в условиях новой нормальности // Образовательная политика. 2023. № 4 (96). С. 87–100.
6. *Кравченко А.Л., Троян И.А.* Современная парадигма и модернизационные компоненты высшего образования // Образование и саморазвитие. 2021. № 3. С. 100–114.
7. *Кужевская Е.Б.* О некоторых перспективах и проблемах смешанного обучения // Вестник экономической безопасности. 2023. № 3. С. 237–241.
8. *Мануйлова Л.М., Максимов А.С.* Использование возможностей цифровой образовательной среды для формирования профессионально-правовой компетенции будущего социального педагога // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2023. Т. 17, № 1. С. 107–115.
9. *Николаев М.В., Кармаев А.А., Соломатин А.М., Лугов И.А.* Реализация концепции «Цифровой класс» в общеобразовательных организациях Московской области в 2023–2024 годах // Вестник Академии права и управления. 2024. № 5 (80). С. 178–183.
10. *Носкова Т.Н., Павлова Т.Б.* Цифровизация образовательной среды и проблемы подготовки учителя // Современное образование и общество. 2024. Т. 1, № 3. С. 220–228.
11. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»: постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 // Правительство России. URL: http://government.ru/docs/all/115042/ (дата обращения: 30.10.2025).
12. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 02.12.2021 № 3427-р // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402676/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 30.01.2025).
13. *Омарова К.А., Исаева Л.М., Абубакаров М.С.-С.* Смешанное обучение: интеграция онлайн и офлайн форматов – исследование эффективных моделей сочетания традиционных и цифровых методов обучения // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2025. № 4. С. 70–75.
14. *Паньшин Б.Н.* Концепция формирования информационной культуры у обучающихся экономических специальностей // Образовательные ресурсы и технологии. 2020. № 3 (32). С. 71–79.
15. Стратегическое направление в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 18.10.2023 № 2894-р // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460714/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 30.01.2025).

REFERENCES

1. Voskovskaya A.S., Karpova T.A. Application of innovative teaching strategies in the context of digitalization of modern education // Science and education: new time. 2019. No. 1 (30). P. 738–746
2. Drandrov D.A., Drandrov G.L. Blended learning in basic school: the state of the problem and pedagogical conditions for its solution // Modern science-intensive technologies. 2023. No. 9. P. 195–201.
3. Zair-Bek E.S., Luchnikov V.A. Modern strategies of blended and hybrid learning in the theory and practice of school education // Education quality management: theory and practice of effective administration. 2025. No. 3. P. 23–35.
4. Zakharova M.A., Mezinov V.N., Nekhoroshikh N.A. Formation of Teacher Readiness for Activities in the Context of Digitalization of Education // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. 2024. Vol. 13. No. 1 (46). P. 42-46.
5. Kolyshkin A.V., Konyukhovsky P.V., Yakovleva T.V. Blended educational technologies in the context of the new normality // Educational policy. 2023. No. 4 (96). P. 87-100.
6. Kravchenko A.L., Troyan I.A. Modern paradigm and modernization components of higher education // Education and self-development. 2021. No. 3. P. 100–114.
7. Kuzhevskaya E.B. On some prospects and problems of blended learning // Bulletin of Economic Security. 2023. No. 3. P. 237-241.
8. Manuilova L.M., Maksimov A.S. Using the capabilities of the digital educational environment to form the professional and legal competence of future social educators // Science of Man: Humanitarian Research. 2023. Vol. 17. No. 1. Pp. 107-115.
9. Nikolaev M.V., Karmaev A.A., Solomatin A.M., Lugov I.A. Implementation of the «Digital Class» Concept in General Education Organizations of the Moscow Region in 2023-2024 // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2024. No. 5 (80). Pp. 178-183.
10. Noskova T.N., Pavlova T.B. Digitalization of the Educational Environment and Problems of Teacher Training // Modern Education and Society. 2024. Vol. 1. No. 3. Pp. 220-228.
11. Resolution of the Government of the Russian Federation of 26.12.2017 N 1642 «On approval of the state program of the Russian Federation» Education Development «http://government.ru/docs/all/115042/ (date of access: 30.10.2025)
12. Order of the Government of the Russian Federation of 02.12.2021 N 3427-r «On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of education related to the scope of activities of the Ministry of Education of the Russian Federation» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402676/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (date of access: 30.01.2025)
13. Omarova K.A., Isaeva L.M., Abubakarov M.S.S. Blended learning: integration of online and offline formats – a study of effective models of combining traditional and digital teaching methods // Economic and humanitarian studies of regions. 2025. No. 4. pp. 70-75.
14. Panshin B.N. Concept of formation of information culture among students of economic specialties // Educational resources and technologies. 2020. No. 3 (32). pp. 71-79.

15. Order of the Government of the Russian Federation of 18.10.2023 No. 2894-r “Strategic direction in the field of digital transformation of education related to the scope of activities of the Ministry of Education of the Russian Federation” https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460714/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (date of access: 30/01/2025)

Сведения об авторах / About the authors

Николаев Максим Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и менеджмента, Московский педагогический государственный университет, e-mail: mv.nikolaev@mpgu.su

Nikolaev Maksim Vladimirovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Management, Moscow Pedagogical State University, e-mail: mv.nikolaev@mpgu.su

Лугов Иван Алексеевич, начальник отдела изучения лучших методик и практик, Корпоративный университет развития образования, e-mail: Lougov@yandex.ru

Lugov Ivan Alekseevich, Head of the Department for the Study of Best Methods and Practices, Corporate University for Education Development, e-mail: Lougov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 10.02.2025 / The article was submitted: 10.02.2025

Статья принята к публикации: 24.02.2025 / Accepted for publication: 24.02.2025

УДК 330.36
ББК 65.012
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-01-50-63

САНКЦИОННОЕ ДАВЛЕНИЕ НА ЭКОНОМИКУ РОССИИ В 2022 г. В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ В ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИКЕ

М.О. Лихачев

Аннотация. *Статья посвящена анализу воздействия введенных в 2022 г. экономических санкций на макроэкономическую ситуацию в экономике России. В качестве теоретической основы для анализа использована модель «открытой экономики» Р. Манделла и Д.М. Флеминга. В статье представлена эконометрическая оценка равновесных параметров российской экономики, полученная на основе анализа статистических данных за период 2011–2021 гг. На базе полученных результатов проанализированы последствия негативных внешних шоков, которые перенесла экономика России на протяжении первых трех кварталов 2022 г. На основе проведенного анализа в статье делается вывод, что достаточно высокая устойчивость к негативным шокам, продемонстрированная российской экономикой в 2022 г., в значительной мере обусловлена активной макроэкономической политикой российского государства.*

Ключевые слова: *макроэкономика, макроэкономическое равновесие, открытая экономика, модель Р. Манделла и Д.М. Флеминга, макроэкономическая политика, бюджетно-налоговая политика, денежно-кредитная политика, торговая политика, экономические санкции.*

Для цитирования: *Лихачев М.О.* Санкционное давление на экономику России в 2022 г. в контексте концепции макроэкономического равновесия в открытой экономике // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 1. С. 50–63. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-01-50-63

© Лихачев М.О., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

SANCTIONS PRESSURE ON THE RUSSIAN ECONOMY IN 2022 IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT OF MACROECONOMIC EQUILIBRIUM IN AN OPEN ECONOMY

M.O. Likhachev

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the impact of the economic sanctions imposed in 2022 on the macroeconomic situation in the Russian economy. As a theoretical basis for the analysis, the model of "open economy" by R. Mundell and D.M. Fleming. The article presents an econometric assessment of the equilibrium parameters of the Russian economy, obtained on the basis of the analysis of statistical data for the period 2011–2021. On the basis of these results are considered the consequences of negative external shocks that the Russian economy suffered during the first three quarters of 2022. Based on this analysis, the author of the article concludes that the high resistance to negative shocks demonstrated by the Russian economy in least, due to the active macroeconomic policy of the Russian state.*

Keywords: *macroeconomics, macroeconomic equilibrium, open economy, R. Mundell and D.M. Fleming model, macroeconomic policy, fiscal policy, monetary policy, trade policy, economic sanctions.*

Cite as: Likhachev M.O. Sanctions pressure on the Russian economy in 2022 in the context of the concept of macroeconomic equilibrium in an open economy. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo.* 2025, No. 1, pp. 50–63. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-01-50-63

Современная макроэкономика рассматривает экономику любой страны как потенциально стабильную и равновесную систему, способную поддерживать внутреннюю неустойчивость и генерировать экономический рост. Стабильность предполагает способность противостоять внешним шокам, преимущественно негативным, и сохранять устойчивость основных макропараметров как номинальных, так и реальных [10; 13; 15; 16; 17; 18; 20]. Санкционное противоборство, развернувшееся в течение последнего года между российской экономикой и «агрегированной» экономикой стран Запада, представляет собой для обеих сторон мощнейший негативный шок и, следовательно, является жестким тестом на внутреннюю устойчивость национальных экономик для всех стран-участниц этого противостояния.

В данной статье представлены результаты авторского исследования масштабов воздействия санкционного давления на макроэкономические параметры российской экономики в течение первых трех кварталов 2022 г. В качестве теоретической основы используется модель «открытой экономики» Р. Манделла и Д.М. Флеминга в графической интерпретации IS/LM/BP [5; 6; 11; 12; 14; 19]. Параметры равновесия в этой модели определяются тремя уравнениями, которые описывают, соответственно, условия равновесия товарного рынка (равенство совокупного спроса и совокупного предложения), равновесия денежного рынка (равенство спроса

и предложения реальных денежных остатков) и внешнего равновесия (нулевого сальдо платежного баланса). Для того, чтобы акцентировать внимание на внешнеэкономическом аспекте равновесия национальной экономики, в качестве основных равновесных параметров в рамках данного исследования использованы ВВП и валютный курс. Поэтому процентная ставка, которая играет роль второго равновесного параметра в традиционной версии модели, элиминирована путем включения ее равновесного значения, полученного из уравнения LM в состав уравнений графиков IS и BP, которые в результате преобразуются в уравнения внутреннего и внешнего равновесия, что по традиции можно обозначить как X и F [19]. Каждая точка графика X отражает сочетание величин ВВП и валютного курса, которые обеспечивают равновесие совокупного спроса и предложения и спроса и предложения реальных денежных остатков, а каждая точка графика F – сочетания ВВП и процентной ставки, которые обеспечивают нулевое сальдо платежного баланса и равновесие спроса и предложения реальных денежных остатков. Таким образом, точка пересечения этих двух графиков будет определять сочетание величины ВВП и валютного курса, которые обеспечат одновременное равновесие совокупного спроса и совокупного предложения, спроса и предложения реальных денежных остатков, и равновесие платежного баланса, то есть общее макроэкономическое равновесие национальной экономики.

Оценка равновесных параметров российской экономики

Для оценки равновесных параметров российской экономики были использованы ежеквартальные данные макроэкономической статистики, опубликованные на сайтах Росстата (gks.ru) и Центрального Банка РФ (cbr.ru) за период 2011–2021 гг. [1; 2; 3; 4; 7; 8; 9]. Оценка проводилась методом множественной линейной регрессии с использованием статистического пакета SPSS Statistics 27. В результате были получены оценки шести регрессионных уравнений, отражающих основные зависимости, составляющие структуру стандартных моделей равновесия, – потребительской функции, инвестиционной функции, функции чистого экспорта, реальных денежных остатков, сальдо счета текущих операций и сальдо финансового счета поэтажного баланса страны. В качестве зависимых переменных в этих уравнениях представлены расходы домашних хозяйств на конечное потребление (C), валовое накопление (I), чистый экспорт (NX), реальные денежные остатки (M/P), рассчитанные как покупательная способность денежного агрегата M2, измеренная на базе индекса потребительских цен декабря 2016 г. (рассчитан при помощи калькулятора цен на сайте: уровень-инфляции.рф), сальдо счета текущих операций платежного баланса (CAB), сальдо финансового счета платежного баланса (BK). В качестве независимых переменных использованы валовой внутренний продукт (Y), чистые налоги на производство и импорт (T), номинальный обменный курс рубля к доллару (E), уровень процентной ставки по депозитам в коммерческих банках (r), мировая цена нефти марки Brent в долларах за баррель и изменение резервных активов Центрального барка (ΔRA), а также в уравнение чистого экспорта включена фиктивная переменная, отражающая влияние санкций 2014 г. (она равна 0 для периода 2011–2013 гг. и равна 1 для периода 2014–2021 гг.). В уравнения модели также включены не стандартизированные остатки предшествующих периодов (фиктивная переменная, используемая для снижения автокорелляции). Величины

ВВП и всех его компонентов использовались в реальном выражении – в постоянных ценах 2016 г., с исключением сезонного фактора, все компоненты платежного баланса – в номинальном выражении в миллионах долларов США. Значения показателей статистической значимости уравнений – коэффициент детерминации (R^2), F – статистика, статистика Дарбина-Уотсона (DW) и t – статистики для всех коэффициентов, отражающие влияние независимых переменных, свидетельствуют о том, что полученные оценки являются состоятельными и несмещенными.

Уравнения внутреннего и внешнего равновесия

Модель Р. Манделла и Д.М. Флеминга рассматривает равновесие в национальной экономике как сочетание параметров внутреннего и внешнего равновесия. Условия внутреннего равновесия традиционно базируются на тождестве национальных счетов, которое предполагает равенство объема произведенного ВВП и суммы компонентов его использования:

$$Y = C + I + G + NX \qquad (1).$$

Условия внешнего равновесия также традиционно описываются как равновесие платежного баланса:

$$CAB + BK + \Delta RA = 0 \qquad (2).$$

Исходя из этого, путем подстановки соответствующих величин из регрессионных уравнений в уравнение (1) и проведения элементарных преобразований, было получено уравнение, описывающее условия внутреннего равновесия в российской экономике:

$$E = -302{,}5290777 - 0{,}001193625\ M/P - 0{,}006197939\ T - 0{,}01973866\ (G + NX_0) + \\ + 1{,}1128\ \Delta r_0 + 0{,}023475916\ Y \qquad (3).$$

Это уравнение линии X, отражающей сочетания объемов ВВП и значений валютного курса, обеспечивающих внутреннее равновесие в современной российской экономике. Линия X будет направлена вверх, как это и предполагается в рамках общей теоретической модели, поскольку с ростом величины ВВП возрастает спрос на импорт и снижается величина чистого экспорта, что должно быть уравновешено снижением валютного курса, которое отражается увеличением значения его обратной котировки (E). Кроме того, на положение линии X будут влиять несколько экзогенных переменных, значения которых нужно определять индивидуально, в зависимости от рассматриваемого периода. К числу этих переменных относятся реальные денежные остатки(M/P), чистые налоги на производство и импорт (T), расходы государства на конечное потребление (G). Также в состав уравнения были дополнительно введены величины NX_0 и Δr_0, отражающие влияние экзогенных изменений, соответственно, чистого экспорта и процентной ставки, поскольку первый из этих параметров находится под прямым воздействием политики экономических санкций, а второй является одним из автономных параметров, определяемых в рамках денежно-кредитной политики.

Таблица 1

Динамика ВВП РФ и его отдельных компонентов в конце 2021–2022 гг.

Год, квартал	ВВП, млрд руб. (в ценах 2016 г.)	ВВП без чистых налогов на производство и импорт, млрд руб. (в ценах 2016 г.)	Чистые налоги на производство и импорт, млрд руб. (в ценах 2016 г.)	Расходы на конечное потребление органов государственного управления, млрд руб. (в ценах 2016 г.)
2021.VI	23598,4	21214,9	51001,36	4355,6
2022. I	21357,2	18986,5	49084,41	4294,1
2022. II	21479,6	20276,7	49788,15	4376,5
2022. III	23057,1	21258,6	54162,06	4351,1

Источники: [1; 2], расчеты автора

Таблица 2

Динамика основных факторов, влиявших на параметры внутреннего и внешнего равновесия российской экономики в конце 2021–2022 гг.

Год, квартал	Денежная масса, млрд руб. (М2)	Реальные денежные остатки, млрд руб. (в ценах 2016 г.)	Процентная ставка по депозитам, %	Номинальный валютный курс долл./руб.	Цена нефти марки Brent, долл. за баррель	Изменение официальных резервов, млн долл.
2021.VI	64143,48	51001,36	7,06	72,59	77,65	21677,51
2022. I	67873,02	49084,41	11,85	93,69	100,03	25363,88
2022. II	69759,02	49788,15	11,47	53,85	114,9	5596,35
2022. III	75235,95	54162,06	6,98	55,40	95,91	20256,24

Источники: [16; 17; 18; 19; 20], расчеты автора

Аналогично, путем подстановки значений из регрессионных уравнений в уравнение 2 и проведения элементарных преобразований, получено уравнение, описывающее условия внешнего равновесия российской экономики:

$$E = -0{,}544095517\ Brent + 0{,}000262256\ M/P + 0{,}000249697\ \Delta RA - 0{,}00738748\ (CAB_0 - BR_0) + 0{,}004294344\ (Y - T) \quad (4).$$

Это уравнение линии F, которая описывает сочетания значений ВВП и валютного курса, обеспечивающие равновесие платежного баланса при заданных объемах изменения официальных резервов Центрального Банка. Эта линия также будет

направлена вверх, что соответствует общей теоретической модели, которая предполагает, что с ростом величины ВВП сальдо счета текущих операций платежного баланса будет сокращаться и эта тенденция может быть нейтрализована только снижением валютного курса, которое будет отражаться повышением величины его обратной котировки (E).

На положение линии F к тому же влияет набор экзогенных факторов, в состав которых входят мировая цена на нефть (Brent), реальные денежные остатки (M/P), чистые налоги на производство и импорт (T) и изменение резервных активов Центрального Банка (ΔRA). Кроме того, в уравнение включены две переменные CAB_0 и BK_0, отражающие экзогенные изменения сальдо счета текущих операций и сальдо финансового счета платежного баланса, поскольку первая из них находится под непосредственным влиянием экономических санкций, а вторая отражает масштабы утечки капитала, которая также является следствием санкционного конфликта.

Таблица 3

Динамика экзогенных параметров внутреннего и внешнего равновесия в российской экономике в I–III кварталах 2022 г.

Год, квартал	Экзогенные изменения процентной ставки, %	Экзогенные изменения чистого экспорта, млрд руб. (в ценах 2016 г.)	Экзогенные изменения сальдо счета текущих операций, млн долларов	Экзогенные изменения сальдо финансового счета, млн долларов
2021.VI	3,14	–66,74	14862,66	22326,76
022.I	15,14	–1866,27	–20657,60	40443,30
2022.II	14,98	14,56	38812,10	62494,44
2022.III	8,49	42,72	25976,95	19070,37

Источники: [3; 4; 7; 8; 9], расчеты автора

Все экзогенные параметры, на основе которых были построены линии внешнего и внутреннего равновесия для четвертого квартала 2021 г. и для первых трех кварталов 2022 г., представлены в *Таблицах 1, 2* и *3*. Данные в *Таблицах 1* и *2* взяты непосредственно из указанных источников, а данные в *Таблице 3* были рассчитаны как разности фактических значений соответствующих показателей и значений этих показателей, предсказанных на основе полученных регрессионных уравнений.

I квартал 2022 г.: негативный шок и рецессия

На *Рисунке 1* представлено рассчитанное на основе представленной модели изменение параметров равновесия в российской экономике в I квартале 2022 г. по сравнению с параметрами равновесия в IV квартале 2021 г. Также для сравнения на линии обозначены точки, отражающие сочетания фактических значений ВВП и валютного курса, которые были, соответственно, в последнем квартале 2021 г. и в первом квартале 2022 г.

Судя по этому графику, в конце 2021 г. точка, характеризующая состояние российской экономики, находилась практически на линии ее внешнего равновесия (F), но ниже линии внутреннего равновесия (X). Теоретически это предполагает в будущем некоторую коррекцию объемов производства в сторону снижения и адаптацию валютного курса, которые в конечном итоге привели бы к общему равновесию. Однако разразившийся во второй половине I квартала 2022 г. санкционный конфликт резко изменил параметры равновесия.

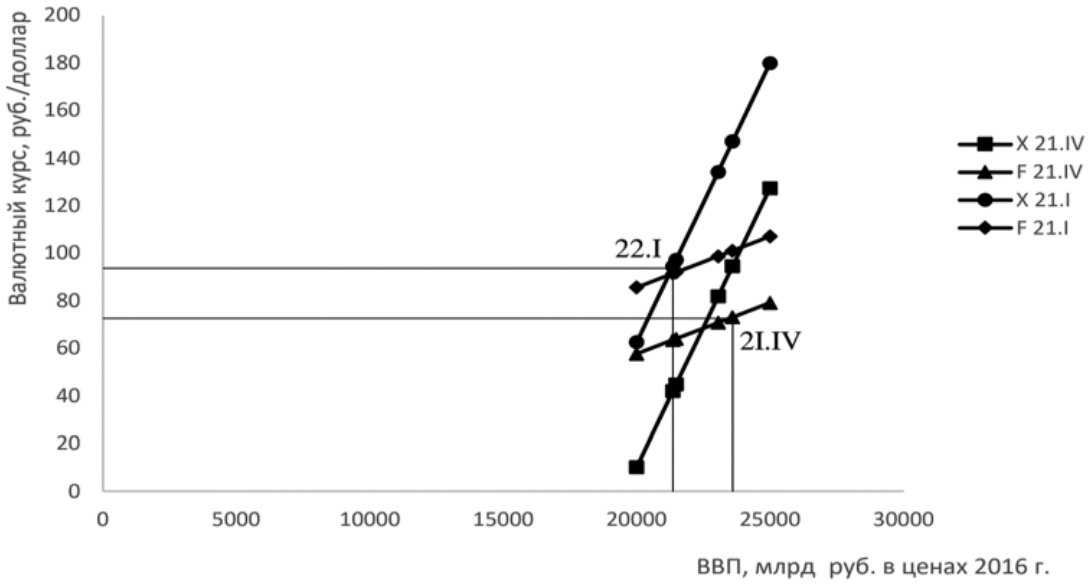

Рис. 1. Изменение параметров равновесия в российской экономике в I квартале 2022 г.

В результате шока, вызванного последствиями санкционных мер, линии внутреннего и внешнего равновесия резко сместились вверх. Смещение линии внутреннего равновесия (X) вверх было обусловлено тремя основными факторами: ускорением темпов инфляции (почти до 10 % за квартал), которые привели к снижению величины реальных денежных остатков, резким экзогенным повышением процентной ставки, которое стало результатом действий Центрального банка по стабилизации денежно-кредитной системы и резким экзогенным снижением чистого экспорта, который, по всей видимости, обусловлен введением санкционных мер, в чью силу произошедшее снижение курса рубля не вызвало соответствующего увеличения чистого экспорта. По-видимому, санкционный конфликт привел к искусственному ограничению спроса на российские товары и услуги и существенно ослабил нормальную рыночную реакцию на снижение их относительной стоимости, которая стала результатом девальвации рубля в начале санкционного конфликта.

Смещение вверх линии внешнего равновесия (F) обусловлено главным образом резким экзогенным сокращением величины сальдо счета текущих операций платежного баланса, который также является следствием введения санкционных мер, не позволивших в полной мере реализовать эффект девальвации рубля, превратив его в увеличение экспортных доходов. Правда, в этом случае эффект был в значительной мере смягчен ростом мировых цен на энергоносители, вследствие чего величина сальдо счета текущих операций возросла почти на 50 %.

Кроме того, произошло резкое экзогенное увеличение сальдо финансового счета, что является следствием усилившегося оттока капитала, а также увеличения резервных активов Центрального барка. При этом сокращение реальных денежных остатков, вследствие всплеска инфляции и рост мировых цен на нефть, напротив, препятствовали сдвигу линии внешнего равновесия (F) вверх и в какой-то степени ограничили масштабы этого сдвига.

В результате, в I квартале 2022 г. российская экономика приблизилась к состоянию внутреннего и внешнего равновесия. Однако это было достигнуто ценой значительного снижения экономической активности: объем ВВП снизился на 9,5 % по сравнению с IV кварталом 2021 г. Любопытно отметить, что отрицательные последствия санкционного шока для условий внешнего равновесия в значительной мере смягчили его отрицательное воздействие на условия внутреннего равновесия, поскольку если бы линия внешнего равновесия не сместилась вверх вслед за линией внутреннего равновесия, то новая точка равновесия была бы еще ближе к началу координат, что могло спровоцировать еще более глубокое снижение экономической активности. Поэтому можно сделать вывод, что первоначальное ухудшение параметров внешнего равновесия сыграло роль стабилизатора российской экономики. Снижение валютного курса в соответствии с ухудшением параметров платежного баланса позволило на начальном этапе смягчить удар, нанесенный санкциями по реальным объемам внешней торговли, и ограничило масштабы спада экономической активности, которые при отсутствии этого эффекта могли бы быть значительно больше.

II квартал 2022 г.: краткосрочная стагнация

На *Рисунке 2* представлены последствия изменений параметров равновесия российской экономики во II квартале 2022 г. по сравнению с равновесными параметрами I квартала 2022 г. Здесь наблюдаются изменения, противоположные тем, что происходили в I квартале 2022 г. Если тогда обе линии – внешнего и внутреннего равновесия – смещались вверх, то во II квартале 2022 г. они смещаются вниз.

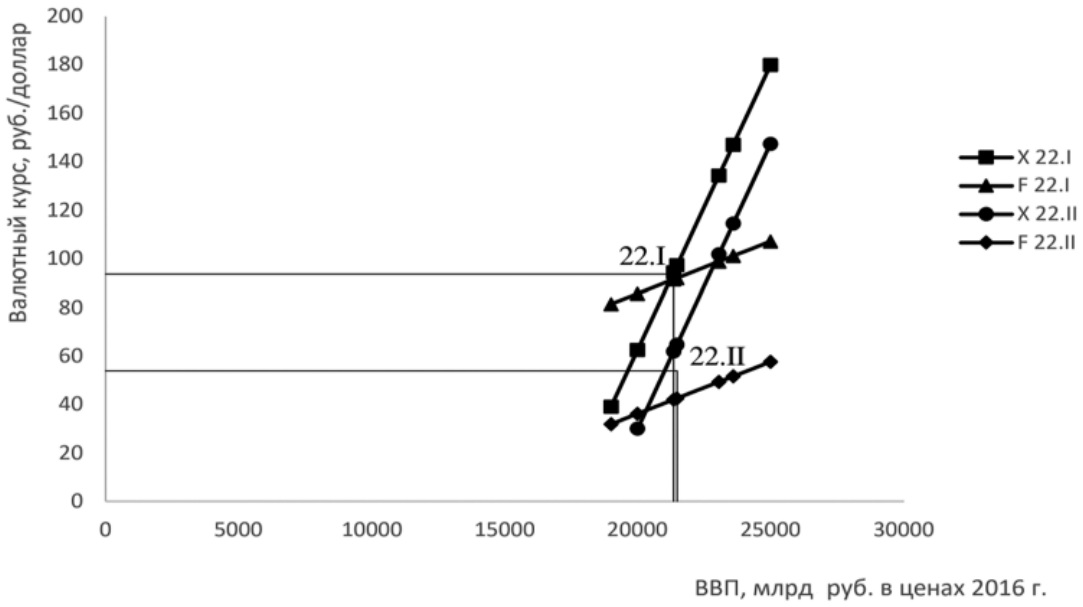

Рис. 2. Изменение параметров равновесия в российской экономике в II квартале 2022 г.

Линия внутреннего равновесия (X) сместилась вниз главным образом под влиянием произошедшей во II квартале 2022 г. ревальвации рубля, вследствие которой конкурентоспособность российских товаров резко снизилась как на внутреннем, так и на внешнем рынке, так что санкционные ограничения, препятствовавшие росту ее чистого экспорта в предшествующий период, утратили актуальность. При новом, более высоком, курсе рубля влияние экзогенных факторов на чистый экспорт стало минимальным и перестало оказывать значительное влияние на условия внутреннего равновесия. Также смещению линии внутреннего равновесия вниз способствовал рост предложения реальных денежных остатков, что стало следствием значительного роста денежной массы при существенном замедлении роста уровня цен. Этому же способствовало и некоторое, сравнительно небольшое, увеличение государственных расходов на конечное потребление.

Смещение линии внешнего равновесия вниз (F) имело более внушительный масштаб. Оно было главным образом обусловлено резким экзогенным ростом величины сальдо счета текущих операций платежного баланса, связанным, по всей видимости, с продолжавшимся в этот период ростом мировых цен на энергоносители. При этом экзогенный рост сальдо финансового счета, отражающий отток капитала из страны, продолжал содействовать смещению линии внешнего равновесия вверх. Этому же способствовал рост реальных денежных остатков, спровоцированный увеличением денежной массы в условиях замедления темпов роста цен. Однако оба этих фактора оказались не в состоянии перевесить влияние роста сальдо счета текущих операций, и по итогам II квартала 2022 г. линия внешнего равновесия (F) располагается значительно ниже, чем она располагалась по итогам I квартала 2022 г.

Фактические параметры, характеризующие экономическую ситуацию во II квартале 2022 г. показывают, что падение объемов ВВП прекратилось, произошло даже его небольшое увеличение. Однако в целом можно охарактеризовать этот период как краткосрочную стагнацию, в чьих рамках экономическая активность оставалась примерно на том уровне, до которого она снизилась в результате негативного санкционного шока предыдущего периода. При этом валютный курс существенно повысился. В результате точка, характеризующая ситуацию в российской экономике во II квартале 2022 г. расположилась ниже линии внутреннего равновесия (X), но выше линии внешнего равновесия (F). Это противоречивая ситуация, в которой валютный курс слишком высок для того, чтобы обеспечить уровень совокупного спроса, соответствующий уроню совокупного предложения в реальном выражении, но слишком низок для того, чтобы обеспечить равновесие платежного баланса. Данная ситуация чревата продолжением рецессии, поскольку новая точка равновесия находилась ближе к началу координат, чем она была в I квартале 2022 г. и ей соответствовал более низкий равновесный объем ВВП. Причем, очевидно, что главной причиной этого стало смещение вниз линии внешнего равновесия, которое, как уже было показано, связано с экзогенным ростом сальдо счета текущих операций, вызванного ростом доходов от экспорта энергоносителей. Таким образом, с точки зрения стабилизации уровня экономической активности в российской экономике во II квартале 2022 г., этот фактор выглядит скорее отрицательным, чем положительным.

Однако указанная тенденция к продолжению рецессии не являлась непреодолимой. Ее потенциал выглядит гораздо скромнее по сравнению с масштабами спада

в предыдущем квартале и макрорегуляторы вполне способны купировать ее путем осуществления ограниченной бюджетно-налоговой и денежно-кредитной экспансии. Следствием этих мер должно стать дальнейшее смещение линии внутреннего равновесия (X) вниз и смещение линии внешнего равновесия вверх (F), что в конечном итоге должно приблизить экономику к равновесию и даже, возможно, стимулировать рост экономической активности.

Следовательно, ситуацию, сложившуюся в российской экономике во II квартале 2022 г., можно рассматривать как момент, когда сложились условия для стабилизации макроэкономической ситуации, и возникла возможность остановить развитие рецессии, вызванной последствиями санкционного кризиса. Насколько эти возможности были реализованы на практике можно судить по результатам анализа макроэкономических процессов, происходивших в III квартале 2022 г.

III квартал 2022 г.: ограниченное оживление

На *Рисунке 3* представлены изменения параметров равновесия в III квартале 2022 г. Линия внутреннего равновесия (X) продолжила сдвигаться вниз, при этом линия внешнего равновесия (F) начала смещаться вверх. Причем смещение обоих линий имело гораздо меньшие масштабы, чем в предыдущий период, что естественно, поскольку шоковый эффект, возникший в самом начале санкционного конфликта, был уже преодолен, и в дальнейшем макроэкономические процессы протекали более стабильно.

Смещение линии внутреннего равновесия (X) вниз было обусловлено ростом реальных денежных остатков, которое было обеспечено продолжающимся ростом денежной массы на фоне резко снизившихся темпов инфляции и значительным экзогенным снижением процентной ставки. При этом размер расходов государства на конечное потребление в реальном выражении не только не увеличился, но даже несколько сократился, что свидетельствует о том, что смещение линии внутреннего равновесия (X) вниз в III квартале 2022 г. было исключительно результатом умеренной денежно-кредитной экспансии, проводившейся Центральным банком.

Аналогичный вывод можно сделать и относительно смещения линии внешнего равновесия (F) вверх. Оно также стало результатом роста предложения реальных денежных остатков и увеличения официальных резервов. Кроме того, сдвигу линии внешнего равновесия (F) вверх до некоторой степени способствовало начавшееся в III квартале 2022 г. снижение мировых цен на нефть. Суммарное влияние названных факторов позволило переломить тенденцию к смещению линии внешнего равновесия вниз, создаваемую сохранившейся тенденцией к экзогенному росту сальдо счета текущих операций, которая в III квартале 2022 г. была усилена существенным снижением оттока капитала, отражающегося в экзогенном увеличении сальдо финансового счета. Если в предшествующий период влияние оттока капитала нейтрализовывало влияние экзогенного роста сальдо счета текущих операций, то теперь это влияние резко снизилось и рост сальдо счета текущих операций стал оказывать понижающее воздействие на положение линии внешнего равновесия (F), как это видно из данных *Таблицы 3*. Однако это влияние было полностью нейтрализовано денежно-кредитной экспансией, и по итогам III квартала 2022 г. линия внешнего равновесия (F) сместилась вверх, хотя и в небольших масштабах.

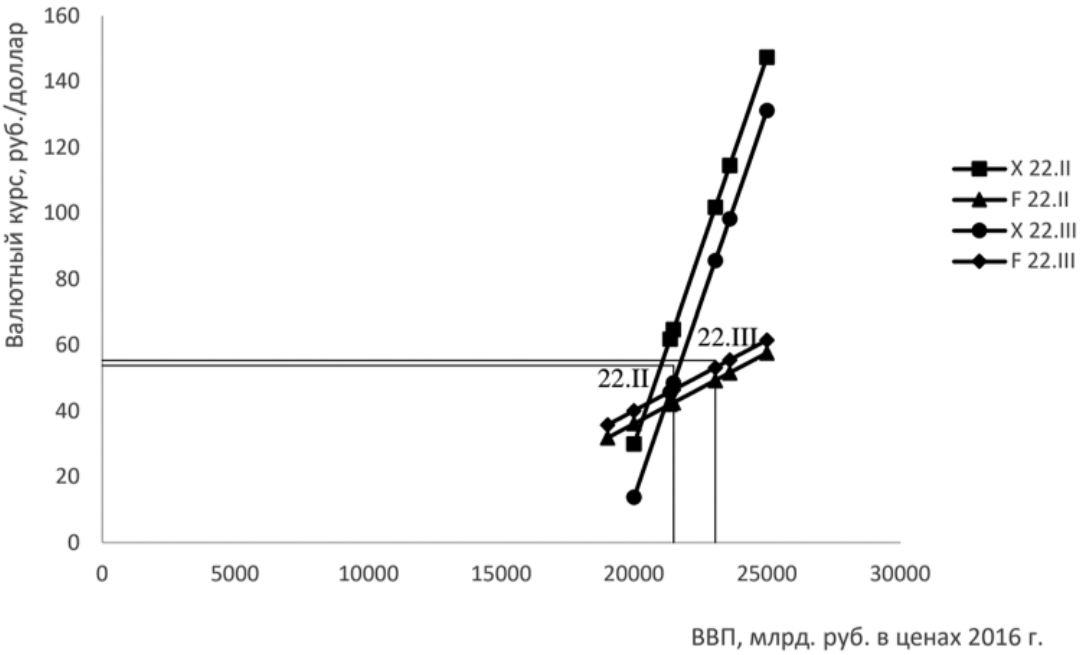

Рис. 3. Изменение параметров равновесия в российской экономике в III квартале 2022 г.

Политика денежно-кредитной экспансии принесла свои плоды. Объемы ВВП в III квартале 2022 г. практически вплотную приблизились к докризисному уровню, то есть спад экономической активности был практически преодолен. Однако в целом макроэкономическая ситуация продолжала оставаться неустойчивой. Точка равновесия, сформировавшаяся в III квартале 2022 г., практически соответствует уровню ВВП предыдущего квартала. А точка, характеризующая фактическое состояние российской экономики в этот период, находится очень близко к линии внешнего равновесия (F), но значительно ниже линии внутреннего равновесия (X), что означает сохранение угрозы нового спада экономической активности. В данном контексте рост ВВП, достигнутый в III квартале 2022 г., выглядит краткосрочным и неустойчивым. Можно сделать вывод, что он не может поддерживаться в долгосрочной перспективе, если не будет стимулироваться дальнейшей денежно-кредитной и/или бюджетно-налоговой экспансией, которая будет смещать точку равновесия вправо от начала координат. Следовательно, несмотря на относительную стабилизацию и некоторое оживление, российская экономика в III квартале 2022 г. продолжала оставаться в неустойчивом состоянии, и дальнейшая динамика ее макропоказателей продолжала определяться преимущественно действиями государственных макрорегуляторов.

Заключение

Негативный макроэкономический шок, который пережила российская экономика в 2022 г., явился серьезным испытанием ее внутренней стабильности и устойчивости. Анализ последствий шока в рамках традиционного равновесного подхода в макроэкономическом анализе является еще одним подтверждением того, что устойчивость национальной экономики, по крайней мере в критических кризисных ситуациях, не является результатом действия «чистого рыночного механизма», а представляет собой результат воздействия государственных макрорегуляторов на экономическую активность. Именно действия макрорегуляторов в течение

первых трех кварталов 2022 г. стали главным ограничителем масштабов макроэкономических колебаний и позволили минимизировать их негативные последствия. Дальнейшее развитие макроэкономической ситуации в конце 2022 – начале 2023 гг. показало, что достигнутая стабилизация является устойчивой в среднесрочной перспективе и содержит в себе значительный потенциал для противостояния новым негативным шокам. Следовательно, устойчивость, продемонстрированная российской экономикой в рассматриваемый сложный период, была обусловлена теми инструментами и потенциальными возможностями макроэкономического регулирования, которые были сформированы на протяжении предыдущего исторического периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ВВП кварталы использование (с 1995 г.). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GDP_quarters_of_use_1995.xls (дата обращения: 01.02.2023).
2. ВВП кварталы по доходам (с 1995 г.). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GDP_quarters_by_income_1995.xls (дата обращения: 01.02.2023).
3. Динамика максимальной процентной ставки (по вкладам в российских рублях) десяти кредитных организаций, привлекающих наибольший объем депозитов физических лиц. URL: https://www.cbr.ru/statistics/avgprocstav/#highlight=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BD%D0%BE%D0%B9%7C%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B8%7C%D0%B4%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B2 (дата обращения: 01.02.2023).
4. Калькулятор цен. URL: https://xn----ctbjnaatncev9av3a8f8b.xn--p1ai/%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BB%D1%8F%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8F%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B (дата обращения: 01.02.2023).
5. *Манделл Р.А.* Динамика адаптации мирового валютного рынка при фиксированном и плавающем обменных курсах // Этот изменчивый обменный курс: Сборник статей / сост. и пер. с англ. А.М. Семенова. М.: Дело, 2001. С. 117–154.
6. *Манделл Р.А.* Выбор экономической политики для достижения внутреннего и внешнего равновесия // Этот изменчивый обменный курс: Сборник статей / сост. и пер. с англ. А.М. Семенова. М.: Дело, 2001. С. 155–164.
7. Основные производные показатели динамики обменного курса рубля. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 01.02.2023).
8. Платежный баланс Российской Федерации (аналитическое представление). URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 01.02.2023).
9. Сезонно скорректированный ряд денежной массы (М2). URL: https://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/M2-M2_SA.xlsx (дата обращения: 01.02.2023).
10. *Сойер М.* Посткейнсианская макроэкономика // Панорама экономической мысли конца XX века: Сборник статей: В 2 т. / под ред. Д. Гринуэя, М. Блини, И. Стюарта. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 219–248.
11. *Флеминг Д.М.* Внутренняя финансовая политика при фиксированном и плавающем обменных курсах // Этот изменчивый обменный курс: Сборник статей / сост. и пер. с англ. А.М. Семенова. М.: Дело, 2001. С. 165–178.
12. *Флеминг Д.М.* Плавающий обменный курс, асимметричная интервенция и управление международной ликвидностью // Этот изменчивый обменный курс: Сборник статей / сост. и пер. с англ. А.М. Семенова. М.: Дело, 2001. С. 179–206.

13. *Холден К.* Макроэконометрическое прогнозирование // Панорама экономической мысли конца XX века: Сборник статей: В 2 т. / под ред. Д. Гринуэя, М. Блини, И. Стюарта. Т. 2. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 829–851.
14. *Шоун Р.* Макроэкономическая теория открытой экономики // Панорама экономической мысли конца XX века: Сборник статей: В 2 т. / под ред. Д. Гринуэя, М. Блини, И. Стюарта. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 507–535.
15. *Acemoglu D., Laibson D., List J.A.* Macroeconomics. Edinburgh: Pearson Education Limited, 2016. 392 p.
16. *Baumol W.J., Blinder A.S.* Macroeconomics: Principles and Policy. Mason: South-Western Cengage Learning, 2009. 452 p.
17. *Case K.E., Fair R.C., Oster S.M.* Principles of Macroeconomics. Edinburgh: Pearson Education Limited, 2017. 480 p.
18. *Mankiw N.G.* Macroeconomics. New York: Macmillan, 2016. 553 p.
19. *Mundell R.A.* International economics. New York: Macmillan, 1968. 360 p.
20. *Williamson S.D.* Macroeconomics. New York: Pearson Education, 2016. 672 p.

REFERENSES

1. VVP kvartaly ispolzovanie (s 1995 g.). *Available at:* https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GDP_quarters_of_use_1995.xls (accessed: 01.02.2023).
2. VVP kvartaly po dokhodam (s 1995 g.). *Available at:* https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GDP_quarters_by_income_1995.xls (accessed: 01.02.2023).
3. Dinamika maksimalnoi protsentnoi stavki (po vkladam v rossiiskikh rublyakh) desyati kreditnykh organizatsii, privlekayushchikh naibolshii ob»em depozitov fizicheskikh lits. *Available at:* https://www.cbr.ru/statistics/avgprocstav/#highlight=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BD%D0%BE%D0%B9%7C%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B8%7C%D0%B4%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B2 (accessed: 01.02.2023).
4. Kalkulyator tsen. *Available at:* https://xn----ctbjnaatncev9av3a8f8b.xn--p1ai/%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BB%D1%8F%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8F%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B (accessed: 01.02.2023).
5. Mandell R.A. Dinamika adaptatsii mirovogo valyutnogo rynka pri fiksirovannom i plavayushchem obmennykh kursakh. *Etot izmenchivyi obmennyi kurs: Sbornik statei*. Ed., transl. from English A.M. Semenova. Moscow: Delo, 2001. P. 117–154.
6. Mandell R.A. Vybor ekonomicheskoi politiki dlya dostizheniya vnutrennego i vneshnego ravnovesiya. *Etot izmenchivyi obmennyi kurs: Sbornik statei*. Ed., transl. from English A.M. Semenova. Moscow: Delo, 2001. P. 155–164.
7. Osnovnye proizvodnye pokazateli dinamiki obmennogo kursa rublya. *Available at:* https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (accessed: 01.02.2023).
8. Platezhnyi balans Rossiiskoi Federatsii (analiticheskoe predstavlenie). *Available at:* https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (accessed: 01.02.2023).
9. Sezonno skorrektirovannyi ryad denezhnoi massy (M2). *Available at:* https://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/M2-M2_SA.xlsx (accessed: 01.02.2023).
10. Soier M. Postkeinsianskaya makroekonomika. *Panorama ekonomicheskoi mysli kontsa KhKh veka: Sbornik statei: V 2 t.* Eds. D. Gpinuey, M. Blini, I. Ctyuart. Vol. 1. Saint-Petersburg: Ekonomicheskaya shkola, 2001. P. 219–248.

11. Fleming D.M. Vnutrennyaya finansovaya politika pri fiksirovannom i plavayushchem obmennykh kursakh. *Etot izmenchivyi obmennyi kurs: Sbornik statei*. Ed., transl. from English A.M. Semenova. Moscow: Delo, 2001. P. 165–178.
12. Fleming D.M. Plavayushchii obmennyi kurs, asimmetrichnaya interventsiya i upravlenie mezhdunarodnoi likvidnostyu. *Etot izmenchivyi obmennyi kurs: Sbornik statei*. Ed., transl. from English A.M. Semenova. Moscow: Delo, 2001. P. 179–206.
13. Kholden K. Makroekonometricheskoe prognozirovanie. *Panorama ekonomicheskoi mysli kontsa XX veka: Sbornik statei: V 2 t.* Eds. D. Gpinuey, M. Blini, I. Ctyuart. Vol. 2. Saint-Petersburg: Ekonomicheskaya shkola, 2001. P. 829–851.
14. Shoun R. Makroekonomicheskaya teoriya otkrytoi ekonomiki. *Panorama ekonomicheskoi mysli kontsa XX veka: Sbornik statei: V 2 t.* Eds. D. Gpinuey, M. Blini, I. Ctyuart. Vol. 1. Saint-Petersburg: Ekonomicheskaya shkola, 2001. P. 507–535.
15. Acemoglu D., Laibson D., List J.A. *Macroeconomics.* Edinburgh: Pearson Education Limited, 2016. 392 p.
16. Baumol W.J., Blinder A.S. *Macroeconomics: Principles and Policy.* Mason: South-Western Cengage Learning, 2009. 452 p.
17. Case K.E., Fair R.C., Oster S.M. *Principles of Macroeconomics.* Edinburgh: Pearson Education Limited, 2017. 480 p.
18. Mankiw N.G. *Macroeconomics.* New York: Macmillan, 2016. 553 p.
19. Mundell R.A. *International economics.* New York: Macmillan, 1968. 360 p.
20. Williamson S.D. *Macroeconomics.* New York: Pearson Education, 2016. 672 p.

Сведения об авторе / About Author:

Лихачев Михаил Олегович, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и менеджмента, Московский педагогический государственный университет, e-mail: olegmix71@mail.ru

Likhachev Mikhail Olegovich, ScD in Economics, Associate Professor, Professor, Economic Theory and Management Department, Moscow Pedagogical State University, e-mail: olegmix71@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.02.2025/The article was received on 09.02.2025

Статья принята к публикации 22.02.2025/The article accepted for publication 22.02.2025

УДК 339.13
ББК 65.053.4
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-01-64-71

МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ КЛИЕНТСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОМПАНИИ XIAOMI

В.В. Демина, С. Ван

Аннотация. *В статье исследуются пути повышения лояльности потребителей международных брендов на примере китайской корпорации Xiaomi. Компании сектора высоких технологий, работающие на глобальном рынке, рассматривают лояльность клиентов как ключевой исходный актив. Авторами выявлены факторы, стимулирующие устойчивые предпочтения потребителей, оценена эффективность различных маркетинговых инструментов, представлена структура бизнес-модели, продуктовая стратегия и коммуникационные приемы. Предложен маркетинговый комплекс, улучшающий вовлеченность аудитории, эмоциональную связь с брендом и стимулирующий повторные покупки.*

Ключевые слова: *потребительская лояльность, Xiaomi, международная компания, маркетинговая стратегия, бизнес-модель, качество обслуживания, брендовая приверженность.*

Для цитирования: *Демина В.В., Ван С.* Методы повышения клиентской лояльности международной компании Xiaomi // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 1. С. 64–71. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-01-64-71

© Демина В.В., Ван С., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

METHODS OF INCREASING CUSTOMER LOYALTY AT THE INTERNATIONAL COMPANY XIAOMI

V.V. Demina, Wang Xin

Abstract. *The article explores ways to increase consumer loyalty to international brands using the example of the Chinese corporation Xiaomi. High-tech companies operating in the global market view customer loyalty as a key source asset. The authors identify factors that stimulate sustainable consumer preferences, evaluate the effectiveness of various marketing tools, and present the structure of the business model, product strategy, and communication techniques. They propose a marketing complex that enhances audience engagement, emotional connection with the brand, and encourages repeat purchases.*

Keywords: *consumer loyalty, Xiaomi, international company, marketing strategy, business model, service quality, brand commitment.*

Cite as: Demina V.V., Wang X. Methods of increasing customer loyalty at the international company Xiaomi. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo.* 2025, No. 1, pp. 64–71. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-01-64-71

Жесткая конкуренция и насыщенность рынков электроники подталкивают компании к стратегическому осмыслению роли лояльности потребителей [4]. Лояльные клиенты, обеспечивая повторные покупки, снижают издержки на рекламные акции, привлекая новых потребителей, и способствуют органичному росту бренда.

Компания Xiaomi, основанная Лэй Цзюнем в 2010 г., за короткий период превратилась в одного из крупнейших мировых производителей смартфонов, бытовой техники и экосистемных устройств [5]. В 2025 г. бренд стабильно удерживает третье место по продажам смартфонов в мире после Apple и Samsung, а на отдельных рынках, таких как Индия и Индонезия, входит в число лидеров.

Успех Xiaomi во многом объясняется сочетанием рациональных и эмоциональных факторов лояльности: доступной стоимости, высокого уровня технологичности, развитой экосистемы сервисов и уникальной культуры коммуникации с пользователями, выраженной в феномене Mi Fans [2].

Цель исследования – выявить пути повышения потребительской лояльности Xiaomi и разработать систему мероприятий, способствующих ее укреплению на международных рынках.

В процессе выполнения исследования применены методы анализа, сравнения, обобщения и интерпретации результатов исследований.

Экономические результаты Xiaomi как фактор лояльности

Стабильная динамика финансовых показателей компании является важным индикатором доверия потребителей. Согласно отчету Xiaomi за второй квартал 2025 г.,

компания показала рекордные результаты, значительно превысившие ожидания аналитиков (*Таблица 1*).

Таблица 1

Финансовые показатели Xiaomi за II квартал 2025 г.

Показатель	Значение 2025 г.	Динамика к 2024 г.
Чистая прибыль	11,87 млрд юаней	+134%
Скорректированная прибыль	10,8 млрд юаней	×1,8
Общая выручка	116,0 млрд юаней	+30,5%
Выручка от смартфонов	45,5 млрд юаней	–2,1%
Поставки смартфонов	42,4 млн единиц	+0,6%

Источник: [7]

Несмотря на небольшое снижение выручки от смартфонов, рост поставок и повышение прибыльности говорят о стабильности продуктовой стратегии и доверии потребителей.

Доля Xiaomi на рынке материкового Китая составляет 14,7%, что подтверждает успешность конкурентной политики.

Компания Xiaomi и ее подход к формированию лояльности

Стратегия Xiaomi, сформированная после основания компании в 2010 г., базируется на стремлении предоставить пользователю максимально широкие технические возможности при минимально возможной цене. Xiaomi выстроила собственную модель «доступных инноваций». Эта модель предполагает, что даже устройства средней ценовой категории обладают функциональностью, сопоставимой с предложениями конкурентов стоимостью на 30–60% дороже. Такой подход позволяет формировать устойчивую лояльность, поскольку потребитель получает высокий уровень технологичности без чрезмерных затрат.

Ценностное предложение Xiaomi строится на нескольких взаимосвязанных компонентах. Высокая технологическая насыщенность выражается в том, что ежегодно компания выводит на рынок около 120 новых устройств, включая смартфоны, IoT-оборудование и бытовую электронику. Программная среда MIUI, а затем HyperOS, используется более чем 620 млн активных пользователей, а уровень ежемесячной активности превышает 590 млн, что демонстрирует глубину проникновения экосистемы. Каждый элемент продукта связан с сервисами компании, включая облачное хранилище, галерею приложений, мультимедийный контент и систему умного дома, поддерживающую свыше 2000 типов устройств. Современные цифровые экосистемы повышают уровень лояльности клиентов [6].

Географическая направленность ценности также важна: более 55% продаж приходится на развивающиеся рынки – Индию, Индонезию, Мексику, Бразилию, Россию, где средний доход населения ограничен. Поэтому доступные цены – в среднем на 35–40% ниже, чем у аналогов премиального уровня – позволяют компании стремительно наращивать базу пользователей. Так, за 2016–2024 гг. число пользователей Xiaomi выросло примерно в 7 раз, что соответствует среднегодовому темпу роста порядка 22–25%.

В основе ценности лежит возможность получить передовые технологии без значительных финансовых затрат. Экосистема Xiaomi насчитывает уже более 600 млн пользователей умных устройств, а количество активных подключений в системе «умный дом» превышает 200 млн. Смартфон остается ядром платформы: на него приходится примерно 55% всех доходов компании, но дальнейшие 20–22% формируются за счет устройств IoT, а 17–18% – за счет цифровых сервисов [7].

Регулярные обновления прошивок – до 35–40 обновлений в год – создают ощущение динамичного развития услуги. Более 10 тыс. инженеров занимаются интерфейсом и оптимизацией программного обеспечения, а команда бета-тестирования включает около 1,5 млн добровольцев, активно участвующих в улучшении продукта.

Компания активно использует прямые продажи. На e-commerce-каналы приходится около 70% мировых продаж Xiaomi, при этом собственные интернет-магазины и платформы Mi Home генерируют примерно 30% общего оборота. Исключение посредников позволяет снижать стоимость устройства на 8–12%, а в некоторых странах – даже на 15%. Это укрепляет рациональную лояльность, поскольку пользователь видит реальную экономическую выгоду [9].

Виды лояльности потребителей Xiaomi

Лояльность к Xiaomi формируется на нескольких уровнях, что позволяет компании удерживать значительное число клиентов [3]. Повторные покупки совершают более 64% владельцев смартфонов Xiaomi, а около 38% приобретают второе и третье устройство экосистемы в течение первых 18 месяцев использования.

Эмоциональная лояльность проявляется в активности сообществ: ежегодные фестивали Mi Fan привлекают миллионы участников, а крупные презентации (например, серии Xiaomi 14 и 15) собирают аудиторию до 50 млн онлайн-просмотров. Около 70% пользователей отмечают, что ценят бренд за чувство причастности и открытости [10].

Рациональная лояльность подтверждается объективными данными: стоимость ремонта у Xiaomi в среднем на 25–40% ниже, чем у конкурентов, а средняя цена смартфона компании остается на уровне 220–260 долларов, что почти в три раза меньше стоимости флагманских устройств других брендов.

Поведенческая лояльность формируется за счет широкого спектра сервисов. Ежемесячная аудитория подписочных сервисов превышает 100 млн пользователей, а доходы от сервисов растут в среднем на 30% в год. Каждый пользователь ежедневно взаимодействует с элементами экосистемы в среднем 7–10 раз – через уведомления, синхронизацию, облачные сохранения или управление IoT-устройствами [8].

Анализ бизнес-модели Xiaomi

В 2023–2024 гг. общий доход Xiaomi достиг 38–40 млрд долларов, причем около 20% поступает из сервисов, которые имеют более высокую маржинальность [7].

Xiaomi продает устройства с минимальной наценкой – часто менее 5%, а в некоторых линейках даже 1–2%. Это делает продукцию доступной, но переносит прибыль в сервисную часть бизнеса. Выручка от рекламы и встроенных подписок ежегодно достигает 5 млрд долларов, обеспечивая компании высокую стабильность доходов.

Среди ресурсов важнейшими становятся программная экосистема (более 600 млн устройств), сеть из 15 тыс. партнерских заводов и поставщиков, а также медиаплатформы. Инвестиции в площадки Youku и iQiyi превысили 1 млрд долларов, что позволило расширить ассортимент контента. Сообщество пользователей, участвующих в тестировании, генерирует более 10 млн комментариев ежегодно, что фактически экономит компании десятки миллионов долларов на маркетинговых исследованиях [6].

Аутсорсинг производства снижает капитальные затраты примерно на 40–50%, а маркетинг, основанный на социальных сетях вместо ТВ-рекламы, уменьшает расходы еще на 30–35%. Использование Android как основы HyperOS сокращает стоимость разработки ОС по сравнению с созданием собственной платформы минимум в 3–4 раза.

Пути повышения лояльности потребителей Xiaomi

Дальнейшее укрепление позиций Xiaomi на мировой арене требует расширения сервиса и улучшения взаимодействия с пользователями.

Одним из ключевых направлений является повышение качества обслуживания. Компания может увеличить доступность сервисных центров, улучшить контроль качества комплектующих и оптимизировать логистику. Значительное внимание следует уделить круглосуточной поддержке, что особенно важно для пользователей премиального сегмента.

Эмоциональная связь также нуждается в развитии. Международные фестивали Mi Fan, выпуск лимитированных серий устройств совместно с локальными художниками и участие пользователей в тестировании HyperOS способны укрепить ощущение сообщества.

Работа с большими данными открывает перспективы персонализации. Индивидуальные рекомендации товаров, персональные скидки, специальные предложения – всё это может повысить вероятность повторной покупки.

Одновременно с этим возрастает роль социальных сетей и инфлюенсеров. Региональные кампании, прямые эфиры с инженерами и сотрудничество с микроинфлюенсерами создают атмосферу близости бренда к каждому пользователю.

Завершить комплекс мер может полноценная глобальная программа лояльности, предложенная в *Таблице 2*.

Таблица 2

Предлагаемая структура программы Mi Rewards

Уровень	Условие	Сопутствующие услуги
Silver	Покупка 1 электронного устройства	Бонусы, скидки на аксессуары
Gold	Покупка 2–3 электронных устройств + активная подписка	Бесплатный ремонт мелких повреждений
Platinum	Покупка 4+ электронных устройств + регулярные сервисы	VIP-поддержка и ранний доступ к новинкам

Проект маркетинговой программы повышения лояльности

Предлагаемая маркетинговая программа предполагает комплексный подход к работе с аудиторией. В ее основе лежит глубокая аналитика поведения пользователей с помощью CRM-системы. Сегментация клиентов позволяет учитывать индивидуальные особенности каждого сегмента и формировать для него персонализированные предложения.

Омниканальная коммуникация объединяет социальные сети, сайт бренда и офлайн-магазины, что дает пользователю единый опыт взаимодействия. Система стимулирования повторных покупок и локализованный контент выражают ориентацию компании на конкретные региональные особенности. Регулярная обратная связь через опросы и рейтинги дает возможность постоянно корректировать подход [1].

Результатом внедрения подобной программы может стать увеличение числа постоянных клиентов примерно на 20% ежегодно, рост повторных покупок до 18%, повышение привлекательности бренда и вовлеченности пользователей в экосистему.

Xiaomi демонстрирует новую концепцию лояльности: компания стремится связывать потребителей не только с качеством продукта, но и с широкой цифровой экосистемой, где пользователь занимает центральное место. Клиенты активно вовлечены в процесс разработки и получают доступ к актуальным технологиям и широкому спектру сервисов, что формирует эмоциональную связь с брендом, служащую прочным фундаментом для масштабирования. Продолжают расширять экосистему и персонализируют предложения, усиливая программы по поддержанию клиентов; такими усилиями компания закрепляет лидерские позиции и повышает ценность клиентской базы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авдокушин Е.Ф., Цуй В., Костромин П.А.* Маркетинговая стратегия компании Xiaomi на рынке смартфонов // Инновации и инвестиции. 2023. № 4. С. 55–58.

2. *Ван Д.* Привлечение и удержание потребителей: опыт компании Xiaomi // Экономика и социум. 2025. № 6-1 (133). С. 996–1000.
3. *Ван С.* Разработка маркетинговой программы повышения лояльности потребителей продукции международной компании (компания Xiaomi) // Экономика и социум. 2025. № 6-1 (133). С. 1001–1006.
4. *Демина В.В., Андреева А.А.* Информационно-технологическая инфраструктура и конкурентоспособность экономики // Наука в современном информационном обществе: Материалы XXXVII Международной научно-практической конференции «Наука в современном информационном обществе», Bengaluru, India, 08–09 сентября 2025 года. Bengaluru: Pothi.com, 2025. С. 151–155.
5. Корпорация Xiaomi. Квартальные результаты. URL: https://ir.mi.com/financial-information/quarterly-results (дата обращения: 25.07.2025).
6. Сервисный центр Xiaomi в Москве. URL: https://xiaomi-profi-fix.ru/smartfon (дата обращения: 25.06.2025).
7. *Цзинь Т.* Организационно-экономическая характеристика компании «Xiaomi» // Экономика и социум. 2022. № 8 (99). С. 411–416. DOI: 10.46566/2225-1545_2022_99_412.
8. Цифровые экосистемы как механизм повышения уровня лояльности клиентов / Ю.М. Клеманина, О.А. Муравьева, Л.П. Стеблякова, Е.А. Вечкинзова // Креативная экономика. 2024. Т. 18, № 5. С. 1257–1274. DOI: 10.18334/ce.18.5.121073.
9. Xiaomi: [веб-сайт]. URL: https://www.mi.com/ (дата обращения: 08.12.2024).
10. Xiaomi Generated More Than $288 Million In Revenue During Mi Fan Festival // Gizmochina. 2016, Apr. 7. URL: https://www.gizmochina.com/2016/04/07/xiaomi-generated-288-million-revenue-mi-fan-festival/ (дата обращения: 25.06.2025).

REFERENCES

1. Avdokushin, E. F. Xiaomi's Marketing Strategy in the Smartphone Market / E. F. Avdokushin, V. Tsui, and P. A. Kostromin // Innovations and Investments. 2023. No. 4. Pp. 55–58.
2. Wang, D. Attracting and retaining consumers: Xiaomi's experience. Van // Economics and society. 2025. № 6-1 (133). Pp. 996–1000.
3. Wang, S. Development of a marketing program to increase consumer loyalty of products of an international company (Xiaomi company). Van // Economics and society. 2025. № 6-1 (133). Pp. 1001–1006.
4. Demina, V. V. Information and Technology Infrastructure and Economic Competitiveness / V. V. Demina, A. A. Andreeva // Science in the Modern Information Society: Proceedings of the XXXVII International Scientific and Practical Conference Science in the Modern Information Society, Bengaluru, India, September 08–09, 2025. Bengaluru: Pothi.com, 2025. Pp. 151–155.
5. Xiaomi Corporation. Quarterly results. URL: https://ir.mi.com/financial-information/quarterly-results (accessed: 25.07.2025).
6. Xiaomi Service Center in Moscow // https://xiaomi-profi-fix.ru/smartfon (accessed: 25.06.2025)
7. Jin, T. Organizational and Economic Characteristics of the Xiaomi Company / T. Jin // Economics and Society. 2022. No. 8(99). Pp. 411–416. DOI 10.46566/2225-1545_2022_99_412.

8. Digital ecosystems as a mechanism for increasing customer loyalty / Yu. M. Klemanina, O. A. Muravyeva, L. P. Steblyakova, and E. A. Vechkinzova // Creative Economy. 2024. Vol. 18, No. 5. Pp. 1257–1274. DOI 10.18334/ce.18.5.121073.
9. Xiaomi: [веб-сайт]. URL: https://www.mi.com/ (accessed: 08.12.2024).
10. Xiaomi Generated More Than $288 Million In Revenue During Mi Fan Festival. URL: Gizmochina https://www.gizmochina.com/2016/04/07/xiaomi-generated-288-million-revenue-mi-fan-festival/ (accessed: 25.06.2025).

Сведения об авторах / About authors

Демина Вера Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и менеджмента, Московский педагогический государственный университет, e-mail: d.eminvictor@yandex.ru

Demina Vera Viktorovna, Associate Professor, Professor of the Department of Economic Theory and Management, Moscow Pedagogical State University, e-mail: d.eminvictor@yandex.ru

Ван Синь, магистрант, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет

Wang Xin, Master's student, Institute of Social and Humanitarian education, Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию 09.02.2025/The article was submitted 09.02.2025

Статья принята к публикации 22.02.2025/The article accepted for publication 22.02.2025

УДК 340.1, 340.5
ББК 67.02, 67.71
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-01-72-79

ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМАМ СУДЕЙСКОЙ ЭТИКИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ДОКТРИНЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

А.А. Соловьев

Аннотация. *Судейская этика (деонтология), под которой в самом общем виде понимается необходимость соблюдения определенных нравственных правил, несомненно, является важнейшим элементом особого статуса судьи. В настоящей статье рассмотрен ряд теоретических подходов ведущих иностранных ученых к рассматриваемой проблематике. При этом следует принимать во внимание тот факт, что в зарубежных правовых системах доктрина имеет весьма важное значение и зачастую воплощается и в правотворческом процессе. Отдельно исследована проблема разграничения судейской этики и дисциплины, а также порядок разработки и закрепления соответствующих предписаний. Автор также останавливается на вопросах практической реализации доктринальных подходов на примере Кодекса этики Международного уголовного суда, анализируя порядок закрепления принципов судейской независимости, беспристрастности, честности, конфиденциальности, усердия, лояльности, надлежащего поведения во время судебного разбирательства и во внесудебной деятельности, публичного выражения мнений и участия в ассоциациях.*

Ключевые слова: *судейская этика, зарубежный опыт, судебная система, судебная власть, правовая доктрина, Международный уголовный суд.*

Для цитирования: *Соловьев А.А.* Подходы к проблемам судейской этики в зарубежной доктрине: теоретико-правовой аспект // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 1. С. 72–79. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-01-72-79

© Соловьев А.А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

APPROACHES TO THE PROBLEMS OF JUDICIAL ETHICS IN FOREIGN DOCTRINE: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

A.A. Solovyov

Abstract. *Judicial ethics (deontology), which in its most general form refers to the need to comply with certain moral rules, is undoubtedly an essential element of the special status of a judge. This article reviews a number of theoretical approaches of leading foreign scholars to the problem in question. In doing so, we must consider the fact that in foreign legal systems doctrine is very important and is often embodied in the law-making process as well. Separately the problem of differentiating between judicial ethics and discipline is explored, as well as the procedure for developing and enshrining the relevant regulations. The author also dwells upon the issues of practical realization of doctrinal approaches on the example of the Code of Ethics of the International Criminal Court, analyzing the order of fixing the principles of judicial independence, impartiality, honesty, confidentiality, diligence, loyalty, proper behavior in judicial proceedings and in extrajudicial activities, public expression of opinions and participation in associations.*

Keywords: *judicial ethics, foreign experience, judicial system, judiciary, legal doctrine, International Criminal Court.*

Cite as: Solovyov A.A. Approaches to the problems of judicial ethics in foreign doctrine: theoretical and legal aspect. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo.* 2025, No. 1, pp. 72–79. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-01-72-79

Судейская этика (деонтология), под которой в самом общем виде понимается необходимость соблюдения определенных нравственных правил, несомненно, является важнейшим элементом особого статуса судьи.

Как вполне справедливо отметил замечательный русский юрист, судья, государственный и общественный деятель А.Ф. Кони:

> Постановка звания судьи, пределы свободы его самодеятельности, обязательные правила его действий и нравственные требования, предъявляемые к нему, дают ясную картину состояния... правосудия в известное время и в известном месте. Отношение общественного мнения к судьям рисует, в общих чертах, и характер производимого ими суда [1].

В основе публичного акта правосудия принципиально должны лежать, как писал П.Н. Обнинский, высокие начала справедливости, законности и нравственности; «нравственность и законы – это две сестры, из которых каждая должна покровительствовать другой; от их союза зависит общественное благо» [2, с. 161, 178].

В настоящей статье мы хотели бы рассмотреть ряд теоретических подходов ведущих иностранных ученых к рассматриваемой проблематике. При этом следует принимать во внимание тот факт, что в зарубежных правовых системах

доктрина имеет весьма важное значение и зачастую воплощается и в правотворческом процессе.

По словам М. Атьензы, в последнее время большое значение приобрела прикладная этика (в отношении к экологическим, экономическим проблемам, международной политике, медицине и т. д.) и этика профессий (врачей, ученых, журналистов, бизнесменов, судей и пр.). Выделяется несколько причин, объясняющих данную направленность этики. Одна из них – это прагматизм (который не обязательно понимается как уничижительный термин), что пронизывает и культуру, и образ жизни: важно, чтобы институты работали, были для чего-то полезны и разрешали проблемы.

Другой причиной является растущая сложность профессий, и это затрагивает не только технические вопросы, но и этические аспекты: занятие профессией подразумевает не только обращение со знаниями инструментального характера (техника сама по себе недостаточна), но и определение нравственных критериев обоснованности достижения тех или иных целей (а также выбора средств их достижения).

Третьей причиной признается дезориентация, порождаемая в профессиональном мире сложностью современного общества и ускоренными изменениями в нем. Кажется, что мы перестали точно понимать, что значит быть хорошим врачом, хорошим учителем или хорошим судьей [4].

Судейская этика признается зарубежными учеными частью более широкой категории – юридической этики. Она состоит из стандартов и норм, касающихся судей, и охватывает такие вопросы, как сохранение их независимости, беспристрастности и недопущение нарушений [7].

Р. Бьельса охарактеризовал судебную власть, в ее образе должного, следующими словами: «Нет более достойной, респектабельной и более необходимой функции государства и общества, чем эта профессия с сильным влиянием в обществе» [5, p. 182]. Профессия судьи зиждется в универсуме судебной власти именно на нравственной позиции и, шире, нравственном здоровье судьи, на нравственном здоровье судейского сообщества в целом.

Нормативные акты в рассматриваемой сфере далеко не редкость, их многочисленность отражает то значение, которое придается судейской этике не только учеными-правоведами, но и высшими органами государственной власти, органами судейского сообщества.

Как правило, кодексы судейской этики (так мы условно назовем такие акты, хотя они имеют различные наименования) основываются на условно универсальных декларациях и стремятся воплотить выраженное в них этическое чувство, адаптируя его, однако, к особенностям каждой страны и каждой профессиональной группы [3, с. 2].

Интересным представляется мнение о разграничении судейской этики и дисциплины.

Как пишет Дж. Оберто, многие ученые в настоящее время склонны отделять этику от дисциплинарных правил. По их мнению, этика должна быть той отраслью науки, которая рассматривает моральные и профессиональные обязанности судьи перед общественностью, юристами и своими коллегами. Конечно, это определение применимо и к дисциплине, но этика должна соответствовать ценностям, а не только письменным правилам. Последние должны определять дисциплину.

Более того, этика должна определять поведение, которое воспринимается не как обязательное, а как подходящее или удобное. Дисциплина, напротив, должна

основываться на твердых и обязательных правилах. Как юристы и как судьи мы должны соблюдать систему законов, которые правят нами. Представители юридической, а не философской или религиозной профессии не могут придавать судейской этике иное значение, кроме того, которое вытекает из принципов судебной дисциплины, содержащихся в статутах, регулирующих этот вопрос [9, с. 4].

Именно поэтому столь важно обращение именно к писаным актам по исследуемому тематическому горизонту. Как правило, такого рода акты содержат корпусы (по происхождению и природе – неписаных, но подразумеваемых) нравственных установлений, проистекающих из меры очевидно должного в такого рода (судейской) работе и в рамках судейского статуса, но закрепляемых дополнительно актом.

При этом таковые акты не теряют связи с исходной нравственной нормативной системой. Однако есть недосказанности, разночтения, разные понимания.

По словам Л. де Матсейса, совершенно необходимо отличать свод правил, с которым мы имеем дело, от любого другого набора норм, имеющих дисциплинарные цели. Те, кто считает, что нарушение этических правил должно наказываться дисциплинарными взысканиями (независимо от того, применяются ли они самими судьями, возможно, органом самоуправления, применяются ли они третьим органом и, в частности, представителем исполнительной власти), в конечном итоге принижают саму цель этих правил.

Действительно, этический кодекс должен указывать на идеальный тип поведения судьи, функционирующий как активный направляющий фактор для отдельных лиц. По сути, кажется правильным утверждать, что в то время, как этический кодекс выражает «максимальную этику» (то есть модель, которой следует следовать), дисциплинарный кодекс выражает только «минимальную этику», то есть уровень, ниже которого поведение судьи не только может, но и должно быть наказано всеми дозволенными способами.

Смешение этих двух концепций может не только нанести ущерб эффективности «морального побуждения», направленного на достижение того весьма высокого уровня судейского поведения, которое составляет суть этического кодекса, но и лишить общественное мнение представления об истинно добродетельной модели поведения. Речь идет о поведении и профессиональном габитусе, посредством которых среди прочего осуществляется и воспитательная функция по отношению к гражданину: ведь очевидно, что не все посторонние в судейской профессии, даже самые предусмотрительные, могли бы точно указать, что делает судью «хорошим судьей».

По указанной причине кодекс должен быть инструментом, предлагаемым обществу для измерения честности, профессионализма и стиля работы соответствующих судей, таким образом служащим основой для публичного осуждения девиантного поведения, потому что установлена социальная санкция. Следовательно, этический кодекс должен сохранять свое значение торжественного обязательства магистратов перед обществом, в котором они осуществляют свою деятельность, уважать содержащиеся в нем высокие идеалы и принципы, которые всегда следует рассматривать как следствие выполнения судебной функции [8].

Отметим, что принятие кодекса поведения в отношении этических стандартов не обязательно должно принимать законодательную или подзаконную форму и, соответственно, силу [3, с. 24–25].

По мнению Л. де Матсейса, вследствие того, что деонтологические правила должны возникать внутри социального тела (или профессиональной группы),

к которому они относятся, целесообразна их подготовка теми же магистратами, которые должны руководствоваться этими правилами в своем профессиональном поведении. Очевидно, что данная тема накладывается на вопрос о востребованности объединений магистратов, об их представительности, об их открытости к диалогу не только с институциональными составляющими государства, но и со всеми субъектами, участвующими в жизни современного общества [8].

Поэтому наиболее часто такого рода акты принимаются самими органами судейского сообщества.

Теперь остановимся на вопросах практической реализации, изложенных выше подходов на примере Кодекса этики Международного уголовного суда (далее – Кодекс) (Гаага, Нидерланды), который был первоначально принят судьями 09.03.2005. В него внесены изменения от 19.01.2021, которые вступили в силу после их публикации на официальном сайте названного суда 27.01.2021 [6].

В соответствии со статьей 3 «Судейская независимость» Кодекса, судьи поддерживают независимость своей должности и авторитет Суда и ведут себя соответствующим образом при выполнении судейских функций.

Судьи решают рассматриваемые ими дела на основе фактов и в соответствии с законом, без учета каких-либо ограничений, неправомерного влияния, побуждений, давления, угроз или вмешательства, прямого или косвенного, с какой бы то ни было стороны и по любой причине.

Судьи не должны заниматься какой-либо деятельностью, которая может помешать их судебным функциям или подорвать доверие к их независимости.

Согласно статье 4 «Беспристрастность» судьи обязаны быть беспристрастными и обеспечивать внешнее проявление беспристрастности при исполнении своих судебных функций.

Судьи обязаны избегать любого конфликта интересов или попадания в ситуацию, которая может быть обоснованно воспринята как порождающая конфликт интересов.

Статья 5 «Честность» данного акта предусматривает, что судьи должны вести себя честно, сдержанно и добросовестно в соответствии со своей должностью, тем самым укрепляя общественное доверие к судебной власти. При взаимодействии с государствами-участниками, гражданским обществом, дипломатическим сообществом и другими заинтересованными сторонами судьи будут действовать осторожно и предусмотрительно, чтобы обеспечить уместность поступающей от них информации в таком контексте.

Судьи должны относиться к коллегам-судьям, сторонам и участникам процесса, сотрудникам и другим лицам с достоинством и уважением. Судьи не должны прибегать к какой-либо форме дискриминации, притеснений, включая сексуальные домогательства и злоупотребления властью.

Судьи всегда должны действовать по отношению друг к другу в духе коллективизма и профессионализма.

Судьи не должны прямо или косвенно принимать какие-либо подарки, получать преимущества, привилегии или вознаграждение, которые могут быть обоснованно восприняты как предназначенные для оказания влияния на выполнение их судейских функций.

Обязанность судей действовать честно и добросовестно распространяется на все аспекты выполнения их служебных обязанностей, включая участие в принятии

решений об избрании своих коллег-судей на руководящие должности, в том числе в Президиуме Суда и в качестве председателей судебных коллегий. Судьи голосуют независимо от какого-либо внешнего влияния и не должны руководствоваться личными интересами при участии в таких выборах. Кандидаты должны воздерживаться от любых действий, которые в контексте выборов могут быть обоснованно восприняты как неприемлемое обещание, подарок, преимущество, привилегия или вознаграждение личного характера.

Любая разрешенная предвыборная агитация должна осуществляться в соответствии с принципами и нормами настоящего Кодекса и ориентироваться на профессиональный опыт и качества кандидата, которые делают его пригодным для занимаемой должности, и (или) на планы кандидата на срок полномочий. Должны соблюдаться все ограничения на проведение предвыборной агитации, установленные Положением о порядке выборов Председателя Суда, нарушение которых является нарушением настоящего Кодекса.

Согласно статье 6 «Конфиденциальность», судьи должны соблюдать конфиденциальность обсуждений, связанных с их судебными функциями, и тайну совещания.

В соответствии со статьей 7 «Усердие» Кодекса, судьи должны добросовестно выполнять свои обязанности и посвящать свою профессиональную деятельность этим обязанностям. Судьи должны принимать разумные меры для поддержки и совершенствования знаний, навыков и личных качеств, необходимых для занятия судейской должности. Судьи должны выполнять все свои судебные обязанности надлежащим образом и оперативно выносить свои решения и любые другие постановления без неоправданной задержки.

Согласно статье 8 «Лояльность», судьи должны соблюдать свой долг лояльности по отношению к Суду.

Статья 9 «Поведение во время судебного разбирательства» предусматривает, что при ведении судебного разбирательства судьи обязаны поддерживать порядок, действовать с соблюдением общепринятых приличий, сохранять терпение и вежливость по отношению ко всем присутствующим участникам и представителям общественности и требовать от них того же поведения.

Судьи проявляют бдительность при контроле за порядком допроса свидетелей или потерпевших в соответствии с Регламентом и уделяют особое внимание праву участников процесса на равную защиту и пользование предусмотренными законом правами.

Судьи должны избегать поведения или комментариев расистского, сексистского или иным образом унижающего достоинство характера и, насколько это возможно, следить за тем, чтобы любое лицо, участвующее в разбирательстве, воздерживалось от таких комментариев или поведения.

В статье 10 Кодекса «Публичное выражение мнений и участие в ассоциациях» указано, что судьи должны реализовывать свою свободу выражения мнений и свободу участия в ассоциациях таким образом, чтобы это было совместимо с их должностью, не влияло и не могло повлиять на независимость или беспристрастность судей.

Хотя судьи могут свободно участвовать в публичных дебатах по правовым вопросам, включая научные публикации, о судебной системе или отправлении правосудия, они не должны комментировать незавершенные дела и избегать выражения взглядов, которые могут подорвать репутацию и авторитет Суда.

Комментируя решения или постановления Суда, судьи должны всегда проявлять судебную сдержанность и помнить о принципах, изложенных в Кодексе.

Согласно статье 11 «Внесудебная деятельность», судьи не должны заниматься какой-либо внесудебной деятельностью, которая несовместима с их судейскими функциями или эффективным и оперативным функционированием Суда или которая влияет или имеются обоснованные основания полагать, что она влияет на их независимость или беспристрастность.

Судьи не должны выполнять никаких политических функций.

Завершается рассматриваемый нами акт статьей 12 «Соблюдение Кодекса», предусматривающей, что принципы, изложенные в настоящем Кодексе, служат ориентиром в отношении основных этических норм, требуемых от судей при исполнении ими своих обязанностей. Они применяются к судьям всегда и продолжают применяться к бывшим судьям, когда это уместно, например, в отношении соблюдения тайны совещаний или сохранения конфиденциальности.

Ничто в настоящем Кодексе никоим образом не направлено на ограничение независимости судей.

Следует обратить внимание на лексику и конструкции фраз в положениях Кодекса. Это общее свойство подобного рода актов – максимально упрощенные конструкции, намеренно прямое закрепление формулировок позиционируемых правил поведения. Понятно, что любой нравственный императив сам по себе требует развернутого объяснения в нюансах, но с такой презюмируемой бланкетной отсылкой к общепризнанным устоявшимся пониманиям того или иного нравственного императива акт прописан достаточно просто. Цель очевидна – максимально исключить двойные толкования и явно избыточные дискуссии о пониманиях и толкованиях норм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // А.Ф. Кони. Избранные произведения. М.: Госюриздат, 1956. URL: https://textarchive.ru/c-1577931-pall.html (дата обращения: 06.02.2023).
2. *Обнинскій П.Н.* Законъ и бытъ. Очерки и изследованія въ области нашего реформируемаго права. Вып. 1. М.: Типографія А.И. Снегиревой, 1891. 442 с.
3. *Ataíde de Araújo R.M.* O (projeto do) Código de Conduta dos Magistrados Judiciais // Julgar Online. 2021, Fevereiro. URL: http://julgar.pt/wp-content/uploads/2021/02/O-projeto-do-C%C3%B3digo-de-Conduta-dos-Magistrados-Judiciais-Rui-Ata%C3%ADde-Ara%C3%BAjo.pdf (дата обращения: 06.02.2023).
4. *Atienza M.* Etica judicial. URL: https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/174851.pdf (дата обращения: 06.02.2023).
5. *Bielsa R.* Sobre lo contencioso-administrativo. Santa Fe: Librería y Editorial Castellví, 1964. 680 p.
6. Code of Judicial Ethics, ICC-BD/02-02-21, 19 January 2021. Hague (The Netherlands): International Criminal Court, 2021. URL: https://www.icc-cpi.int/Publications/Code-of-Judicial-Ethics.pdf (дата обращения: 06.02.2023).
7. Judicial ethics. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/judicial_ethics (дата обращения: 06.02.2023).

8. *Matteis de L.* Un codice etico per la funzione giudiziale? URL: http://www.movimentoperlagiustizia.it/argomenti/medel/254-un-codice-etico-per-la-funzione-giudiziale.html (дата обращения: 06.02.2023).
9. *Oberto G.* The Italian Experience in the Fields of Judicial Ethics and Judicial Discipline. URL: https://biblioteca.cejamericas.org/bitstream/handle/2015/3565/italian-exp-ethics.pdf (дата обращения: 06.02.2023).

REFERENCES

1. Koni A.F. Nravstvennyye nachala v ugolovnom protsesse (Obshchiye cherty sudebnoy etiki). A.F. Koni. Izbrannyye proizvedeniya. Moscow: Gosyurizdat, 1956. *Available at:* https://textarchive.ru/c-1577931-pall.html (accessed: 06.02.2023).
2. Obninskiy P.N. *Zakon i byt. Ocherki i izsl dovaniya v oblasti nashego reformiruyemago prava.* Iss. 1. Moscow: Tipografíya A.I. Snegirevoy, 1891. 442 p.
3. Ataíde de Araújo R.M. O (projeto do) Código de Conduta dos Magistrados Judiciais. *Julgar Online*. 2021, Fevereiro. *Available at:* http://julgar.pt/wp-content/uploads/2021/02/O-projeto-do-C%C3%B3digo-de-Conduta-dos-Magistrados-Judiciais-Rui-Ata%C3%ADde-Ara%C3%BAjo.pdf (accessed: 06.02.2023).
4. Atienza M. Etica judicial. *Available at:* https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/174851.pdf (accessed: 06.02.2023).
5. Bielsa R. *Sobre lo contencioso-administrativo*. Santa Fe: Librería y Editorial Castellví, 1964. 680 p.
6. Code of Judicial Ethics, ICC-BD/02-02-21, 19 January 2021. Hague (The Netherlands): International Criminal Court, 2021. *Available at:* https://www.icc-cpi.int/Publications/Code-of-Judicial-Ethics.pdf (accessed: 06.02.2023).
7. Judicial ethics. *Available at:* https://www.law.cornell.edu/wex/judicial_ethics (accessed: 06.02.2023).
8. Matteis de L. Un codice etico per la funzione giudiziale? *Available at:* http://www.movimentoperlagiustizia.it/argomenti/medel/254-un-codice-etico-per-la-funzione-giudiziale.html (accessed: 06.02.2023).
9. Oberto G. The Italian Experience in the Fields of Judicial Ethics and Judicial Discipline. *Available at:* https://biblioteca.cejamericas.org/bitstream/handle/2015/3565/italian-exp-ethics.pdf (accessed: 06.02.2023).

Сведения об авторе / About Author:

Соловьев Андрей Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Московский педагогический государственный университет, e-mail: sportlaw2014@rambler.ru

Solovyev Andrey Aleksandrovich, ScD in Law, Associate Professor, Professor, Theory and History of State and Law Department, Moscow Pedagogical State University Federation, e-mail: sportlaw2014@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 13.02.2025/The article was received on 13.02.2025

Статья принята к публикации 27.02.2025/The article accepted for publication 27.02.2025

УДК 34.096
ББК 67.0
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-01-80-88

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВОПОДОБНЫЕ ВИРТУАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Н.А. Шеяфетдинова

Аннотация. *Эволюция государственности и социума в современности не может не учитывать специфику развития науки и техники, которая подразумевает активную информатизацию всех процессов окружающей действительности, сделав их более продуктивными. IT-технологии прочно вошли не только в нашу повседневность, но и в деятельность государства, предоставив ему возможность в ряде случаев функционировать виртуально, что позволяет говорить о тенденции виртуализации государственности. Параллельно с этим идут процессы преобразования непосредственно цифрового пространства, в частности, социальных сетей в государствоподобные образования. В статье анализируется трансформация признаков государства в цифровое пространство и модификация функций государства в цифровой формат. Также уделяется внимание процессу постепенного перевоплощения виртуальных конгломератов, каковыми выступают социальные сети, в подобие государственных образований.*

Ключевые слова: *государство, развитие государства, информатизация, IT-сфера, цифровизация, виртуальная реальность, цифровое государство, виртуальное государство, социальная сеть, цифровизация государства.*

Для цитирования: *Шеяфетдинова Н.А.* Виртуализация государственности и государствоподобные виртуальные образования // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 1. С. 80–88. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-01-80-88

© Шеяфетдинова Н.А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

VIRTUALIZATION OF STATEHOOD AND STATE-LIKE VIRTUAL ENTITIES

N.A. Sheyafetdinova

Abstract. *The evolution of statehood and society in modern times cannot fail to consider the specifics of the development of science and technology, which implies the active informatization of all processes of the surrounding reality, making them more productive. IT technologies have firmly entered not only into our everyday life, but also into the activities of the state, giving it the opportunity, in some cases, to function virtually, which allows us to talk about the trend of virtualization of statehood. In parallel with this, there are processes of transformation of the digital space itself, in particular, social networks into state-like entities. The article analyzes the transformation of the features of the state into a digital space and the modification of the functions of the state into a digital format. Attention is also paid to the process of gradual transformation of virtual conglomerates, which are social networks, into the likeness of state entities.*

Keywords: *state, statehood, state development, informatization, technologies, IT sphere, digitalization, virtual reality, digital state, social network, digitalization of the state.*

Cite as: Sheyafetdinova N.A. Virtualization of statehood and state-like virtual entities. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo.* 2025, No. 1, pp. 80–88. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-01-80-88

Современный этап развития государственности теснейшим образом связан с научно-техническим прогрессом, держащим курс на цифровизацию и уход в виртуальное пространство, настолько вписавшимся в наши реалии, что эффективность функционирования многих институтов, включая государство, зависит от соответствия сложившимся тенденциям и неотставания от них.

Сможет ли государственность синхронизироваться с данными процессами? Подчинит ли государство эти процессы себе или подчинится им? Данные (пока еще риторические) вопросы и ответы на них во многом определят дальнейшее существование государства как одного их самых масштабных социально-властных институтов.

Объемность понятия «виртуализация» позволяет говорить о ней как о разноплановых социальных процессах, при которых образы-симуляторы заменяют реальные вещи [6, с. 124].

В свою очередь, виртуальное государство, будучи отстраненным от своего физического существования, базируется на программном обеспечении, основывает деятельность на функционировании электронного правительства, регулирует подачу информации в сетевом пространстве и материализуется в официальных сайтах государственных органов, электронном документообороте, что позволяет синхронизировать контакт государства с гражданами в режиме реального времени [11, с. 33].

Процесс цифровизации и государства, и внегосударственной сетевой активности сопровождают активно развивающиеся бот-технологии [13, с. 12].

Развитие IT-сферы в параллели с развитием государственности позволяет выявить некоторые тенденции. Следует отметить, что любые технологии, упрощающие и облегчающие некие процессы, представляются заманчивыми для любого субъекта; не является исключением и само государство, регулярно берущее на вооружение то, что может оптимизировать его деятельность. Многозадачность государства здесь очевидна: оно не только старается стать благодаря технологиям более эффективным, как социальный институт, постоянно взаимодействующий с обществом, но и стремится более экономично и оперативно выполнить свои задачи. В русле данной повестки IT-технологии просто незаменимы. Однако наличие определенных достоинств не исключает и недостатки. В частности, внедрение информационных технологий оборотной стороной медали имеет сокращение штата государственных служащих, что для государства – очевидная экономия, а для самого бывшего сотрудника может оказаться катастрофичным. Можно ли в таком случае рассматривать информатизацию исключительно как положительное явление, представляется, что нет.

Однако IT-сегмент настолько нов, что досконально спрогнозировать все потенциальные возможности его развития и опасности не представляется возможным. Государство как катализатор и проводник многих социально значимых проектов должно определиться со своей позицией в отношении информационных технологий.

Как правило, любое государство не желает оказаться на обочине социального развития, что означает определенный регресс при табуировании развития IT-сферы. Кроме того, общество и государство не единожды в своей истории сталкивались с ситуацией, когда, несмотря на запреты, те или иные разработки (в частности, в биотехнологиях) продолжали нелегально развиваться и использоваться [14]. Столь же опасной является ситуация, при которой разрешенная технология берется на вооружение криминалитетом и используется в преступных целях, и именно информационные технологии тому яркий пример [7].

Властвующая элита любой страны не должна забывать и о других государствах, которые могут проводить диаметрально противоположную политику в отношении IT. Соответственно, как бы не консервативно и скептически было настроено само государство по отношению к цифровизации, понимание того, что, однако, другие страны могут взять ряд информационных технологий на вооружение и тем самым стать в чем-то прогрессивнее и совершеннее, что не может не представлять определенную угрозу для национальной безопасности остальных государств, а также может подстегивать активность в этой связи и ретроориентированных по отношению к цифровизации государств.

Для того чтобы сделать вывод о масштабности текущих процессов виртуализации государства необходимо обратиться к сферам, уже погрузившимся в виртуальный сегмент. Экономическая ипостась деятельности государства зачастую сопряжена с определением собственной волюты, таковой в виртуальном мире, очевидно, суждено стать криптовалюте, интенсивность использования которой заставила государства обратить на нее свое внимание [17] и рассматривать как платежный эквивалент традиционных валют.

Взаимодействие с другими государствами, несомненно, накладывает свой отпечаток на виртуализацию государственной деятельности, по крайней мере,

внешнеэкономическая функция государства в современности подразумевает преимущественно безналичные расчеты между государствами. Достаточно серьезно прорабатываются возможности в этом отношении опять же криптовалют.

Не отстает в этой связи и реализация государством политической функции, в частности, интенсивно распространяется алгоритм электронного голосования [12]. В данном контексте достаточно важным представляется вопрос обеспечения законности процедуры, что выражается в функционировании института наблюдателей, пока еще не продуманный применительно к виртуальной среде.

С учетом достаточно частых случаев незаконного распространения информации [18] нельзя исключать возможность утечки данных электронного голосования. Заметим, что вопрос защиты информации (не только личной (граждан), но и государственной) является приоритетным, касаемо цифрового формата любой деятельности и особенно государственной. При этом не только политическая функция ставится во главу угла в плане обеспечения кибербезопасности. В отношении поступательного развития государственности, безусловно, кибербезопасность начинается с этапа формирования высших органов государственной власти несмотря на то, что речь идет не о новом способе их формирования, а о новом формате реализации прежнего выборного способа. Если в ходе электронной избирательной процедуры будут допущены серьезные просчеты, в том числе на ниве цифровизации, результатом этого может стать незаконность выборов. Уверенность в невозможности осуществления успешных хакерских атак применительно к массиву информации собранного в процессе электронного голосования базируется на достаточно шатком основании убежденности в том, что интересант вмешательства в результаты голосования находится на том же уровне цифрового развития (и не выше), как и страна, проводящая электронное голосование, а значит от такого рода цифровых посягательств есть возможность защититься.

Тем не менее, знать это досконально не всегда возможно ввиду засекреченности многих разработок [3], в том числе в IT-сфере, что делает уязвимой цифровизацию такого традиционного процесса как выборы.

Аспект кибербезопасности в обеспечении деятельности государства может «выстрелить» как архиважный применительно к любой функции и нерешение открывшихся в свете этого проблемных нюансов чревато при экологической функции – экологической катастрофой, при оборонительной функции – поражением страны в военных действиях и т. п. Чем больше будет вовлеченность государства в виртуальный сегмент своей деятельности, тем бóльшие риски в этом отношении возникают. Однако процесс цифровизации государственной деятельности для многих развитых государств уже невозможно повернуть вспять, иначе это будет отход в архаику, что может им казаться большей опасностью, чем кибернезащищенность.

Политическая ипостась тесно сопряжена с духовной (идеологической), порождая необходимость виртуализировать и духовное пространство индивида хотя бы в той мере, в какой необходимо самому государству. Объем же вмешательства государства при правовой государственности и неправовой – различен, но именно цифровизация зачастую выступает «лакмусовой бумажкой» проверки действенности постулатов правовой государственности, поскольку такой мощной организации как государство трудно удержаться от вмешательства в жизнь личности, тем более, если это делается легкодоступным, благодаря цифровым технологиям.

Цифровизация выводит на первый план вопрос о пределах вмешательства государства в жизнь личности. Введение социального рейтинга на основании технологии

анализа больших данных [4, с. 250] является очень заманчивой возможностью склонить граждан к большей лояльности.

Традиционным признаком государства выступает его суверенитет, который воспринимается как независимость государства от других государств и верховенство государственной власти внутри страны. При этом виртуализация не отменяет этого признака, а делает его обеспечение зависимым от новых ранее не имевшихся обстоятельств в лице социальных сетей и сетевых сообществ, могущих оказывать влияние на граждан государства, ввиду включенности последних в IT-среду.

Силовой компонент в лице аппарата принуждения и, в частности, армии также переживает эпоху цифровизации. Виртуализация армии подразумевает замену действительного функционирования вооруженных сил его виртуальным двойником, встроенным в сознание людей [6, с. 127].

Гражданство также в настоящее время своеобразно виртуализируется, переносясь в цифровой кластер. Так, физические лица регистрируются на портале «Госуслуги» с помощью ЕСИА (единой системы идентификации и аутентификации). Потенциал ЕСИА подразумевает использование доступа к облачным сервисам, что станет основой создания прозрачной зоны сети интернет, включая сегмент социальных сетей [19, с. 149]. Данный факт позволяет говорить об определенной тандемности процессов, направленных к конгломерату чисто цифрового образования, каковым являются социальные сети интенсивно оцифровывающегося государства.

Выражаются обоснованные опасения перетекания государственной реальности в виртуальную среду, и построение государства обновленного типа (электронного), что кроме безусловной пользы имеет и опасные тенденции, главной из которых как раз и является, собственно, опосредование, чья возможность справиться с негативными аспектами общественных отношений пока гипотетична [9, с. 19].

Симбиоз функций государства и цифровых технологий проявляется двояко, как средство функционирования государства и его объект [15, с. 18]. Отмечается отставание России от оперативности в цифровизации от других стран [5, с. 58]. Существенные правовые пробелы в РФ характерны для регламентации искусственного интеллекта при его активном внедрении в мировую практику, где выносится на повестку дня уже его правосубъектность [1, с. 9].

В отношении государствоподобных образований в современный исторический период таковыми можно считать социальные сети в интернет-пространстве. Локализация интернет-пользователей в данных сетях – своего рода принятие гражданства, которое есть тесная правовая связь между государством и гражданином. Безусловно, для пользователей социальных сетей данная связь не столь юридически выкристаллизована, как для государств и их граждан тем не менее тенденции ужесточения верификации пользователя посредством мобильного телефона, электронной почты или страниц паспорта (при восстановлении аккаунта) свидетельствует о намерении четкого отождествления владельца аккаунта с конкретной личностью. При этом сохраняется возможность «множественного гражданства», когда один человек регистрируется в нескольких социальных сетях.

Связанность интернет-пользователей в горизонтальном коммуницировании, благодаря группировке в тематических сообществах, позволяет говорить об интернет-сообществе как самостоятельном явлении [2, с. 12], подлежащем дальнейшему изучению и служащим прообразом населения государств.

Территориальный фактор деактивируется с помощью виртуализации [16, с. 34], что в полной мере относится и к государству, и к интернет-сообществам. Территориальная локализация реального пользователя социальных сетей не столь интересна владельцам социальных сетей, хотя нельзя исключать возможности одномоментной блокировки «не тех» пользователей по факту их гражданства или месту проживания, если по тем или иным причинам (например, политического характера) владельцам социальных сетей это будет выгодно сделать. Поэтому признак территории имеет смысл рассматривать фактически не как традиционно применимо в отношении государств (суша, воздушное пространство, недра и пр.), а виртуально, как некую часть виртуальной среды, обозначенной геолокацией места нахождения пользователей или того места, которое обозначено в аккаунте пользователя. В связи с этим приобретает особое значение установление фактического IP-адреса пользователя. Примечательно, что таковой в первую очередь интересует не владельцев социальных сетей, а именно государства, которые в ряде случаев заинтересованы в недоступности тех или иных социальных сетей для своих граждан. Подобная недоступность не будет реализована при использовании гражданами анонимайзеров (vpn-адреса и пр.). Соответственно, государства могут осуществлять принудительные меры воздействия в адрес таких пользователей.

Обращаясь к классовому аспекту структуризации общества как признаку государства, надо отметить подобные подвижки и в отношении социальных сетей. Градация сетевого состава пользователей на тех, кто монетизирует свое сетевое присутствие и тех, кто выступает в качестве потребителя сетевой информации, позволяет говорить о сетевой интернет-стратификации. Причем переход из одного «сетевого класса» в другой осуществляется достаточно просто.

Публичная власть также является неотъемлемым атрибутом государства, а признаковое подобие ее наличествует и в социальных сетях. В частности, владельцы социальной сети представляют высший управленческий аппарат, «чиновничий» ранг ниже – это администраторы и модераторы, то есть субъекты, в чьей власти допустить или не допустить тот или иной пост, комментарий и пр. для публикации, или даже заблокировать пользователя. Санкционная политика внутри социальных сетей демонстрирует не что иное, как действие аппарата принуждения, который наряду с аппаратом управления является необходимой чертой государства.

Налоги – это то, что делает возможным существование государства, благодаря им оно исполняет свои функции, что преобразуется в цифровом пространстве в оплату услуг интернет-провайдеров. Безусловно, не только активность в социальных сетях заставляет пользователей оплачивать интернет-услуги, но и она в том числе. Трудно отнести к аналогу налогов платные подписки пользователей, поскольку они являются добровольными платежами, зависящими от желания субъекта, тогда как неоплаченный интернет-трафик чреват зачастую отсутствием доступа и к социальным сетям.

Языковая идентичность хоть и не основная, но значимая черта государственности. Применительно к интернет-пространству и социальным сетям можно утверждать об активном формировании языка интернет-сообществ. Как отмечается, специфика языка виртуального мира состоит в текстовой незавершенности, размытости смысла, нехватки доводов, алогичности [10]. При этом интернет-пользователям присущ свой язык с наличием специальных слов, терминов, жаргонизмов с обилием графики, включая смайлы для выражения эмоций.

Следует обратить внимание на то, что структуризация социальных сетей по некоторой аналогии с государством показывает не сколько желание подражать государству, а демонстрирует самый высокоэффективный формат массового взаимодействия, который уже не первое тысячелетие в человеческом обществе представлен именно государством, что проецируется и на иные требующие упорядоченности социальные образования.

Подводя итоги, необходимо отметить, что виртуализация государственности идет по нескольким параллелям: во-первых, сам механизм государства постепенно уходит в информационную среду, цифровизуясь с постепенным увеличением значимости искусственного интеллекта; во-вторых, выполнение функций государства переходит в формат цифровой среды. Происходящие изменения при этом не позволяют с уверенностью прогнозировать развитие самой государственности.

Будущность государственности определяется удачным его встраиванием в парадигму информационного общества [8, с. 31]. Рискогенность виртуализации государства, равно как и появление новых социально-цифровых конгломератов в виде социальных сетей, невольно уподобляющихся государствам – процесс абсолютно не типичный для развития социальной и государственной действительности, где выгоды могут быть достаточно весомыми или эфемерными в зависимости от тех затрат, потерь и опасных тенденций, которые могут возобладать и которые, подобно ящику Пандоры, только начинают сегодня приоткрываться специалистам. При этом эпохальная параллельность указанных процессов может привести к неизбежному пересечению интересов виртуального государства и государствоподобных виртуальных образований, что выразится в столкновении и/или конструктивном их взаимодействии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев А.А., Шпопер Д.* Государство и право перед вызовами новой научно-технологической реальности // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3 (27). С. 7–10.
2. *Володенков С.В.* Виртуальное пространство политики и его особенности // Обозреватель. 2011. № 6 (257). С. 5–16.
3. *Воробейчикова О.П.* Режим секретности как специальный административно-правовой режим // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2010. № 2 (7). С. 39–45.
4. *Графов Д.Б.* Система социального рейтинга в КНР как информационно-коммуникационная технология поощрения и наказания // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 250–259.
5. *Добролюбова Е.И.* Цифровизация государства: ловушки и перспективы // Экономическое развитие России. 2020. № 3. Т. 27. С. 58–61.
6. *Жуков С.А., Телегин Б.Д.* Виртуальная армия виртуального общества // Наука и военная безопасность. 2021. № 4 (27). С. 123–128.
7. *Иванова Ю.А., Сарбаев Г.М.* К вопросу о киберпреступности // Цифровые трансформации экономики и права: Сборник научных тезисов Национальной научно-практической конференции. Волгоград: [б. и.], 2022. С. 58–64.
8. *Карнаушенко Л.В.* Государство в условиях виртуализации социальной системы начала XXI в.: проблемы и перспективы // Право, государство и экономика: проблемы теории, истории и практики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2017 г. С. 25–31.

9. *Карнаушенко Л.В.* Электронное государство в России: проблемы и перспективы // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 1 (84). С. 17–21.
10. *Курбатов В.И.* Виртуальная коммуникация, виртуальное сетевое мышление и виртуальный язык // Гуманитарий Юга России. 2013. № 4. С. 56–68.
11. *Липень С.В.* Аспекты витруализации политической жизни и виртуальное государство в современных юридических исследованиях // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1 (134). С. 31–40.
12. *Мельконьянц Г.А.* Электронная демократия – средство повышения доверия к выборам // Гражданин. Выборы. Власть. 2016. № 4. С. 120–122.
13. *Минина В.Н., Василькова В.В.* От социального пространства к пространству онлайн социальных сетей: исследовательские подходы и вызовы // Социальное пространство. 2019. № 5 (22). С. 1–15.
14. *Овчинский В.С.* Криминология и биотехнологии // Журнал российского права. 2005. № 2 (98). С. 101–118.
15. *Пожарский Д.В., Радько Т.Н.* Функции государства: пределы цифровых технологий // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62). С. 17–24.
16. *Попов А.В.* Дилеммы государства-нации под влиянием тенденций виртуализации и деторриториализации // Социально-гуманитарный вестник: Межвузовский сборник научных статей. Краснодар: Краснодарский центр научно-технической информации, 2010. С. 34–39.
17. *Синельникова-Мурылева Е.В., Шилов К.Д., Зубарев А.В.* Сущность криптовалют: дескриптивный и сравнительный анализ // Финансы: теория и практика. 2019. Т. 23. № 6 (114). С. 36–49.
18. *Степенко В.Е., Богдановская А.Д.* Защита персональных данных в эпоху глобализации // Юридический мир. 2020. № 6. С. 29–32.
19. *Тихонова С.В.* Социальные сети: проблемы социализации интернета // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 138–152.

REFERENCES

1. Vasilyev A.A., Shpoper D. Gosudarstvo i pravo pered vyzovami novoy nauchno-tekhnologicheskoy realnosti. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik.* 2019, No. 3 (27), pp. 7–10.
2. Volodenkov S.V. Virtualnoye prostranstvo politiki i yego osobennosti. *Obozrevatel.* 2011, No. 6 (257), pp. 5–16.
3. Vorobeychikova O.P. Rezhim sekretnosti kak spetsialnyy administrativno-pravovoy rezhim. *Pravo. Bezopasnost. Chrezvychaynyye situatsii.* 2010, No. 2 (7), pp. 39–45.
4. Grafov D.B. Sistema sotsialnogo reytinga v KNR kak informatsionno-kommunikatsionnaya tekhnologiya pooshchreniya i nakazaniya. *Vlast.* 2020, Vol. 28, No. 2, pp. 250–259.
5. Dobrolyubova Ye.I. Tsifrovizatsiya gosudarstva: lovushki i perspektivy. *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii.* 2020, No. 3, Vol. 27, pp. 68–61.
6. Zhukov S.A., Telegin B.D. Virtualnaya armiya virtualnogo obshchestva. *Nauka i voyennaya bezopasnost.* 2021, No. 4 (27), pp. 123–128.
7. Ivanova YU.A., Sarbayev G.M. K voprosu o kiberprestupnosti // *Tsifrovyye transformatsii ekonomiki i prava: Sbornik nauchnykh tezisov Natsionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Volgograd, 2022. P. 58–64.

8. Karnaushenko L.V. Gosudarstvo v usloviyakh virtualizatsii sotsial'noy sistemy nachala XXI v.: problemy i perspektivy // *Pravo, gosudarstvo i ekonomika: problemy teorii, istorii i praktiki: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* Krasnodar: Krasnodarskii un-t MVD Rossii, 2017. P. 25–31.
9. Karnaushenko L.V. Elektronnoye gosudarstvo v Rossii: problemy i perspektivy. *Yurist-Pravoved*. 2018, No. 1 (84), pp. 17–21.
10. Kurbatov V.I. Virtualnaya kommunikatsiya, virtualnoye setevoye myshleniye i virtualnyy yazyk. *Gumanitariy Yuga Rossii.* 2013, No. 4, pp. 56–68.
11. Lipen S.V. Aspekty vitrualizatsii politicheskoy zhizni i virtualnoye gosudarstvo v sovremennykh yuridicheskikh issledovaniyakh. *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava.* 2022, Vol. 17, No. 1 (134), pp. 31–40.
12. Melkonyants G.A. Elektronnaya demokratiya – sredstvo povysheniya doveriya k vyboram. *Grazhdanin. Vybory. Vlast.* 2016, No. 4, pp. 120–122.
13. Minina V.N., Vasilkova V.V. Ot sotsialnogo prostranstva k prostranstvu onlayn sotsialnykh setey: issledovatelskiye podkhody i vyzovy. *Sotsialnoye prostranstvo.* 2019, No. 5 (22), pp. 1–15.
14. Ovchinskiy V.S. Kriminologiya i biotekhnologii. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2005, No. 2 (98), pp. 101–118.
15. Pozharskiy D.V., Radko T.N. Funktsii gosudarstva: predely tsifrovykh tekhnologiy. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii.* 2022, No. 2 (62), pp. 17–24.
16. Popov A.V. Dilemmy gosudarstva-natsii pod vliyaniyem tendentsiy virtualizatsii i deterritorializatsii // *Sotsialno-gumanitarnyy vestnik. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey*. Krasnodar: Krasnodarskiy tsentr nauchno-tekhnicheskoy informatsii, 2010. P. 34–39.
17. Sinelnikova-Muryleva Ye.V., Shilov K.D., Zubarev A.V. Sushchnost kriptovalyut: deskriptivnyy i sravnitelnyy analiz. *Finansy: teoriya i praktika.* 2019, Vol. 23, No. 6 (114), pp. 36–49.
18. Stepenko V.Ye., Bogdanovskaya A.D. Zashchita personalnykh dannykh v epokhu globalizatsii. *Yuridicheskiy mir.* 2020, No. 6, pp. 29–32.
19. Tikhonova S.V. Sotsialnyye seti: problemy sotsializatsii interneta. *Polis. Politicheskiye issledovaniya.* 2016, No. 3, pp. 138–152.

Сведения об авторе / About Author:

Шеяфетдинова Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Московский педагогический государственный университет, e-mail: SheiafetdinovaUP@mail.ru

Sheyafetdinova Natalia Aleksandrovna, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor, Theory and History of State and Law Department, Moscow Pedagogical State University, e-mail: SheiafetdinovaUP@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.02.2025/The article was received on 13.02.2025

Статья принята к публикации 27.02.2025/The article accepted for publication 27.02.2025

УДК 343.3/.7
ББК 67.408.1
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-01-89-95

КРАЖА АВТОМОБИЛЯ И КРАЖА ИМУЩЕСТВА ИЗ ЭТОГО АВТОМОБИЛЯ: РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЕДИНОГО ПРОДОЛЖАЕМОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ И СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

О.В. Поликашина

Аннотация. *Вопросы разграничения единого продолжаемого преступления и совокупности преступлений постоянно возникают в практической правоприменительной деятельности. И, несмотря на сложившуюся определенную практику, вопросы квалификации единого продолжаемого преступления и совокупности преступлений при совершении кражи остаются одними из самых сложных. В настоящей статье рассматриваются проблемы разграничения единого продолжаемого преступления и совокупности преступлений при хищении из автомобиля и последующем хищении имущества из этого автомобиля. Анализируя судебную практику, автор дает рекомендации по квалификации таких деяний.*

Ключевые слова: *единое продолжаемое преступление, совокупность преступлений, единый умысел, кража автомобиля, кража чужого имущества.*

Для цитирования: *Поликашина О.В.* Кража автомобиля и кража имущества из этого автомобиля: разграничение единого продолжаемого преступления и совокупности преступлений // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 1. С. 89–95. DOI: 110.31862/3033-7909-2025-01-89-95

© Поликашина О.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THEFT OF A CAR AND THEFT OF PROPERTY FROM THIS CAR: DIFFERENTIATION OF A SINGLE ONGOING CRIME AND A SET OF CRIMES

O.V. Polikashina

Abstract. *The issues of distinguishing between a single ongoing crime and a set of crimes constantly arise in practical law enforcement activities. And, despite the established practice, the issues of qualification of a single ongoing crime and the totality of crimes in the commission of theft remain among the most difficult. This article discusses the problems of distinguishing between a single ongoing crime and a set of crimes during theft from a car and subsequent theft of property from this car. Analyzing judicial practice, the author gives recommendations on the qualification of such acts.*

Keywords: *a single ongoing crime, a set of crimes, a single intent, theft of a car, theft of someone else's property.*

Cite as: Polikashina O.V. Theft of a car and theft of property from this car: differentiation of a single ongoing crime and a set of crimes. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo.* 2025, No. 1, pp. 89–95. DOI: 110.31862/3033-7909-2025-01-89-95

Вопрос разграничения единого продолжаемого преступления и совокупности преступлений являются одним из самых сложных в теории квалификации преступлений. И, казалось бы, сами по себе определения единого продолжаемого преступления и совокупности преступлений не вызывают серьезных проблем у правоприменителей. Но при рассмотрении этих вопросов на практике, на основе анализа конкретных уголовных дел, все чаще приходится приходить к выводу, что вопросы квалификации единого продолжаемого преступления и совокупности преступлений требуют очередного анализа и переосмысления.

Правовая регламентация понятия единого продолжаемого преступления в уголовном законодательстве РФ отсутствует, однако правоприменителями почти 100 лет назад разъяснены признаки указанного преступления.

Так, Верховный Суд СССР еще в 1929 г. дал первое определение продолжаемого преступления, которое складывается из ряда тождественных деяний, объединенных единым умыслом и направленных на достижение единой цели [6, с. 25–26; 2, с. 5–6]. И несмотря на то, что данному понятию исполнится скоро сто лет, оно не потеряло своей практической значимости для рассматриваемой проблемы.

В настоящее время совместный приказ Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29.12.2005 определяет продолжаемое преступление как преступление, складывающееся из ряда юридически тождественных деяний (действия или бездействия), направленных к единой цели, объединенных единым умыслом, единством

объекта посягательства, возможных преступных последствий и квалифицируемых как одно преступление [4].

Таким образом, можно прийти к выводу, что основными признаками единого продолжаемого преступления будут: тождественные деяния (действия или бездействие), единая цель, единый умысел, единый объект посягательства, единые преступные последствия. И такие тождественные деяния будут квалифицироваться как единое, то есть одно преступление, предусмотренное одной статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ.

По смыслу ч.ч. 1, 2 ст. 17 УК РФ совокупностью преступлений признается совершение лицом двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части Уголовного кодекса РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Совокупностью преступлений признается и одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями Уголовного кодекса РФ [1]. При совокупности преступлений в действиях (бездействии) лица явно прослеживаются признаки двух или более составов преступлений. При этом совокупность преступлений характеризуется следующими признаками: не тождественные, а различные деяния, предусмотренные различными статьями Особенной части Уголовного кодекса РФ, различные цели, различные умыслы (для каждого преступления возникает отдельно, самостоятельно), различные объекты посягательств и различные, отличающиеся друг от друга, преступные последствия.

Судебная практика также основывается на том, что отличие совокупности преступлений от продолжаемого преступления состоит в том, что преступления, входящие в совокупность преступлений, не объединены единым умыслом (действия носят самостоятельный различный характер), совершаются при различных обстоятельствах, в разное время, с интервалом, каждый раз с новым возникшим умыслом, возникновение которого предопределялось вновь создававшимися условиями (Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 26.06.2014 № 83-АПУ14-8, Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 14.01.2020 по делу № 22-6941/2019, Постановление Президиума Приморского краевого суда от 10.07.2017 № 44У-167/2017, Постановление Московского городского суда от 08.08.2016 № 4у-3905/2016, Постановление Президиума Владимирского областного суда от 23.06.2014 по делу № 44у-31/2014) [8].

Таким образом, казалось бы, по вышеприведенным признакам не представляется сложностей для разграничения единого продолжаемого преступления и совокупности преступлений, однако правоохранительные органы и суды продолжают допускать ошибки при квалификации таких преступлений. Как отмечают авторы, наиболее типичные ошибки в разграничении единого продолжаемого преступления и совокупности преступлений связаны с неустановлением или же неправильным установлением единого умысла по отношению к содеянному [5, с. 100].

Ниже будет рассмотрено отличие единого продолжаемого преступления от совокупности преступлений на примере уголовного дела, где виновный похитил автомобиль и имущество из багажника этого автомобиля [9].

Так, некий П. совершил хищение автомобиля марки УАЗ модель «Патриот» стоимостью 230 тысяч рублей, буксировочного троса марки «Т плюс», аккумулятора марки «Барс», комплекта ключей, домкрата, ключа с брелоком сигнализации от автомобиля общей стоимостью 28 700 рублей, находящихся на момент хищения в указанном автомобиле, которые совершены в один и тот же день. Органами предварительного следствия действия П. квалифицированы как кража, то есть тайное хищение чужого имущества, совершенное в крупном размере на общую сумму 258 700 рублей, то есть П. совершил преступление, предусмотренное п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ. По мнению органов предварительного следствия, действия П. охватываются единым умыслом, направленным на хищение чужого имущества, что образует состав единого преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

В ходе судебного заседания установлено, что автомобиль марки УАЗ модель «Патриот» принадлежит Ж., которая пояснила, что автомобиль марки УАЗ приобретался ей на собственные деньги за 230 тысяч рублей. Автомобилем на основании генеральной доверенности управляет муж ее сестры Н. Однако имущество, находившееся в багажнике автомобиля, ей не принадлежит, а принадлежит мужу ее сестры Н., который и управлял автомобилем по генеральной доверенности.

В связи с установленными обстоятельствами Ж. была признана судом потерпевшей по факту хищения автомобиля марки «УАЗ-Патриот» стоимостью 230 тысяч рулей. Н. был признан потерпевшим только по факту хищения буксировочного троса марки «Т плюс», аккумулятора марки «Барс», комплекта ключей, домкрата, ключа с брелоком от сигнализации автомобиля, а всего имущества на общую сумму 28 700 рублей. В судебном заседании потерпевший Н. пояснил, что данное имущество приобреталось им на собственные деньги.

Сам же подсудимый П. показал, что он, находясь в гостях у Н., увидел на столе ключи от автомобиля, взял их и похитил автомобиль марки УАЗ, на котором доехал до своего дома, а позже этот автомобиль хотел продать. И только доехав до дома и открыв автомобиль, увидел в багажнике имущество. О том, что в багажнике автомобиля будет находится имущество, он ранее не знал, и только когда он увидел имущество, у него возник умысел на хищение данного имущества из багажника, что он впоследствии и сделал. Позже имущество из автомобиля он продал незнакомым лицам. А через некоторое время был задержан сотрудниками полиции.

При постановлении приговора суд не согласился с квалификацией, предложенной органами предварительного следствия по п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ как единое продолжаемое преступление, и, учитывая, что умысел на хищение автомобиля и умысел на хищение имущества из автомобиля возникали постепенно, в разное время, переквалифицировал действия П. на преступления, предусмотренные п. «в» ч. 2 ст. 158, п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, то есть квалифицировал действия П. как совокупность преступлений.

Вышеприведенные действия обвиняемого П. также не являются последовательными этапами единого продолжаемого преступления, так как обвиняемый П. не знал о том имуществе, которое находится в автомобиле, увидел его только тогда, когда похитил автомобиль. Здесь можно согласиться с мнением Л.В. Иногамовой-Хегай, что преступное деяние, входящее в продолжаемое преступление, содержит в себе признаки самостоятельного преступления, но квалифицировать отдельно

такое деяние нельзя, поскольку оно является только этапом в реализации единого преступного умысла виновного [7].

Представляется, что суд правильно квалифицировал действия П., так как в соответствии с п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» продолжаемым хищением будет являться хищение, состоящее из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление [3]. А согласно п. 25 того же Постановления, как хищение в крупном размере, должно квалифицироваться совершение нескольких хищений чужого имущества, общая стоимость которого превышает 250 тысяч рублей, если эти хищения совершены одним способом и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить единое продолжаемое хищение в крупном размере.

Таким образом, получается, что ущерб, причиненный каждому из двух потерпевших – Ж. и Н., не является крупным, так как «стоимость похищенного в каждом отдельном случае не достигала 250 тыс. руб., а поскольку преступление совершено из разных источников, соответствующие суммы ущерба нельзя складывать в целях определения общего размера хищения как крупного. Аналогичная судебная практика описана в Кассационном определении Верховного суда Республики Мордовия от 22 августа 2012 г. N 22-2671/12» [10].

Подводя итоги к вышесказанному, следует отметить, что поскольку судом не установлен умысел обвиняемого П., направленный на единое хищение имущества потерпевших в крупном размере, а размер похищенных денежных средств ни у одного из них не превышает 250 тысяч рублей, то действия П. нельзя признать хищением, совершенным в крупном размере. Более того, при рассмотрении дела судом установлено, что свои преступные действия, направленные на хищение чужого имущества, совершены обвиняемым П. разными способами.

При таких обстоятельствах, то есть при неустановлении единого умысла на совершении ряда последовательных преступлений, при наличии явно выделяющихся различных умыслов содеянное П. не может расцениваться как продолжаемое преступление, а, следовательно, действия П. правильно переквалифицированы на совокупность преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арнаут В.А.* Единое продолжаемое преступление и совокупность преступлений: вопросы отграничения // Российское правосудие. 2018. № 10. С. 98–103.
2. *Вишнякова Н.В.* Совокупность преступлений: понятие, признаки, виды, отграничение от единого сложного преступления // Законодательство и практика. 2011. № 1 (26). С. 23–26.
3. *Иногамова-Хегай Л.В.* Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: Монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. 288 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российская Федерация) по уголовным делам. М.: Проспект, 1999. С. 5–6.

5. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. N 2.
6. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) «О едином учете преступлений» // Российская газета. 2006. 25 янв. (№ 13).
7. Справочно-правовая система КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 24.02.2023).
8. Сайт Реутовского городского суда Московской области. Дело № 1-220/2020. URL: https://reutov--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=610393627&case_uid=4544375a-d189-427e-a3b8-d7c973eac1d5&delo_id=1540006 (дата обращения: 24.02.2023).
9. Уголовный кодекс от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
10. *Яни П.С.* Размер хищения // Законность. 2016. № 11. С. 37–42.

REFERENCES

1. Arnaut V.A. Edinoe prodolzhaemoe prestuplenie i sovokupnost prestuplenij: voprosy otgranicheniya. *Rossijskoe pravosudie.* 2018, No. 10, pp. 98–103.
2. Vishnyakova N.V. Sovokupnost prestuplenij: ponyatie, priznaki, vidy, otgranichenie ot edinogo slozhnogo prestupleniya. *Zakonodatelstvo i praktika.* 2011, No. 1 (26), pp. 23–26.
3. Inogamova-Hegaj L.V. Konceptualnye osnovy konkurencii ugolovno-pravovyh norm: Monografiya. Moscow: NORMA, INFRA-M, 2015. 288 p.
4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda SSSR ot 04.03.1929 “Ob usloviyah primeneniya davnosti i amnistii k dlyashchimsya i prodolzhaemym prestupleniyam”. *Sbornik postanovlenij Plenumov Verhovnyh Sudov SSSR i RSFSR (Rossijskaya Federaciya) po ugolovnym delam*. Moscow, 1999. P. 5–6.
5. Postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.12.2002 No. 29 (red. ot 16.05.2017) “O sudebnoj praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboe”. *Byulleten Verhovnogo Suda RF.* 2003, No. 2.
6. Prikaz Genprokuratury Rossii No. 39, MVD Rossii N 1070, MCHS Rossii No. 1021, Minyusta Rossii No. 253, FSB Rossii No. 780, Minekonomrazvitiya Rossii N 353, FSKN Rossii No. 399 ot 29.12.2005 (red. ot 15.10.2019) “O edinom uchete prestuplenii”. *Rossijskaya gazeta*. 2006. 25 ianv. (No. 13).
7. Spravochno-pravovaya sistema KonsultantPlyus. *Available at:* https://www.sonsultant.ru/ (accessed: 24.02.2023).
8. Sait Reutovskogo gorodskogo suda Moskovskoi oblasti. Delo No. 1-220/2020. *Available at:* https://reutov--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=610393627&case_uid=4544375a-d189-427e-a3b8-d7c973eac1d5&delo_id=1540006 (accessed: 24.02.2023).
9. Ugolovnyj kodeks ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 29.12.2022). *Sobranie zakonodatelstva RF. 17.06.1996.* N 25. St. 2954.
10. Yani P.S. Razmer hishcheniya. *Zakonnost.* 2016, No. 11, pp. 37–42.

Сведения об авторе / About Author:

Поликашина Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, e-mail: o.polikashina@mail.ru

Polikashina Olga Vladimirovna, PhD in Law, Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, e-mail: o.polikashina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.02.2025/The article was received on 12.02.2025

Статья принята к публикации 26.02.2025/The article accepted for publication 26.02.2025

УДК 343.1
ББК 67.410.2
https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-01-96-102

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А.И. Глушков

Аннотация. *В статье рассмотрены теоретические и правовые вопросы, касающиеся проблем использования результатов оперативно-розыскной деятельности в реализации назначения уголовного судопроизводства. На основе анализа особенностей и отличительных признаков, присущих сведениям, полученным посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, обоснован вывод относительно основных направлений их использования в уголовном судопроизводстве. В этой связи отмечены проблемы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. Одной из таких серьезных проблем является неурегулированность в уголовно-процессуальном законе правового механизма инкорпорирования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовное судопроизводство. На основе анализа положений законодательства, регламентирующих осуществление оперативно-розыскной деятельности, обоснованы выводы о ее значимости для обеспечения успешной реализации назначения уголовного процесса, а также о целесообразности юридического признания сведений, полученных оперативным путем, в качестве самостоятельного источника и вида доказательств по уголовным делам.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, доказывание, доказательства, уголовное судопроизводство, назначение уголовного процесса, предварительное расследование.*

Для цитирования: *Глушков А.И.* Результаты оперативно-розыскной деятельности и основные направления их использования в уголовном судопроизводстве // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 1. С. 96–102. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-01-96-102

© Глушков А.И., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE RESULTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND THE MAIN DIRECTIONS OF THEIR USE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

A.I. Glushkov

Abstract. *The article deals with theoretical and legal issues concerning the problems of using the results of operational investigative activities in the implementation of the purpose of criminal proceedings. Based on the analysis of the features and distinctive features inherent in the information obtained through operational investigative measures, the conclusion is substantiated regarding the main directions of their use in criminal proceedings. In this regard, the problems of implementing the results of operational investigative activities in proving criminal cases are noted. One of such serious problems is the lack of regulation in the Criminal Procedure Law of the legal mechanism for incorporating the results of operational investigative activities into criminal proceedings. Based on the analysis of the provisions of the legislation regulating the implementation of operational investigative activities, conclusions are substantiated about its importance for ensuring the successful implementation of the purpose of criminal proceedings, as well as about the expediency of legal recognition of information obtained operationally as an independent source and type of evidence in criminal cases.*

Keywords: *operational investigative activities, operational investigative measures, proving, evidence, criminal proceedings, appointment of criminal proceedings, preliminary investigation.*

Cite as: Glushkov A.I. The results of operational investigative activities and the main directions of their use in criminal proceedings. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo.* 2025, No. 1, pp. 96–102. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-01-96-102

В современных условиях организация борьбы с преступностью включает в себя достаточно сложный комплекс правовых, организационных, социально-экономических и других специальных мероприятий, проводимых главным образом правоохранительными органами. К числу таких специальных мероприятий относятся проводимые с помощью оперативно-розыскных методов и средств. Для успешного расследования уголовного дела, установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, а также обеспечения реализации назначения уголовного судопроизводства необходимо хорошо налаженное и согласованное обеспечение следователя (дознавателя) сведениями, полученными оперативно-розыскным путем.

Оперативно-розыскная деятельность представляет собой особый специфический государственно-правовой механизм борьбы с преступностью, позволяющий негласно обнаружить, взять под контроль противоправные приготовления и действия в целях последующего их пресечения или своевременного раскрытия и расследования. Указанная деятельность осуществляется гласно и негласно оперативными

подразделениями правоохранительных органов, посредством проведения предусмотренных законом оперативно-розыскных мероприятий.

В Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» и в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации законодателем использован термин «результаты оперативно-розыскной деятельности». Определение данного термина закреплено в п. 361 ст. 5 УПК РФ, где говорится, что результаты оперативно-розыскной деятельности – это сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда. Из данного определения можно выделить следующие признаки сведений, полученных оперативно-розыскным путем:

- результаты оперативно-розыскной деятельности – это лишь ориентирующая информация и сами по себе доказательствами не являются, так как не соответствуют нормативному определению доказательств в том значении, как это определено в уголовно-процессуальном законодательстве;
- результаты оперативно-розыскной деятельности – это только те сведения, которые получены в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»;
- результаты оперативно-розыскной деятельности должны быть конкретизированы, то есть иметь конкретное (детальное, предметное) выражение.

Рассматривая первый признак, необходимо обратиться к следующим положениям ст. 89 УПК РФ: «В процессе доказывания запрещается использовать результаты оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом». Однако их использование в качестве оснований для возбуждения уголовного дела и доказательств по уголовным делам допускается в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего собирание, проверку и оценку доказательств. В силу изложенных обстоятельств есть основания полагать, что результаты оперативно-розыскной деятельности в каких-то ситуациях могут стать доказательствами, а в каких-то таковыми не станут.

Второй признак означает, что в уголовном судопроизводстве могут быть использованы лишь сведения, которые были получены в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных и регламентированных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Однако при этом необходимо отметить, что согласно положениям ст. 4 указанного федерального закона правовой основой оперативно-розыскной деятельности также являются Конституция РФ и принятые в соответствии с ней и Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» ведомственные нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, полномочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность.

Третий признак указывает на то, что сведения должны содержать информацию о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда.

В свете рассматриваемых проблем целесообразно подчеркнуть, что второй признак является обобщающим, то есть он предусматривает дополнительные условия,

например: представляющие оперативный интерес сведения могут быть получены как от конфидента, так и в результате проведения негласных мероприятий непосредственно оперативным сотрудником; полученные сведения должны быть оформлены соответствующими служебно-административными документами; передача в орган расследования или суд материалов с зафиксированными результатами оперативно-розыскной деятельности осуществляется от имени руководителя оперативного органа и др.

Несмотря на то, что в уголовно-процессуальном законе изложено определение понятия результатов оперативно-розыскной деятельности, в то же время законодатель не предусмотрел конкретных правил, устанавливающих правовой механизм их использования в уголовном судопроизводстве. На первый взгляд, такой регламентирующей нормой являлась ст. 89 УПК РФ, однако в иных нормах уголовно-процессуальном закона содержатся положения, позволяющие принимать процессуальные решения по уголовному делу на основании сведений, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности.

Например, в п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ в качестве одного из поводов к возбуждению уголовного дела указано сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, кроме тех, которые поступили в виде заявления о преступлении или явке с повинной. К числу таких сообщений, полученных от иных источников, относятся материалы, собранные в результате служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов, в том числе осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Согласно положениям п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, следователь по находящимся в его производстве уголовным делам правомочен давать органам дознания поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий. Логично предположить, что полученную в результате этих мероприятий информацию следователь предполагает использовать в ходе расследования по уголовному делу.

Есть все основания полагать, что в настоящее время более широкое и масштабное использование возможностей оперативно-розыскной деятельности является одним из важных и реальных резервов в борьбе с преступностью и в повышении результативности уголовного судопроизводства. Исходя из содержания ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и положений п. 4 Приказа МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», можно выделить следующие основные направления использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве:

- для подготовки и осуществления следственных и судебных действий;
- в качестве поводов и основания для возбуждения уголовного дела;
- в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств, и в иных случаях, установленных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

Возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности для подготовки и производства процессуальных действий по уголовному делу

и пределы их применения в этой связи определяются положениями уголовно-процессуального закона. На стадиях предварительного расследования или судебного разбирательства использование оперативно-розыскных данных допустимо лишь при их соответствующем процессуальном оформлении и установлении источника полученной информации, а также если установлена их относимость и достоверность, подтвержденные имеющимися в уголовном деле доказательствами.

Результаты оперативно-розыскной деятельности могут применяться как для установления оснований проведения отдельных следственных действий, так и для подготовки и определения наиболее целесообразных тактических приемов их проведения. Использование сведений, полученных оперативно-розыскным путем, при подготовке и проведении следственных действий во многом обеспечивает их успех и достижение намеченных целей.

Так, например, оперативные данные позволяют сформировать понимание относительно места производства обыска, личности обыскиваемого, его связях в преступной среде и т. п. Это помогает правильно рассчитать время и тактику проведения конкретного следственного действия, подготовить необходимые технические средства, обеспечить присутствие важных участников предстоящего мероприятия, спланировать очередность выполняемых этапов и решить иные организационные вопросы.

Использование результатов оперативно-розыскных действий в качестве поводов и основания для возбуждения уголовного дела возможно при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления (в частности, на наличие объекта и объективной стороны преступления), например: при каких обстоятельствах имело место обнаружение признаков преступления; сведения о лицах, его совершивших, очевидцах преступления (если они известны); о местонахождении предметов и документов, которые могут стать вещественными доказательствами; о фактах и об обстоятельствах, имеющих значение для возбуждения уголовного дела.

В свете рассматриваемых проблем целесообразно отметить значимость оперативной информации для осуществления процесса доказывания по уголовным делам. Однако сведения, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, сами по себе доказательствами являться не могут, они должны быть введены в уголовный процесс только при соблюдении порядка, установленного положениями уголовно-процессуального закона, регламентирующими собирание и проверку доказательств, а также Инструкцией «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

С учетом изложенного результаты оперативно-розыскной деятельности можно определить как сведения, полученные сотрудниками оперативных подразделений правоохранительных органов посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», о признаках подготавливаемого или совершенного преступления, о лицах, подготавливающих или совершивших преступление, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, зафиксированные в оперативно-служебных документах.

В современных условиях эффективная организация борьбы с преступностью, а также обеспечение реализации назначения уголовного судопроизводства может

быть обеспечено при надлежащем сочетании оперативно-розыскных мероприятий со следственными действиями. При этом важно, чтобы должностные лица, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, реально обеспечивали соблюдение прав и свобод человека и гражданина, в том числе на неприкосновенность частой жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища.

С учетом изложенного можно заключить следующее. На протяжении длительного периода времени практика использования сведений, полученных оперативно-розыскным путем, в доказывании по уголовным делам сталкивается с рядом достаточно серьезных проблем. В частности, процессуальный порядок вхождения результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовное судопроизводство, способы приобщения материалов, полученных посредством производства указанной деятельности, с целью их последующего применения в доказывании по уголовному делу сопряжены с трудностями, носящими как теоретико-правовой, так и практический характер.

Положениями уголовно-процессуального закона не регламентирован процессуальный механизм инкорпорирования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовное судопроизводство, а сведения, полученные оперативным путем, не рассматриваются в качестве самостоятельного источника и вида доказательств. Между тем, давно назрела необходимость такого рода сведения рассматривать в качестве самостоятельного источника доказательств, а поэтому их необходимо указать в диспозиции ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Решение указанных вопросов имеет важное значение для развития и совершенствования как правоохранительной системы в целом, включая субъектов оперативно-розыскной деятельности, так и субъектов уголовно-процессуального доказывания. От того насколько полноценно и эффективно сведения, полученные в результате осуществления оперативно-розыскных мероприятий, будут использованы в качестве доказательств в уголовном процессе, в определенной степени зависит правовое положение всего института оперативно-розыскной деятельности, а также будет обеспечено достижение целей доказывания по уголовному делу и реализация назначения уголовного судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 04.07.2022).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144–ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 14.08.1995. № 33. Ст. 3349.
4. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. // Российская газета. 2013. № 282.

REFERENCES

1. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020). Ofitsialnyi internet-portal pravovoi informatsii. *Available at:* http://www.pravo.gov.ru (accessed: 04.07.2022).
2. Ugolovno-protsessualnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: federalnyi zakon ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ (red. ot 17.02.2023). *SZ RF. 2001*. № 52 (ch. I). St. 4921.
3. Federalnyi zakon ot 12.08.1995 № 144–FZ (red. ot 28.12.2022) “Ob operativno-rozysknoi deyatelnosti”. *SZ RF.* 14.08.1995, № 33. St. 3349.
4. Ob utverzhdenii Instruktsii o poryadke predstavleniya rezultatov operativno-rozysknoi deyatelnosti organu doznaniya, sledovatelyu ili v sud: prikaz MVD Rossii № 776, Minoborony Rossii № 703, FSB Rossii № 509, FSO Rossii № 507, FTS Rossii № 1820, SVR Rossii № 42, FSIN Rossii № 535, FSKN Rossii № 398, SK Rossii № 68 ot 27 sentyabrya 2013 g. *Rossiiskaya gazeta*. 2013, No. 282.

Сведения об авторе / About Author:

Глушков Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права, Московский педагогический государственный университет, e-mail: ai.glushkov@mpgu.su

Glushkov Alexander Ivanovich, ScD in Law, Full Professor, Head of the Department of Law, Moscow Pedagogical State University, e-mail: ai.glushkov@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 12.02.2025/The article was received on 12.02.2025

Статья принята к публикации 26.02.2025/The article accepted for publication 26.02.2025